

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук

На правах рукописи

Шумилова Элина Евгеньевна

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ОМСК, ТОМСК, НОВНИКОЛАЕВСК, БАРНАУЛ)
В ИЮЛЕ 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 гг.

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, профессор
Шиловский Михаил Викторович

Новосибирск – 2018

Оглавление

Введение.....	3
1 Население крупных городов Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг.....	37
1.1 Демографические процессы.....	37
1.2 Медицинское обслуживание населения.....	48
2 Городская среда Омска, Томска, Новониколаевска и Барнаула в июле 1914 – феврале 1917 гг.....	63
2.1 Занятия и уровень доходов горожан.....	63
2.2 Обеспечение продовольствием и качество питания.....	77
2.3 Жилищные условия и состояние городского благоустройства.....	88
3 Общественное восприятие происходящих событий и социальное поведение населения крупных городов Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг.....	102
3.1 Восприятие немцев жителями в годы Первой мировой войны.....	102
3.2 Благотворительная деятельность как элемент повседневного поведения горожан.....	113
3.3 Отражение событий Первой мировой войны в общественном сознании жителей крупных городов.....	122
Заключение.....	135
Список использованных источников и литературы.....	140

Введение

Актуальность темы исследования. История повседневности – относительно новое направление в отечественной исторической науке. В течение продолжительного времени основной интерес для историков представляли политические и социально-экономические процессы, проходившие в нашей стране, будни же «обычного человека» почти не рассматривались. В этом отношении анализ повседневной жизни населения крупных городов Западной Сибири (Омска, Томска, Новониколаевска и Барнаула) в годы Первой мировой войны является ещё одним шагом на пути определения роли «простого человека» в историческом процессе.

Вступление России в Первую мировую войну значительно изменило повседневность не только прифронтовых, но и тыловых территорий империи. Не могло оно не повлиять и на привычный образ жизни горожан Западной Сибири. Многочисленные призывные кампании, обеспечение продовольствием армии, трансформация всех отраслей промышленности для военных нужд, расквартирование военнопленных и беженцев – это тот список задач для крупных городов Западной Сибири, благодаря которым они стали участниками не только всероссийских, но и мировых геополитических процессов. Пристальное внимание к данной проблеме позволяет проследить закономерности между ситуацией в тылу и отношением населения к войне.

Актуальность темы исследования определяется следующими аспектами. Во-первых, комплексное изучение истории Первой мировой войны требует учета региональных особенностей влияния военных событий на экономическую и социальную жизнь губерний Российской империи, в частности крупных городов Западной Сибири, выполнявших роль тыловой территории и выступавших источником ресурсов для русской армии. Во-вторых, многообразие исторических сведений о повседневной городской жизни в Сибири в годы Первой мировой войны требует обоснованной систематизации, поскольку от оценки состояния

государственной политики в Сибири в этот непростой период зависит дальнейшее изучение социальных трансформаций и революционных потрясений. В-третьих, необходим поиск новых подходов к более глубокому осмыслению восприятия повседневной городской среды жителями сибирских городов, особенно в части отношения к войне и изменению социальной жизни в военных условиях в их среде обитания. Акцент на микроисторических процессах, происходивших в сибирском городе в этот исторический период, позволит сформулировать комплексные выводы о состоянии экономики, социальной ситуации, социокультурной среды в Западной Сибири и расширит контуры системных исторических знаний о Первой мировой войне.

Степень разработанности темы исследования. Специальные работы, посвященные исследованию повседневной жизни населения крупных городов Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг., в настоящее время отсутствуют. В то же время отдельные стороны данного вопроса фрагментарно рассмотрены в ряде исследований отечественных и зарубежных авторов.

Первые работы, касающиеся различных аспектов повседневности горожан Западной Сибири в условиях Первой мировой войны, стали появляться в 1914—1917 гг. Авторами этих исследований в основном были не профессиональные историки, а экономисты, врачи и чиновники. Характерной особенностью их трудов являлась описательность и доминирование публицистического стиля над научным анализом. Причём в своих рассуждениях они чаще всего старались придерживаться официально принятой точки зрения о процессах, происходящих в тылу.

Оценкой деятельности имперской и городской власти в деле продовольственного снабжения населения в годы Первой мировой войны, а также характеристикой работы кооперативов в данном направлении занимались экономисты Н.М. Ясный, С.Н. Прокопович, А.В. Чаянов¹.

¹ Ясный Н. М. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917. 52 с.

Характеристика жилищных условий жителей Российской империи в начале XX в. была представлена в основном в работах врачей и членов общественных организаций. Авторы, прежде всего, уделяли внимание санитарной обстановке жилищ и деятельности общественных организаций по решению жилищных проблем².

К этому же периоду относятся обзоры и очерки о работе благотворительных организаций. Авторы данных исследований чаще всего являлись участниками различных обществ помощи нуждающимся и хорошо знали эту проблему «изнутри»³.

Труды, посвященные проблеме восприятия войны населением в монархический период, носили чаще всего не исследовательский, а откровенно агитационно-пропагандистский характер. В них современники и очевидцы чрезвычайных событий в публицистической форме отстаивали официальную точку зрения о патриотических настроениях населения Российской империи, акцентировали внимание на подвигах всех категорий военнослужащих⁴.

Победа большевиков в гражданской войне закрепила подход В.И. Ленина к изложению истории Первой мировой войны. В период становления советской государственности и в последующие десятилетия не подлежало сомнению утверждение советского вождя об антинародном захватническом характере Первой мировой войны. Подчеркивалась губительность военных действий для положения

² Гликман С. Сдаточные (вольные) квартиры рабочих на новой нефтеносной площади бакинского промыслового района в санитарном отношении // *Общественный врач*. 1915. № 7-8. С. 487–493; Жилища рабочих на рудниках Донецкого района // *Вестн. общественной гигиены, судебной и практ. медицины*. 1914. № 2. С.16–31; Обзор деятельности общества для удовлетворения квартирной нужды среди служащих в Московском управлении за 1914 г. М., 1915. 83 с.

³ Аннанов И. Союзы городов. Очерк деятельности Всероссийского союза городов за 1914–1915 гг. М., 1915. 239 с.; Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте (1915–1917). М., 1918. 228 с.; Рацкевич О. Г. Беженцы в Новороссийске. Новороссийск, 1916. 231 с.

⁴ Сенигов И. Почему Россия не может не победить Германию? СПб, 1914. 32 с.; Муравьев Н. М. Русский народ – защитник православных. Румыны и славяне. Киев, 1915. 24 с.

трудящихся⁵. В обществе культивировалось восприятие войны как «ускорителя революции», война как самостоятельная тема перестала рассматриваться, негласно став неактуальной⁶.

В 1920-е годы, после того как страна немного оправилась от войн и революций и правительству потребовались статистические данные о потерях в предшествующий исторический период, начинается работа по анализу демографической ситуации в Российской империи в годы Первой мировой войны⁷. Отметим, что работу первых советских статистиков во многом осложнял тот факт, что в начале 1920-х годов все выявленные статистические материалы, характеризующие демографическую ситуацию Российской империи за 1917 г., были вывезены из Ленинграда в Москву и следы их оказались потеряны⁸. Великая Отечественная война на время приостановила изучение данной темы, однако уже в 1960-е годы оно продолжилось. Большой исследовательский интерес до сих пор представляют работы выдающихся отечественных демографов Б.Ц. Урланиса и А.Я. Боярского⁹. Однако, несмотря на все достоинства исследований, есть основания полагать, что учёные, отдавая дань политической конъюнктуре времени, несколько преуменьшали численность населения в Российской империи накануне революционных событий 1917 г.

В советский период продолжают появляться работы, посвящённые как изучению отдельных лечебных заведений, так и истории медицины в Сибири в

⁵ Ленин В. И. Вариант проекта резолюции левых социал-демократов к первой международной социалистической конференции // Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 26. С.383.

⁶ Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С.18.

⁷ Новосельский С. А. Влияние войны на естественное движение населения // Тр. комиссии по обследованию санитарных последствий войны. 1914–1920 гг. М.; Л., 1923. Вып.1. С. 204–208; Лубны–Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время войны и революции. М., 1926. 124 с.; Россия в мировой войне (1914–1918 гг.) в цифрах. М., 1925. 104 с.; Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. 271 с.

⁸ Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М., 1987. С.35–46.

⁹ Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность в СССР. М., 1963. 136 с.; Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении населения России и в СССР в 1915–1923 годы // Население и методы его изучения. М., 1975. С. 225–239.

целом, где также освещался монархический период¹⁰. Коллективное исследование Г.И. Мендрина и Н.П. Федотова раскрывает нам тяжёлые условия, в которых приходилось работать медицинскому персоналу в Сибири, сообщает о способах, с помощью которых лечебные учреждения стремились решить проблемы с переполненностью больниц, питанием пациентов, недостатком медикаментов¹¹. Работа И.М. Разгона, вышедшая в 1979 г., раскрывает особенности медико-санитарной обстановки в Томске накануне февральской революции¹².

Продовольственная проблема в советский период перестаёт иметь самостоятельное значение и рассматривается в контексте революции. Так, Т.М. Китанина, И.П. Лейборов и С.Д. Рудченко, анализируя ряд аспектов, связанных с системой государственных закупок и распределения продовольствия, показали, что неспособность власти обеспечить стабильную доставку хлеба в Петроград становится одной из предпосылок Февральской революции¹³. Значительное внимание изучению военно-хозяйственной политики Российской империи и государственному регулированию экономики в рассматриваемый период уделяли А.П. Погребинский и А.Л. Сидоров¹⁴. Обязательным и объединяющим признаком всех публикаций становится критически-негативная оценка царского правительства в решении продовольственной проблемы.

Анализируя занятия населения Российской империи на основе результатов переписи 1897 г., В.И. Ленин предлагал дифференцировать людей на три крупные

¹⁰ Рабинович М. С. Из истории Омского военного госпиталя // Изв. Омск. отд-ния географ. об-ва СССР. 1960. Вып.3. С. 37–43; Рабинович М. С. Роль военных врачей Омска в истории гражданского здравоохранения города до Октябрьской революции // Межвуз. науч. конф. Материалы географ. секции. Омск, 1967. С. 113–118.

¹¹ Федотов Н. П., Мендрина Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. 260 с.

¹² Разгон И. М. Томск накануне февральской революции 1917 г. // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С.122–136.

¹³ Лейборов И. П., Рудченко С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. 224 с.; Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 гг. Л., 1985. 384 с.

¹⁴ Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1950. №. 31. С.37–60; Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. 654 с.

подгруппы: непроизводительное, сельскохозяйственное и торгово–промышленное население¹⁵. Данные идеи были восприняты и развиты в работах историков Л.М. Иванова и Л.В. Куприянова¹⁶.

Из историографии советского периода практически исчезает проблема благотворительности. Значительно угасает интерес исследователей и к теме общественных настроений в годы Первой мировой войны. Упоминание о проблеме лишь изредка встречается в работах русских эмигрантов¹⁷. Отечественные исследователи сосредоточивают своё внимание на военно–экономической стороне вопроса и на выявлении влияния войны на революционный процесс¹⁸.

Однобокие и идеологически нагруженные подходы к истории Первой мировой войны начинают исчезать из исторических исследований лишь с началом эпохи перестройки. Такая тенденция была прежде всего связана с открытием ряда архивов и расширением плюрализма в науке. В 1990-е годы после распада Советского Союза происходит постепенный отход от марксистско-ленинского подхода к истории. В исторических исследованиях возникает тема патриотизма и благотворительности.

В 2000-е годы появляются первые отечественные труды о Первой мировой войне, написанные в рамках концепции повседневности¹⁹. Хотя изначально некоторые отечественные историки олицетворяли данное направление лишь с бытописанием и почти не уделяли внимания другой составной части направления, – сознанию «обычного человека», это не отразилось на общем уровне работ этого

¹⁵ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. М, 1971. Т.3. С. 502.

¹⁶ Иванов Л. М. О сословно–классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально экономической истории России. М., 1971. С.312–340; Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. К проблеме развития капитализма вширь. М., 1981. 232 с.

¹⁷ Виноградов К. Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения, 1914–1917 гг. М., 1962. 406 с.

¹⁸ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918. М., 1931. 464 с.; Ежов Н. Военная Казань в 1917 г.: (краткий очерк). Казань, 1957. 86 с.

¹⁹ Ильясова А. В. История повседневности в современной российской историографии // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XXI в.: сб. тр. молодых ученых / отв. ред. А. С. Усачев. М., 2012. С.279.

времени²⁰.

Так, историк О.С. Поршнева выявила причины того, каким образом патриотические настроения населения начала войны превратились в глубокое недоверие к власти, но не только из-за военных поражений, но и в силу несоответствия народных представлений о справедливом распределении тягот войны между различными слоями общества²¹.

Е.С. Сенявская рассмотрела средства идеологического давления, которыми пользовались власти для воздействия на личный состав армии и общества в целом²². Р.В. Голубин проанализировал отношение к войне влиятельных представителей политической элиты²³.

Американский историк Д. Сэнборн, исследуя восприятие населением событий Первой мировой войны, останавливает своё внимание на бунтах призывников, имевших место в 15 губерниях Российской империи, в том числе в Сибири. Причины беспорядков, по его мнению, были самые разнообразные: от желания выпить до желания показать недовольство войной²⁴. Восприятию образа врага и явлению «шпиономании» в Российской империи была посвящена работа британского исследователя У. Фуллера. По мнению историка, поимка несуществующих шпионов в обществе была необходима для списывания неудач в

²⁰ Баскина А. Л. Повседневная жизнь американской семьи. М., 2003. 281 с.; Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (30–40-е годы). М., 2003. 465 с.; Марочкин В. В. Повседневная жизнь российского рок-музыканта. М., 2003. 225 с.; Аникович М. Повседневная жизнь охотников на мамонтов. М., 2004. 352 с.

²¹ Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. 415 с.; Поршнева О. С. Рабочие, крестьяне и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. 368 с.

²² Сенявская Е. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны. 1914 – март 1918 г.: (рецензия на работу О. С. Поршневой) // Отечественная история. 2001. № 1. С.192–194; Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. 232 с.

²³ Голубин Р. В. Трансформация общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. Сер. История. 2002. Вып.1. С.92–96.

²⁴ Сэнборн Д. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война: (материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб., 1999. С. 203–204, 207–213.

военных кампаниях на иностранную разведку²⁵.

Кроме того, в последнее время начали появляться работы, где большое внимание уделяется общественным настроениям в конкретных регионах Российской империи²⁶. Так, анализируя восприятие населением Сибири в период Первой мировой войны, Е.А. Дегальцева приходит к выводу о том, что эта война, как и Русско-японская, не имела большой популярности среди жителей региона и стала для них неожиданным и малообъяснимым явлением. Если вначале, как утверждает Е.А. Дегальцева, война и вызвала волну патриотизма, то на следующих ее этапах к негативным оценкам ведения военной кампании присоединилась критика действий императора и в целом государственного строя²⁷.

В конце 90-х – начале 2000-х гг. в отечественной историографии оживляется интерес к истории межнациональных отношений. Постепенно появляются исследователи, которые обращают своё внимание на такие вопросы, как отражение образа врага в массовом сознании и отношение жителей Российской империи к немцам. В работах И.В. Нам, Е.С. Сенявской, С.В. Оболенской, А.С. Тумановой подробно рассматривается борьба с «немецким засильем» в Российской империи, в трудах А.Э. Маттиса, В.Н. Шайдурова, П.П. Вибе делается попытка выяснить, каковы были особенности этой борьбы в Сибири и, в частности, в изучаемых

²⁵ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С.12–13.

²⁶ Казаковцев С. В. Вятская губерния в годы Первой мировой войны: эволюция общественных настроений // Изв. Том. политехн. ун-та. 2007. Т. 310, № 3. С. 184–188; Семенова Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. 50 с.

²⁷ Дегальцева Е. А. Войны и их восприятие в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 132–138.

городах²⁸.

Е.С. Сенявская, анализируя отношение к немцам в годы Первой мировой войны, приходит к выводу об одновременном существовании в сознании русских разных образов врага. Это и образ внешнего врага, ставший результатом политической пропаганды, и бытовой, появившийся вследствие прямых контактов жителей городов с лицами вражеских государств²⁹. А.С. Туманова подробно раскрывает вопрос о том, как члены различных общественных объединений Российской империи воспринимали антинемецкую пропаганду. На основе широкого круга источников автор приходит к выводу, что затронувшая частные общества борьба с «немецким засильем» была результатом действий как власти, так и самой общественности³⁰.

Несмотря на большой объём накопленной информации, среди исследователей до сих пор нет единой точки зрения относительно того, как менялось в течение войны отношение жителей Российской империи к немцам. Свидетельством этого является дискуссия между Е.С. Сенявской и С.В. Оболенской. Первая утверждает, что отношение к противнику в годы Первой мировой войны под влиянием личных впечатлений жителей Российской империи становится более терпимым³¹. С.В. Оболенская, напротив, уверена в том, что к концу войны наблюдается «крайнее озлобление» населения России против немцев, которое вызвано известиями из

²⁸ Нам И. В. Сибирские немцы в условиях Первой мировой войны и революции // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 130–141; Маттис А. Э. «Борьба с немецким засильем» в годы Первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 58–65. Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьбы российских немцев // Алтай. сб. 2000. Вып. 20. С. 48–62; Оболенская С. В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. М., 2001. С.175–196; Виле П. П. Немецкие и меннонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Изв. Омск. гос. ист.–краевед. музея. Омск, 2003. № 10. С. 193–198.

²⁹ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 70–71.

³⁰ Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. М., 2014.

³¹ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 69.

немецкого плена и способами ведения войны³².

Актуальным остаётся и вопрос об отсутствии или наличии особенностей в восприятии немцев сибиряками. Так, если В.Н. Шайдуров уверен, что подобные отличия были и именно они делали отношение к немцам более лояльным, то П.П. Вибе таких отличий не выделяет³³.

В постсоветское время впервые появляются статьи и объёмные труды по истории медицины в годы Первой мировой войны, написанные профессиональными историками. В современных работах О.В. Гефнер, И.А. Ерёмина, С.А. Некрылова, К.А. Семёновой, В.Г. Кокоулина, Ю.А. Фабрики и С.Ф. Фоминых делается попытка охарактеризовать борьбу с эпидемиями заразных заболеваний в изучаемый период, проанализировать работу отдельных медицинских учреждений или даже комплексно охарактеризовать уровень развития здравоохранения в отдельных городах Западной Сибири³⁴.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов возобновился интерес к теме занятости населения. Помимо существующей ленинской модели классификации занятий населения, в трудах историков В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова, Б.Н. Миронова, Е.А. Киселева появляется новая модель деления занятий людей

³² Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских: XIX в. М., 2000. С. 184–188.

³³ Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьбы российских немцев // Алтай. сб. 2000. Вып. 20. С. 48–62; Оболенская С. В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. М., 2001. С.175–196; Вибе П. П. Немецкие и меннонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Изв. Омск. гос. ист.–краевед. музея. Омск, 2003. № 10. С. 193–198.

³⁴ Гефнер О. В. Медицинская деятельность военных Омска в конце XIX – начале XX вв. // Вестн. Омск. ун-та. 1999. Вып. 1. С. 46–50; Ерёмин И. А. Забота о больных и раненых воинах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) // Изв. Том. политехн. ун-та. 2006. Т. 309, № 6. С. 202–205; История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.). М., 2014; Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. 4-й Томский передовой врачебно-питательный отряд на Юго-западной фронте (1915–1916 гг.) // Русин. 2016. №2 (44). С. 187–199; Семенова К. А. Здравоохранение города Томска: время становления (1860–е – 1919 г.). Томск, 2009. 157 с.; Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 гг.). Новосибирск, 2013. 385 с.; Фабрика Ю. А. Сибирь сражающаяся. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск, 2014. Т. 2. 307 с.

по отраслям³⁵. Итогом широкомасштабной работы по данной проблематике в России стал Международный симпозиум «Историческое профессиоведение: профессии и труд в российской истории», состоявшийся в октябре 2006 г. в Москве³⁶.

Наряду с проблемой занятости историков начала интересоваться оценка уровня доходов населения. Так, анализом падения доходов жителей Российской империи занимался П. Гэтрелл. Согласно выводам британского учёного вследствие войны больше всего пострадали горожане. В отличие от крестьян они не смогли восполнить свои доходы за счёт более молодых или пожилых родственников. Среди горожан самые большие потери в доходах наблюдались у служащих, которые жили в основном на получаемое жалованье³⁷.

В 1990-е годы предпринимались новые попытки по уточнению данных о численности и демографическом составе населения в годы Первой мировой войны. Так, В.М. Кабузан расширил географию изучения регионов страны работая с фондами Синода, Главного врачебного инспектора и Центрального статистического комитета³⁸.

Демографическую ситуацию в России рассмотрел в своей работе «Первая мировая война и конец царизма» английский учёный Д. Сандерс. По его мнению, социальные процессы, наблюдавшиеся в России в годы войны, являлись катастрофой, произошедшей вследствие потери российским обществом «социального равновесия», отклонения от системы господствующих в данный

³⁵ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // Изв. Алтай. гос. ун-та. 1998. № 3(8). С.58–62; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2003. Т. 2. 359 с.; Киселева Е. А. Кодирование профессиональных данных в целях проведения сравнительно-исторических исследований // Изв. Алтай. гос. ун-та. Сер. История, политология. 2008. № 4/4. С. 89–94.

³⁶ Владимиров В. Н. Историческое профессиоведение: предмет и проблематика // Вестн. Перм. ун-та. 2009. Вып. 3. С. 96–99.

³⁷ Gatrell P. Russia's First World War: A social and economic history. Harlow, 2005. P. 52–53.

³⁸ Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С.3–26.

момент социальных ценностей³⁹.

В эти же годы вышли в свет и работы сибирских учёных. Одним из первых трудов можно считать статью Л.М. Горюшкина и В.И. Пронина «Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции», напечатанную в 1992 г. в сборнике научных трудов «Историческая демография Сибири». В ней особое внимание уделяется динамике численности городского и сельского населения в Сибири в 1914–1917 гг., а также делается первая попытка проанализировать степень достоверности источников по заявленной проблеме⁴⁰. В статье «Новые материалы по истории г. Новониколаевска». В.И. Баяндин предлагает при рассмотрении демографической ситуации в Новониколаевске в начале XX века сделать упор на анализе церковно–приходских журналов, метрических ведомостей, а также отчётов местных церковных властей⁴¹. Чуть позже появились труды Н.Я. Гущина и В.А. Зверева, которые обратили пристальное внимание именно на Западную Сибирь⁴². В 1997 г. издаётся коллективная монография «Население Западной Сибири в XX веке», где на высоком профессиональном уровне даётся комплексный анализ демографической ситуации в городах и сёлах Западной Сибири за 100 лет⁴³. В 2000 г. из печати вышла монография Н.М. Дмитриенко «Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века. Управление, экономика, население», где среди прочих важных вопросов по истории Томска поднимается вопрос о демографической ситуации

В

³⁹ Saunders D. The First World War and the end of Tsarism // Reinterpreting revolutionary Russia: Essays in honor of James D. White / ed. I. Thatcher. Basingstoke, 2006. P. 56–57, 66–68.

⁴⁰ Горюшкин Л. М., Пронин В. И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С.84–101.

⁴¹ Баяндин В. И. Новые материалы по истории г. Новониколаевска // Таре – 400 лет: материалы науч.–практ. конф. / под ред. П. П. Вибе. Омск, 1994. С. 90 – 94.

⁴² Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995. 82 с.; Зверев В. А. Половозрастной состав населения Западной Сибири в 1897–1917 гг. // Вопросы историографии, истории и археологии. Омск, 1996. С. 35–38.

⁴³ Население Западной Сибири в XX веке / под ред. Н. Я. Гущина, В. А. Исупова. Новосибирск, 1997. 170 с.

городе в 1896–1915 гг.⁴⁴. На основе большого объёма источников автор проанализировала динамику рождаемости в Томске в указанный период, рассмотрела половозрастную структуру населения. В 2014 г. в статье «Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны» В.П. Зиновьев и С.Ф. Фоминых привели факты, свидетельствующие о том, что регион стал серьёзным стратегическим ресурсом Российской империи, в том числе за счёт своего огромного демографического потенциала⁴⁵. Год спустя вышла из печати статья В.А. Исупова «Население Сибири в годы войн и революций (1914–1922 гг.)», в которой проанализированы особенности воспроизводства и половозрастной состав населения в Западной и Восточной Сибири в период войн и революций начала XX⁴⁶.

В исследовании продовольственного обеспечения населения Российской империи в постсоветский период также стали появляться новые подходы. Отечественные и зарубежные авторы сосредоточили своё внимание на выявлении региональной специфики проблемы, а также на использовании историко–психологического метода. Выступления на почве дороговизны в России и представления о справедливости обеспечения продовольствием у различных социальных групп населения рассматривали в своих работах Ю.И. Кирьянова и Б. Энгл⁴⁷. Анализ деятельности региональных властей в деле снабжения продуктами

⁴⁴ Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX–первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. 283 с.

⁴⁵ Зиновьев В. П., Фоминых С. Ф. Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны // Русин. 2014. № 3. С. 48–61.

⁴⁶ Исупов В. А. Население Сибири в годы войн и революций (1914–1922 гг.) // Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2015. Вып. 4. С. 78–112.

⁴⁷ Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 гг.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18; Энгл Б. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. 2010. Т. 4, № 1. С. 148–178.

питания представили в своих трудах О.М. Долидович и Т.И. Трошина⁴⁸. Кандидатскую диссертацию, посвящённую продовольственному снабжению населения Среднего Поволжья в рассматриваемый период, написал Я.А. Голубинов. В ней автор отмечает, что в годы войны производство продовольственных товаров в Поволжье находилось на достаточном уровне и угрозы голода не возникало⁴⁹. Продовольственное обеспечение в России в годы войны затрагивал в своей работе и П. Гэттрелл. На основе многочисленных архивных источников британский историк пришёл к выводу, что одной из важнейших причин продовольственного кризиса стало не отсутствие зерна, а нарушения в работе транспортной системы⁵⁰.

За последние пятнадцать лет появилось немало публикаций, которые смогли отразить различные аспекты продовольственного вопроса на территории Сибири в годы Первой мировой войны. В работах А.П. Толочко, И.А. Коновалова, Е.Ю. Меренковой и О.В. Чудакова охарактеризованы основные направления деятельности городских органов местного самоуправления в Западной Сибири по борьбе с повышением цен на продовольствие. В.М. Рынков подробно проанализировал различные стратегии экономического поведения жителей Сибири в условиях экстремальной ситуации Первой мировой войны, М.В. Шиловский выявил причины продовольственных беспорядков с участием жён призванных⁵¹. В.В. Шевцов и А.Н. Жеравина исследовали различные аспекты активной деятельности

⁴⁸ Трошина Т. И. Продовольственный вопрос в Архангельске в годы Первой мировой войны в связи с нарушением традиционного торгового баланса // Архангельск и Северные страны конца XVI – начала XX веков. Архангельск, 1999. С. 135–145; Долидович О. М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. 2014. Ч. 3, № 12. С. 71–74.

⁴⁹ Голубинов Я. А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. С. 9.

⁵⁰ Gatrell P. Russia's First World War: A social and economic history. Harlow, 2005. P. 25, 28.

⁵¹ Городское самоуправление в Сибири в дореволюционный период: становление и развитие / А. П. Толочко [и др.]. Омск, 2003. 195 с.; Рынков В. М. Рынок сельскохозяйственной продукции Сибири в годы Первой мировой войны: поведение покупателя и продавца // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII – XX вв.: Бахрушинские чтения 2005 г. Новосибирск, 2005. С. 68–80; Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. 330 с.

сибирского купечества в экономическом развитии Томска⁵². В свою очередь Г.М. Запорожченко обратила внимание на роль сибирской кооперации в преодолении дефицита продовольствия. В своей работе «Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления» Г.М. Запорожченко отметила, что в период Первой мировой войны кооперативы Сибири сыграли существенную роль в регулировании продовольственного вопроса и интеграции городского сообщества, проявив тем самым свое модернизационное значение⁵³.

Исследованием жилищных условий населения Российской империи с точки зрения теории повседневности в 2000-е годы занимались историки Н.А. Араловец, В.И. Исаев, Ю.М. Гончаров, В.А. Скубневский, М.В. Шиловский⁵⁴. Несмотря на значительный пласт накопленной информации о жилищных условиях населения в начале XX века, в их работах не выявлены характерные особенности жилищного кризиса в городах Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Большинство авторов лишь отмечают, что обострение жилищной проблемы в начале XX века прежде всего связано со вступлением российского общества в фазу перехода от традиционно-аграрного к индустриально-урбанистическому обществу, который сопровождался переселением крестьянского населения в города.

⁵² Шевцов В. В., Карташова Т. П. Инвестиционно–предпринимательская деятельность П.И. Макушина в области культуры и просвещения (по материалам томских архивов и периодической печати) // Сибирские исторические исследования. 2016. №2. С. 96–110; Жеравина А. Н. Экономическое развитие Томска во второй половине XIX – начале XX вв. // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. : материалы Всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 151–158.

⁵³ Запорожченко Г. М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления. Новосибирск, 2015. 260 с.

⁵⁴ Араловец Н. А. Городская семья в России: 1897–1926 гг. Историко–демографический аспект. М., 2003. 233 с.; Исаев В. И. Государственная жилищная политика в городах Сибири в начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX вв: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 306–312; Шиловский М. В. Жилищные условия интеллигенции Сибири XIX – начала XX вв. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. 4–е науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 178–184; Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Застройка городов Западной Сибири в середине XIX — начале XX в. // Города Сибири в XVII–начале XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 33–74.

С начала 1990–х годов возобновилось внимание к теме благотворительности. С этого периода авторы часто затрагивают вопросы помощи нуждающимся как в общероссийском, так и в региональном контексте. Благотворительную работу русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX в. рассмотрел Д.А. Пашенцев⁵⁵. Роли отечественной благотворительности в общественной и культурной жизни страны на рубеже XIX — XX вв. посвятили работы Е.Ю. Горбунова и Е.В. Иванова⁵⁶. Большой фактический материал, отражающий отдельные сюжеты данной проблемы, представлен в работах сибирских авторов О.В. Чудакова, А.В. Полуаршинова, Т.А. Кижяевой, О.Н. Катионова, Ю.А. Зноско⁵⁷.

Особо следует выделить монографии сибирских историков И.А. Ерёмина и О.В. Чудакова. Именно эти исследователи смогли отразить в своих трудах многочисленные аспекты повседневной жизни сибиряков в период Первой мировой войны. Монография И.А. Ерёмина «Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» стала первым изданием, посвящённым истории Первой мировой войны в таком крупном регионе Западной Сибири, как Томская губерния. На основе широкого круга источников автор выявил формы благотворительной помощи различным категориям пострадавших от войны, охарактеризовал занятия военнопленных и беженцев, а также проанализировал

⁵⁵ Пашенцев Д. А. Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 24 с.

⁵⁶ Горбунова Е. Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно–культурной жизни на рубеже XIX – XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 30 с.; Иванова Е. В. Внедрение в российскую систему благотворительности зарубежного опыта социальной работы в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 21 с.

⁵⁷ Чудаков О. В. Деятельность Омского городского самоуправления в организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 2000. С. 183–188; Полуаршинов А. В. Оказание помощи пострадавшим от войны населением и общественными организациями Омска (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Актуальные проблемы отечественной истории XVIII–XX вв. Омск, 2002. С. 123–135; Кижяева Т. А. Благотворительная деятельность попечительства о призрении семейств нижних чинов при Барнаульской городской управе в годы Первой мировой войны // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 119–121; Катионов О. Н., Зноско Ю. А. Кружки дам духовного звания в Томской губернии в годы Первой мировой войны // Интерэкспо ГЕО – Сибирь. 2016. Т. 6, №1. С. 26–30.

настроения общественности в периоды призывных кампаний 1914–1917 гг.⁵⁸.

В монографии О.В. Чудакова «Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.)» отражены основные направления медико-санитарной деятельности органов городского самоуправления, в том числе в изучаемых нами городах, методы борьбы с дороговизной в Сибири, подробно раскрыты вопросы оказания помощи семьям призванных в армию, а также расквартирования беженцев и военнопленных⁵⁹. Современные исследователи обратили внимание на сюжеты, связанные с изучением положения военнопленных в Сибири вообще и в Омске, Томске, Новониколаевске в частности. В работах историков и краеведов содержится информация об их динамике численности, размещении, занятиях, взаимоотношениях с горожанами⁶⁰. В ряде работ отражена деятельность органов городского общественного самоуправления по продовольственному обеспечению населения, организации помощи призванных в армию и размещению беженцев, инвалидов, выселенцев⁶¹. О.А. Харусь проанализировала попытки консолидации городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны для решения первоочередных задач: оказания помощи раненым, материального обеспечения семей, призванных на

⁵⁸ Ерёмин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. 278 с.

⁵⁹ Чудаков О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.) : монография. Омск, 2013. 422 с.

⁶⁰ Талапин А. Н. Военнопленные славяне на территории Омского округа (1914–1917 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных наук: меж.-вузов. сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 128–134; Гергилева А. И. Общественность Сибири и отношение к военнопленным Первой мировой войны // Вестн. Красноярск. гос. аграр. ун-та. 2006. Вып.12. С. 421–426; Демченко А. В. Военнопленные Первой мировой войны в Омске // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. 1999. № 7. С. 386–388; Селюк В. И. Пленные Первой мировой войны // Омский краевед. 2012. №5. С. 14–18.

⁶¹ Чудаков О. В. Мобилизационные усилия органов городского самоуправления Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 139–141; Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т. 1: Дореволюционный Омск. С. 261–276. Фабрика Ю. А. «Новониколаевск переобременен войсками...» (Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг.) // Сибирь и войны XIX–XX веков. Новониколаевск, 2014. С. 103–106.

фронт, предупреждения возникновения эпидемий⁶².

Таким образом, наиболее изученными в отечественной и зарубежной историографии оказались вопросы борьбы крупных городов Российской империи и, в частности Западной Сибири, с продовольственными трудностями, формы благотворительной помощи населения, а также методы формирования образа врага на страницах периодической печати. Менее исследованы медико-санитарная обстановка в городах и проблема восприятия сибиряками Первой мировой войны. Дискуссионными остаются вопросы о том, когда патриотические настроения населения горожан Западной Сибири сменились на недовольство политикой царского правительства, в чём причины волнений мобилизованных в июле 1914 г., как менялось в течение войны отношение жителей Российской империи к немцам, а также сохранилось ли в Сибири особое отношение к людям этой национальности. Практически вне поля зрения исследователей до сих пор оказываются вопросы влияния Первой мировой войны на жилищные условия и занятия сибиряков, а также вопрос о том, как изменились основные демографические показатели в крупных городах Западной Сибири в период с начала войны и до Февральской революции. Не проанализированы причины, побудившие население к активной благотворительной деятельности в годы Первой мировой войны, а также проблема качества и своевременности оказания медицинской помощи населению тыла.

Установленная степень изученности темы диссертационной работы обусловила поставленные в исследовании цели и задачи.

Целью диссертационного исследования является выявление характерных особенностей повседневной жизни населения крупных городов Западной Сибири (Омска, Томска, Новониколаевска и Барнаула) в июле 1914 – феврале 1917 гг. для целостного и объективного восприятия данного исторического периода.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи исследования**:

⁶² Харусь О. А. Социальные практики конструирования сибирской идентичности в условиях Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности : сб. тр. конф. Томск, 2014. С. 223–225.

- раскрыть особенности демографической ситуации в крупных городах Западной Сибири в военный период;
- проанализировать состояние медицинского обслуживания горожан;
- выявить воздействие чрезвычайных обстоятельств на занятия и уровень доходов сибиряков;
- раскрыть особенности продовольственного кризиса в крупных городах Западной Сибири в военный период;
- изучить аспекты влияния событий Первой мировой войны на изменение жилищных условий населения крупных городов Западной Сибири;
- проанализировать и дать оценку отношения жителей городов Западной Сибири к немцам в период Первой мировой войны;
- выявить причины, формы и источники благотворительной деятельности сибиряков в военный период;
- исследовать, как менялось отношение и восприятие горожанами событий Первой мировой войны.

В качестве **объекта исследования** выступает население крупных городов Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг.

Предметом исследования являются элементы повседневной жизни населения крупных городов Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг., характеризующих социальные, экономические и политические аспекты городской среды в условиях Первой мировой войны (демографические процессы, медицинское обслуживание, занятия и уровень доходов, обеспечение продовольствием и качество питания, жилищные условия и состояние городского благоустройства, восприятие немцев, благотворительная деятельность, отражение событий Первой мировой войны в общественном сознании).

Хронологические рамки исследования охватывают период участия России в Первой мировой войне с июля (по старому стилю) 1914 г. до февраля 1917 г. Такой подход позволяет всесторонне рассмотреть повседневную жизнь городских

обывателей Западной Сибири в условиях войны вне воздействия на них радикальных последствий Февральской революции, которые, например, проявились в возможности граждан вступать в любые объединения и свободно собираться на любые собрания, уравнивании прав женщин и мужчин, роспуске царской полиции и жандармерии, а также в массовом дезертирстве военнослужащих.

Территориальные рамки исследования охватывают четыре самых крупных города Западной Сибири того времени: Омск, Томск, Барнаул и Новониколаевск. Всего к 1917 г. в Томской и Тобольской губерниях (без Туринска и Петропавловска, включая Омск) насчитывалось 22 города с общей численностью населения чуть более 600 тыс. чел.⁶³. Детальную классификацию российских городов в начале XX в. предположил В.П. Семёнов-Тян-Шанский. Согласно его позиции, к первой группе городов относились столичные города с численностью населения свыше 1 млн. человек, ко второй – крупные города с населением от 100 тыс. до 1 млн., к третьей – большие города с населением от 40 до 100 тыс., к четвёртой – средние города с населением от 10 до 40 тыс. и, наконец, к пятой – малые города с численностью населения от 5 до 10 тыс. чел.⁶⁴ В отличие от него Б.Н. Миронов полагает, что малым городом можно считать город с численностью населения менее 20 тыс. чел., средним – с численностью населения от 20 до 100 тыс., а крупным – от 100 тыс. и более⁶⁵. Строго говоря, только Томск и Омск подходили под критерии крупного города, а Новониколаевск и Барнаул не соответствовали этому эталону в полной мере. Однако учитывая численность гарнизонов этих городов и отрыв по численности от следующих за ними городов (менее 45 тыс. чел.), мы считаем возможным отнести Новониколаевск и Барнаул к категории крупных городов. Наиболее плотно

⁶³ Пронин В. И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв.// Город и деревня в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 90–91. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул, 2014. С. 194.

⁶⁴ Тяпкина О. А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: социально-экономическое исследование. Новосибирск, 2008. С. 7.

⁶⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 287–288.

населённые, являвшиеся крупными транспортными узлами, эти города стали основными центрами сосредоточения мобилизованных, беженцев и военнопленных в регионе. Высокая численность жителей в этих городах обостряла жилищную и продовольственную проблему, а наличие большого количества образовательных учреждений делало общественное мнение местного населения более многообразным и подверженным изменяющимся политическим настроениям, менее консервативным. В то же время концентрация финансовых ресурсов в крупных западносибирских городах позволяла более эффективно решать проблему занятости населения.

Методологическая основа исследования. Теоретические подходы к исследованию истории повседневности в исторической науке существенно различаются в зависимости от используемых понятий, методов работы с историческими источниками и их интерпретации. Использование термина «повседневность» в разных контекстах может быть определяющим с точки зрения логики и обоснованности выводов исторического исследования.

Само понятие «повседневность» в исторической науке наиболее детально было раскрыто в исторических трудах представителей школы «Анналов» (Ф. Бродель, М. Блок, Л. Февр), в особенности в работах Ф. Броделя, где большое внимание было уделено не только описанию внешней социальной среды, но и восприятию исторической эпохи и ее культурных проявлений в жизни людей, их отношение к происходящим историческим событиям⁶⁶. При этом для изучения повседневности привлекались общенаучные методы и подходы других гуманитарных наук, что наиболее ярко было отражено в работах западных социологов XX в. А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана и др.⁶⁷ К пониманию повседневности как структуры,

⁶⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1: Структуры повседневности. С. 39–40; Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 26–27. (По этому поводу Л. Февр отмечает, что «предмет наших исследований – не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является»).

⁶⁷ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исследования. 1993. № 2. С. 129–

определяющей связи и отношения между эпохой и личностью, а также вниманию к внутреннему миру человека, призывали работы российских ученых и философов И.Т. Касавина, С.П. Щавелева, В.Н. Сырова, П.Н. Кондрашева⁶⁸.

В исторической науке при изучении повседневности также существуют различные методологические подходы, в которых повседневность может быть интерпретирована как взаимодействие макро– и микропроцессов (Б.Г. Могильницкий), а также в контексте поиска достоверной информации о внутреннем мире и восприятии эпохи людьми, отраженной в исторических источниках (А.Н. Медушевский, В.А. Есипова)⁶⁹. Тем самым среди множества определений понятия «повседневность» в научной литературе⁷⁰ наиболее приемлемым представляется определение П.Н. Кондрашева и К.Н. Любутина о том, что повседневность – это «форма непосредственной человеческой деятельности, представляющая собой совокупность повседневного бытия, то есть того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей трудовых будней и домашнего быта, и обыденного сознания, то есть того, в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей»⁷¹. Такой подход обоснованно раскрывает не только социально–исторические условия городской жизни Западной Сибири в условиях Первой мировой войны, но и

137; Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии. М., 1996. С. 535–538.

⁶⁸ Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М., 2004. 432 с.; Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. С. 147–159; Кондрашев П. Н. Исторические структуры повседневности: попытка марксистского анализа. Saarbrücken, 2012. С. 146–156.

⁶⁹ Могильницкий Б. Г. Макро– и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. 2009. № 2 (6). С. 14–21; Медушевский А. Н. Когнитивно–информационная теория в современном гуманитарном познании // Рос. история. 2009. № 4. С. 3–22; Есипова В. А. «В гостях у томичей» – рукопись начала XX в. о Томске // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 371. С. 84–91.

⁷⁰ Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб, 2002. 320 с. (Обзор определений данного понятия); Шубина М. П. О понятии и природе повседневности // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 42. С. 55–62.

⁷¹ Любутин К. Н., Кондрашев П. Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007. С. 261–262.

характеризует социальное положение и повседневную жизнь горожан, их восприятие исторической эпохи, которые проявляются как в их трудовой деятельности, так и в формах обыденной жизни, творчества, культуры и самоопределения. Тем самым в таком подходе будут синтезированы как принципы и идеи школы «Анналов», так и общенаучные принципы когнитивного подхода к истории.

Методы изучения повседневности в диссертационной работе определяются особенностями объекта исследования – населением крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны. Автор опирается на теоретические и методологические разработки исторической науки в части изучения структуры повседневности как взаимосвязанного процесса включенности человека в историческую реальность. Тем самым в работе анализируется не только экономическая и социальная среда, определяющая быт и материальные условия жизни людей, но и когнитивные аспекты восприятия ими исторической эпохи, предполагающие, в том числе, анализ социальных и культурных практик, характерных для эпохи Первой мировой войны. Рассмотрение повседневности как единства объективных и субъективных факторов привело к применению в диссертационном исследовании комплекса разнообразных научных принципов и методов.

Использование методологических принципов и конкретно–научных методов для изучения истории повседневности базируется на методологических разработках школы «Анналов», исторического материализма и когнитивной истории. Из концепции когнитивной истории в основу исследования положена идея О. М. Медушевской о том, что когнитивная история может исследовать процессы человеческого мышления по осязаемым, вещественным результатам. Для изучения повседневного быта городов применяется также *локальный подход*, который выступает способом конкретизации общенаучных методов с целью территориального ограничения объекта исследования. Задействование локального

подхода способствует сужению территориальных рамок при изучении повседневности городов Западной Сибири и позволяет выявить специфические характеристики жизни людей, проживающих в крупных городах.

Важнейшими научными принципами, использованными в диссертационной работе, стали *принципы объективности и принцип историзма*. Объективность предполагает достоверный анализ источников, исключая произвольные интерпретации и политическую конъюнктуру. Историзм позволяет рассматривать исторические явления и процессы в их взаимосвязи и развитии, с точки зрения их происхождения и многообразия форм проявления.

В работе применяется *междисциплинарный подход*, который предполагает перенос и применение в исследовании методов из смежных социальных и гуманитарных дисциплин. Применение указанных методов позволило объективно проанализировать состояние медицинского обслуживания населения, изменения демографических показателей в военный период, тенденции изменения структуры доходов и занятости жителей крупных городов Западной Сибири. Для достижения поставленных задач исследования используются общенаучные (системно-структурный метод, методы анализа и синтеза и др.), а также специальные исторические методы познания (историко-генетический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и ретроспективный). Системно-структурный метод позволяет рассмотреть повседневность как единую систему, где каждый элемент взаимосвязан друг с другом, а историко-генетический метод – проанализировать все элементы повседневности в развитии на протяжении заданного промежутка исторического времени (в частности, восприятие населением Западной Сибири событий Первой мировой войны рассматривается на протяжении трёх лет – с 1914 по 1917 г., что позволяет увидеть различия такого восприятия в разные промежутки времени). Сравнительно-исторический метод позволяет автору произвести поиск сходств и различий у исторических явлений в разных временных и географических условиях. Так, например, применение сравнительно-исторического

метода было актуально для определения состояния медицинского обслуживания в городах Западной Сибири, а также анализа уровня заработной платы населения в годы Первой мировой войны. Ретроспективный метод способствует установлению причинно-следственных связей между событиями, в частности позволяет проанализировать поведение конкретных людей в сфере осуществления благотворительной деятельности.

Таким образом, акцент на микроисторических процессах повседневной жизни западносибирского города в условиях войны осуществляется в диссертационном исследовании на фоне глобальных исторических событий, определяющих закономерности государственной политики и реакции локальных сообществ горожан на соответствующие решения органов власти. Такой комплексный подход позволяет анализировать объект исследования во всем его многообразии.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в исторической литературе представлен анализ ключевых элементов повседневной жизни населения крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны, характеризующих социальные, экономические и политические аспекты городской среды. В исследовании на основе архивных материалов представлена широкая картина экономического и социального уклада крупных городов Западной Сибири – Новониколаевска, Томска, Омска и Барнаула, а также характерного для данной исторической эпохи восприятия событий Первой мировой войны на массовом и локальном уровнях, отношения к благотворительности и межнациональной коммуникации в условиях существовавшей в тот период государственной политики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Демографическая ситуация в крупных городах Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг. характеризовалась тем, что не наблюдалось единой тенденции роста или падения численности населения. В одних городах за счёт мобилизации происходил незначительный спад численности населения, в других падение компенсировалось за счёт большого числа беженцев и прибывших из деревни

крестьян. Довоенное преобладание мужчин исчезло, произошло или сглаживание численной разницы между полами, или перекося в сторону женщин. Значительное сокращение количества браков вследствие ухода мужчин на фронт способствовало падению рождаемости, а ухудшение эпидемиологической ситуации в городах – увеличению смертности. За счёт притока в рассматриваемые города беженцев увеличилась доля стариков и малолетних детей.

2. Качество медицинского обслуживания населения крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны резко снизилось по сравнению с предыдущим периодом. Распространялись эпидемии, работа лечебных учреждений осложнялась недостатком коек в больницах, врачей и медикаментов. Только эффективные шаги немногочисленных сибирских врачей и местных чиновников смогли предотвратить более масштабные эпидемии.

3. В структуре занятости горожан в условиях Первой мировой войны происходят существенные изменения. Во время войны сибирские предприниматели переориентировались на работу с военными ведомствами, а деятели науки, образования и культуры стали проводить лекции, организовывать благотворительные спектакли и публиковать статьи в газетах на военную тематику. Из-за регулярных призывов в армию большой объём работы лёг на плечи оставшихся в тылу работников медицинских учреждений и государственных служащих. Ухудшилось материальное положение и условия труда рабочих, стало привычным массовое использование труда женщин, детей, военнопленных и беженцев.

4. Ухудшение экономической ситуации в годы войны характеризуется ростом цен на продукты, уже в 1916 г. ощущался существенный их недостаток. Тем не менее, продовольственная ситуация в крупных городах Западной Сибири в целом была лучше, чем во многих других городах Европейской России. К началу Февральской революции горожане в Западной Сибири не голодали.

5. С началом войны в крупных городах Западной Сибири обострился

жилищный кризис, вызванный наплывом беженцев, мобилизованных и военнопленных, что выразилось в значительном росте цен на аренду жилья. При этом благоустройство и санитарное состояние жилых помещений в городах остается на низком уровне.

6. Несмотря на мощный поток антинемецкой пропаганды, к подданным вражеских государств горожане Западной Сибири относились сдержанно. Массовое сознание в основном выводило немецкий народ из-под обвинений в развязывании войны, городским жителям они психологически представлялись убогими людьми, нуждающимися в помощи. Отношение к пленным на территории Западной Сибири также оставалось лояльным, что можно объяснить как давним соседством сибиряков с этническими немцами, так и демократическими традициями местных жителей, которые были связаны с удаленностью региона от центра.

7. В военный период среди побудительных мотивов осуществления благотворительной деятельности городскими жителями следует выделить не только патриотические устремления, но и боязнь за судьбу своих близких, желание не выделяться с точки зрения общественного мнения, а также стремление приобрести общественное признание и авторитет. Инициаторами благотворительных акций в годы Первой мировой войны чаще всего становились местные власти и крупные общероссийские общественные организации. Общественная помощь направлялась на раненых воинов, семьи воинов, ушедших на войну, а также беженцев. По мере возможности этим категориям населения выделялись бесплатные помещения для временного пребывания, оказывалась медицинская помощь, помощь с работой и устройством их детей. Для сбора средств в городах организовывались лекции, спектакли, концерты, проводились кружечные сборы, продавались изделия собственного производства.

8. Отношение горожан Западной Сибири в рассматриваемый исторический период к войне было изменчивым и колебалось от крайне патриотического до резко негативного. Доминирование той или иной точки зрения у горожан зависело не

только от успехов русской армии на фронте, но и от политических взглядов конкретного человека. Начало войны омрачилось масштабными выступлениями мобилизованных. Во второй год войны повышение цен на продукты первой необходимости, постоянные мобилизации, а также отсутствие военных побед на фронте способствовали формированию упаднических настроений в обществе. Накануне Февральской революции интерес жителей крупных городов Западной Сибири к событиям на фронте снизился ещё больше.

Теоретическая значимость исследования. Проведенное диссертационное исследование и представленный в работе анализ основных элементов повседневной жизни крупных городов Западной Сибири в военный период вносит вклад в осмысление исторических процессов, предшествовавших революционным событиям 1917 г.

Предложенные в работе выводы и результаты расширяют научные представления о повседневной жизни крупных городов Западной Сибири в период Первой мировой войны, которые являлись тыловыми районами и местом временного и постоянного пребывания военнопленных, беженцев, лиц разного происхождения и национальности в силу тяжелых условий военного времени.

Практическая значимость состоит в том, что полученные научные результаты могут быть использованы в общих и специальных работах, посвященных истории Западной Сибири. Материалы диссертационного исследования также могут быть востребованы при разработке учебных курсов для исторических специальностей высших учебных заведений и методических материалов для учителей истории.

Исследование построено на широком вовлечении **источников**, отбор которых определялся целями и задачами, поставленными в работе. Источниковую базу исследования составили: законодательные акты и нормативные документы, делопроизводственная документация, статистические и справочные материалы, источники личного происхождения (дневники, заметки, письма, именные и

анонимные записки – жалобы и доносы), а также материалы периодических изданий.

Первую группу источников составляют опубликованные *законодательные акты*. Источники этой группы выявлены нами в Государственном архиве Алтайского края (ГААК), Государственном архиве Омской области (ГАОО), Государственном архиве Томской области (ГАТО) и Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО). Высочайшие повеления, указы, постановления правительства определяли правовое положение новых социальных групп: мобилизованных, беженцев, военнопленных. Секретные указы, направленные правительством начальнику Алтайского округа КИВ, раскрывают неизвестные аспекты жизни российских немцев. Нормативные документы, взятые в совокупности с другими группами источников, дают возможность судить о том, как выполнялись решения правительства об арендном жилье и об обучении иностранцев, а также об оказании помощи беженцам.

Вторую группу источников образуют делопроизводственные документы. Опорой исследования стали материалы фондов ГААК, ГАОО, ГАТО и ГАНО, а также сборников документов. В целом эту группу источников можно подразделить на три подгруппы. Первая – это документы государственных и местных учреждений органов власти. Вторая подгруппа – делопроизводственные документы общественных учреждений и благотворительных организаций. Третья группа – учётные документы религиозных учреждений.

К первой подгруппе следует отнести материалы ГАТО Ф. 3. (Томское губернское управление), ГАТО. Ф. 126 (Управление Западно – Сибирского учебного округа), ГААК Ф. 233. (Алтайская губернская земская управа), Ф. 51. (Барнаульская городская дума), ГАТО Ф. 127. (Томская городская дума), ГАНО Ф. Д–97. (Новониколаевская городская управа), ГАОО Ф. 30. (Омская городская дума), ГАОО Ф. 270. (Омское жандармское управление).

К документам второй подгруппы уместно отнести делопроизводственные документы учебных заведений города, представленные в ГААК Ф. 46 (Барнаульская

мужская гимназия) и Ф. 47. (Барнаульская 3–я женская гимназия), материалы из фондов общественных организаций ГААК Ф. 142. (Барнаульский отдел Российского общества Красного Креста), ГААК Ф. 143. (Алтайский дамский комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам), ГАОО Ф. 51. (Уполномоченный Российского общества Красного Креста, г. Омск).

Третья подгруппа источников представлена в ГААК Ф. 144. (Коллекция метрических книг).

Отчёты, различного рода обращения, отзывы о деятельности организаций, а также доклады руководителей учебных учреждений и благотворительных организаций позволяют выявить причины, формы и источники благотворительной деятельности сибиряков, сделать выводы об изменении отношения населения к войне. Указанные фонды охватывают большой объём делопроизводственной документации: циркуляры, распоряжения, постановления, инструкции, рапорты, донесения, отчёты, межведомственную переписку, сметы расходов, журналы заседаний, прошения, жалобы, ходатайства, адресованные администрации. Выписки из журналов очередных и экстренных собраний иллюстрируют трудности, с которыми столкнулись органы местного самоуправления в годы Первой мировой войны. Из этих источников можно почерпнуть сведения об уровне медицинского обслуживания сибиряков, проследить воздействие чрезвычайных обстоятельств на занятия и уровень доходов горожан, раскрыть причины продовольственного кризиса в Западной Сибири. Записи в метрических книгах церковей дают возможность охарактеризовать поведение женихов и невест в чрезвычайных условиях, сделать выводы о характере рождаемости и смертности.

В третью группу использованных в работе источников входят опубликованные материалы *статистического и справочного характера*. Материалы этой группы источников представлены в статистическом сборнике «Сибирский торгово–промышленный календарь за 1914 – 1915 гг.», в «Обзоре деятельности Алтайского округа за пятилетие (1911–1915 гг.)», в «Памятных книжках Акмолинской области

на 1914 и на 1916 г.», в «Отчёте о деятельности Омского городского комитета помощи беженцам», а также в «Отчёте санитарного врача 1-го участка г. Омска Н.П. Кобалкина»⁷². Кроме того, анализу причин эпидемий среди населения в годы Первой мировой войны и бытовым проблемам в лечебных учреждениях Западной Сибири был посвящён сборник статей медиков «Труды первого съезда врачей Томской губернии (9–14 сентября 1917)», опубликованный в 1917 г.⁷³ Поскольку статьи представляют собой копии докладов врачей, выступавших на съезде, достоверность фактов, которые представлены в сборнике, не вызывает сомнения.

Опубликованные статистические материалы позволили значительно углубить представления об изменениях численности населения в Западной Сибири в годы Первой мировой войны, сделать выводы о динамике роста цен на продукты питания в городах, половозрастном составе населения, миграционных процессах в годы войны. Полученные из этих изданий данные позволяют проследить изменения в объёмах торговли города в военный период, сравнить состояние медицинского обслуживания в городах Западной Сибири, проанализировать влияние Первой мировой войны на укомплектованность кадров, бытовые условия и характер болезней населения.

Четвёртую группу источников составляют *материалы личного происхождения* (воспоминания, дневники, переписка). В работе использованы воспоминания и дневники современников военных событий, перехваченные жандармерией и опубликованные в газетах письма. Мемуары сибирского общественного деятеля И.И. Серебренникова, преподавателя литературы в Барнаульской женской гимназии Н.Ф. Шубкина, российского учёного А.В. Орешникова, а также новониколаевского

⁷² Сибирский торгово–промышленный календарь на 1914–1915 гг. СПб., 1915; Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). Барнаул, 1916; Кобалкин Н. П. Отчёт санитарного врача 1-го участка г. Омска // Врачебно–санитарная хроника города Омска. 1915. Омск, 1916. Вып.3. С. 40–46; Отчёт о деятельности Омского городского комитета помощи беженцам. Омск, 1916. 50 с.; Памятная книжка Акмолинской области на 1914. Омск, 1914. 287 с.; Памятная книжка Акмолинской области на 1916 г. Омск, 1916. 240 с.

⁷³ Труды первого съезда врачей Томской губернии (9–14 сентября 1917) / под общ. ред. П. И. Чистякова. Томск, 1917. Вып.1. 269 с.

рабочего С.В. Чернышёва воссоздают индивидуальное видение городской истории с точки зрения человека той эпохи. Несмотря на присущий субъективизм, они представляют собой ценный материал для характеристики настроений горожан того периода. Анализ этих материалов позволяет судить о том, как восприняли войну жители крупных городов Западной Сибири, сравнить их понимание событий с жителями столицы. Кроме того, интересны факты о настроениях российского общества, содержащиеся в письмах родственников к военнопленным.

Пятую группу источников, имеющую важнейшее значение для анализа повседневной жизни населения крупных городов Западно Сибири, образуют материалы периодической печати. Именно благодаря этому типу источников можно проследить изменения общественных настроений горожан, охарактеризовать их жилищное и продовольственное обеспечение. Кроме того, материалы местной печати позволяют судить о состоянии благотворительности. В исследовании были использованы материалы таких местных периодических изданий, как «Алтай» (г. Бийск), «Алтайская жизнь», «Жизнь Алтая» «Алтайский крестьянин» (г. Барнаул), «Омский вестник», «Вестник Омского городского общественного управления» (г. Омск), «Сибирская жизнь», «Утро Сибири», «Томские губернские ведомости», Томские епархиальные ведомости (г. Томск) за июль 1914 – февраль 1917 гг. Этот вид источников является многоплановым, комплексным, однако для него характерны эпизодичность и фрагментарность представления информации. В этих изданиях подробно освещались события на фронте, печатались объявления и сообщения официального характера, а также письма солдат на малую родину. События местной, тыловой жизни также находили широкое отражение на страницах городской прессы. Размещались материалы по слушанию дела о погромах в первые дни мобилизации, информация о «бабьих бунтах», с разных позиций освещались инициативы властей по борьбе с «немецким засильем». Кроме того, популяризировалась благотворительность. В газетах «Жизнь Алтая» и «Сибирская жизнь» были обнаружены интересные публикации о помощи фронту юных граждан

города, актуальные фельетоны о тыловой жизни, псевдопатриотизме, о состоянии медицинской помощи городскому населению, беженцам, раненым войнам и военнопленным. В журнале «Вестник Омского городского общественного управления» регулярно публиковались материалы, посвящённые продовольственному обеспечению г. Омска.

В целом совокупность выявленных автором опубликованных и неопубликованных источников обеспечивает достаточную источниковую базу для решения поставленных в диссертации исследовательских задач. Содержащийся в них разнообразный по составу информативный материал позволяет составить целостное представление об основных элементах повседневной жизни жителей крупных городов Западной Сибири (Омск, Томск, Новониколаевск, Барнаул) в июле 1914 – феврале 1917 гг.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных в диссертационном исследовании результатов определяется глубоким анализом исторических источников. Обозначенные цель и задачи исследования реализуются путем применения общенаучных и специальных методов с учетом специфики изучения повседневной жизни населения крупных городов Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг.

Публикации по теме исследования. Результаты диссертационного исследования опубликованы в четырёх статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (в том числе одна статья в журнале, индексируемом Web of Science), и шести статьях в сборниках материалов международной, всероссийских и региональной научных и научно-практической конференций. Общий объём публикаций – 4,2 а.л., работы написаны без соавторов.

Апробация исследования. По теме диссертационного исследования были сделаны доклады на конференциях международного, всероссийского и

регионального уровня: XIX Международная научная конференция студентов, аспирантов, молодых учёных «Ломоносов» (Москва, апрель 2012 г.), Всероссийская научная конференция «Сибирь в исторической перспективе проблемы сохранения народов и культур» (Новосибирск, октябрь 2012 г.), ежегодная конференция молодых учёных Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (Новосибирск, 2012–2013 гг., 2016 г.), Всероссийская научная конференция с международным участием «Сибирь и войны XIX – XX веков (Новосибирск, июнь 2014 г.), Всероссийская научная конференция «Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века)» (Новосибирск, август 2014 г.), Международная молодёжная научная конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, август 2014 г.), Всероссийская научно–практическая конференция с международным участием «Модернизация российского общества; вчера, сегодня, завтра» (Омск, апрель 2016 г.).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, восьми разделов, заключения и списка использованной литературы и источников.

1 Население крупных городов Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг.

1.1 Демографические процессы

Первая мировая война стала началом масштабного демографического кризиса, который охватил буквально все регионы Российской империи. В ходе войны произошли существенные изменения таких важных демографических показателей как численность, рождаемость, смертность, половозрастной состав населения. Кроме того, события военного времени не могли ни оказать влияния на брачно-семейные отношения, изменив характер принятия решений женщинами о вступлении в брак.

Численность населения в сибирских городах с началом Первой мировой войны постепенно менялась. Это можно проследить по статистическим данным, характеризующим структуры городского населения в период ведения военных действий. Согласно данным Омского городского санитарного бюро численность населения города в 1913 г. составляла 90000 чел. Причём по половозрастному составу население распределялось следующим образом: 47095 мужчин и 42905 женщин. Перепись же гражданского населения в Омске в 1917 г. обнаружила 80327 чел., из которых 37810 были мужчины и 42517 – женщины⁷⁴. Совершенно другую картину мы получаем, анализируя данные «Памятной книжки Акмолинской области». Городское население Омска на 1 января 1913 г., согласно информации этого источника, составляло почти на 43 тыс. чел. больше и исчислялось цифрой 133 280 чел., из которых 66739 чел. – это мужчины и 66541 – женщины⁷⁵. В той же «Памятной книжке» находим информацию о том, что к 1 января 1915 г. городское население Омска насчитывало уже 140589 чел., из которых 73902 чел. были

⁷⁴ Клячкин В. Е. Естественное движение города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926. Омск, 1928. С. 5.

⁷⁵ Памятная книжка Акмолинской области на 1914. Омск, 1914. С. 26.

мужчинами и только 66687 – женщинами⁷⁶. Похожие данные находим и в работе А.И. Лубны-Герцыка. Со ссылкой на ежегодник Центрального статистического управления советский экономист и статистик говорит о том, что в 1914 г. в Омске проживало 134800 жителей⁷⁷. Наконец, согласно данным Сибстатуправления, население Омска в 1917 г. с пригородами Атаманский хутор и Куломзино составляло 113,6 тыс. человек⁷⁸.

Разобраться в этой череде цифр достаточно сложно, однако возможно. Если взять за основу позицию С.И. Брука и В.М Кабузана о том, что данные Центрального статистического комитета о численности населения в годы Первой мировой войны «не отвечали действительному положению и не могут быть использованы в каких бы то ни было расчётах», а также согласиться с анализом Л.М. Горюшкина, В.И. Пронина о высокой достоверности переписи 1917 г., то отсюда следует, что в годы войны в Омске происходит снижение численности населения и наблюдается перекося в сторону преобладания женщин⁷⁹.

Городское население Новониколаевска, согласно сведениям Сибирского торгово-промышленного ежегодника за 1914–1915 гг., к 1 января 1913 г. исчислялось цифрой 86419 чел., из которых 51218 были мужчинами и только 35201 – женщинами⁸⁰. Адресно-справочная книга с краткой историей и планом города «Весь Новониколаевск» за 1924–1926 гг., напечатанная Сибирским отделением Российского телеграфного агентства в 1925 г., рисует нам похожую картину. Согласно его данным в 1913 г. в Новониколаевске было 89319 чел., из которых

⁷⁶ Памятная книжка Акмолинской области на 1916 г. Омск, 1916. С. 18.

⁷⁷ Лубны – Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время войны и революции. М., 1926. С.116.

⁷⁸ Алисов Д. А. Города и городское население Омского Прииртышья в XVII – начале XX вв. // Омский регион: исторический опыт, проблемы и пути экономического развития в современных условиях: материалы межрегион. науч.–практ. конф., посвящ. 60–летию Омской области. Омск, 1994. Ч. 3. С. 60.

⁷⁹ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в.–1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 75; Горюшкин Л. М. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири: сб. ст. Новосибирск, 1992. С. 85.

⁸⁰ Сибирский торгово–промышленный ежегодник 1914–1915 гг. Пт., 1915. С. 208.

45783 – горожане мужского пола и 43536 – женского. В 1914 г. население уменьшилось до 76012 чел., причём вплоть до 1917 г. преобладали женщины. В 1917 г. население Новониколаевска выросло до 107209 чел., из которых 58987 чел. составляли женщины и только 48142 чел. – мужчины⁸¹. Однако существует и другая цифра – 69828 чел., полученная в результате Всероссийской переписи 1917 г.⁸² Если опять же придерживаться гипотезы Л.М. Горюшкина, В.И. Пронина о высокой достоверности переписи 1917 г., то можно сделать вывод о том, что население Новониколаевска также сократилось.

Численность городского населения Томска, по данным «Сибирского торгово–промышленного ежегодника за 1914–1915 гг.», на 1 января 1913 г. исчислялась цифрой 97177 чел. По этому показателю в списке самых крупных городов Российской империи Томск занимал тогда 22 место⁸³. При этом был замечен переко́с в сторону мужчин, последних насчитывалось 50121 чел., а женщин всего 47056 чел.⁸⁴. В 1917 г. численность населения Томска без учёта временно проживающих, по данным Всероссийской переписи 1917 г., составила уже 101129 чел., то есть численность горожан в Томске за годы войны незначительно выросла⁸⁵. При этом заметно изменился и половой состав: в 1917 г. в Томске было зафиксировано 102,3 женщины на каждые 100 мужчин⁸⁶. Численность населения Томска с учётом временно проживающих попытался подсчитать историк Е.Н. Косых. В своей статье «Цены в Томске в 1917 г.» он обращал внимание на статистику численности населения города, произведённую Томской городской продовольственной комиссией, а также на собственные расчёты на основе данных о пяти запасных

⁸¹ Весь Новониколаевск: адресно–справочная книга с краткой историей и планом города, 1924 – 1925. Новониколаевск, 1925. С. 31.

⁸² Нагнибеда В. Я. Организация Всероссийской переписи 1917 года в Алтайско–Томской части Сибири: (краткий отчёт). Томск, 1920. С. 24.

⁸³ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913). М., 1956. С. 88.

⁸⁴ Сибирский торгово–промышленный ежегодник 1914–1915 гг. Пт., 1915. С. 208.

⁸⁵ Нагнибеда В. Я. Указ. соч. С. 24.

⁸⁶ Зверев В. А. Половозрастной состав населения Западной Сибири в 1897–1917 гг. // Вопросы историографии, истории и археологии. Омск, 1996. С. 36.

полках и десятке более мелких подразделений Томска.

Согласно подсчётам Е.Н. Косых, в январе – феврале 1917 г. в Томске проживало около 200 тыс. чел. Разницу почти в 100 тыс. Е.Н. Косых объясняет тем, что официальная статистика учитывала только тех беженцев из Польши, Западной Украины, (немногим более 5 тыс. чел.), которые получали пособия, но не брала в расчёт остальных, которых было в несколько раз больше. Кроме того, автор указывает на неучтённые 70 тыс. солдат и офицеров, которые в это время находились в казармах Томска⁸⁷. Сведения Е.Н. Косых о численности беженцев и военных в Томске накануне февральской революции согласуются с данными историка И.М. Разгона⁸⁸.

Городское население Барнаула на 1 января 1913 г. составляло 68173 человека, из которых 35156 чел. были мужчинами и 33017 – женщинами⁸⁹. Составители летописи Барнаула утверждают, что в 1914 г. население города немного увеличилось и составляло уже 70532 человека. Причём половой состав был таким же, как и в большинстве городов Сибири: преобладали мужчины. На 35532 мужчин в 1914 г. приходилось 34880 женщин⁹⁰. В статье Ю.С. Булыгина, Ю.С. Дьяченко, В.А. Скубневского находим сведения о том, что в 1916 г. в Барнауле проживало 71,2 тыс. чел⁹¹. В 1917 г. наблюдается резкое снижение численности населения. Согласно переписи население Барнаула в 1917 г. составляло 56205 человек, из которых 28136 – мужчины и 28069 – женщины⁹². Такие же сведения находим в отчёте В.Я. Нагнибеды. Во время войны он руководил переписным бюро в Томской губернии и принимал участие во всех стадиях всероссийской переписи 1917 г. В отчёте,

⁸⁷ Косых Е. Н. Цены в Томске в 1917 г. // Вопросы экономической истории России в XVIII–XX вв. Томск, 1996. С. 59.

⁸⁸ Разгон И. М. Томск накануне февральской революции 1917 г. Томску – 375 лет. // Томск, 1979. С. 122.

⁸⁹ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы России в первой половине XX в. Новосибирск, 2000. С. 208.

⁹⁰ Барнаул. Летопись города. Хронология, события, факты. Барнаул, 1995. Ч.1. С. 97.

⁹¹ Булыгин Ю. С., Дьяченко Ю. С., Скубневский В. А. Население // Барнаул: энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 198.

⁹² Барнаул. Летопись города. Хронология, события, факты. Барнаул, 1995. Ч. 1. С. 111.

опубликованном в Томске в 1920 г., содержатся сведения о том, что численность жителей Барнаула в 1917 г. составляла порядка 56007 чел⁹³.

Следовательно, по мнению автора, в годы Первой мировой войны в крупных городах Западной Сибири не наблюдалось единой тенденции относительно роста или падения населения. В Омске, Барнауле и Новониколаевске численность населения к 1917 г. упала, а в Томске, напротив, незначительно возросла.

Рост численности населения в городах Западной Сибири во многом обеспечивался за счет внутренней и внешней миграции. О масштабах переселенческого движения накануне и в годы Первой мировой войны во многом говорят расчеты, которые были проведены Л.М. Горюшкиным и В.А. Зверевым. Так, по данным историков, в случае естественного прироста жителей городов Западной Сибири, за 1897–1915 гг. он составил бы всего 55 тыс. чел. Реальное же увеличение, судя по текущим полицейско-административным отчетам, составило 415 тыс. чел, т.е. механический прирост почти в 6 раз превышал естественный⁹⁴.

В рассматриваемый период в городах Западной Сибири изменилось соотношение полов. Эту тенденцию можно обнаружить, сравнивая структуру населения региона в предвоенный и военный период. Так, на рубеже XIX – XX в. в крупных городах Западной Сибири замечалось явное преобладание мужчин. В 1897 г. на 100 женщин приходилось 108,6 лиц противоположного пола (информация по Омску и Томску), а в 1910 г. эта цифра выросла до 110,2 (информация по Омску, Томску, Новониколаевску)⁹⁵. В рассматриваемых городах стремились остаться трудоспособные мужчины, приехавшие сюда из сельской местности в поисках работы, а также военнослужащие в отставке, бывшие чиновники и политические ссыльные, которых привлекала более развитая инфраструктура.

С началом же войны за счёт многочисленных призывов количество мужского

⁹³ Организация всероссийской переписи 1917 г. в Алтайско–Томской части Сибири: (краткий отчет). Томск, 1920. С. 24.

⁹⁴ Население Западной Сибири. Новосибирск, 1997. С. 90.

⁹⁵ Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.) / под ред. В. А. Исупова. Новосибирск, 2017. С. 25.

населения снизилось, наблюдалось или сглаживание численной разницы между полами, как это было, например, в Барнауле, или перекося в сторону женского пола, как это было в Омске, Томске и Новониколаевске. В годы Первой мировой войны, как и по всей империи в целом, в городах Западной Сибири сильно сократилась доля мужчин трудоспособного возраста. Сравнительный анализ В.А. Зверева переписей 1897 и 1926 гг. показал, что за 30 лет в Сибири особенно сократилась группа лиц мужского пола от 22 до 32 лет⁹⁶.

Помимо многочисленных призывных кампаний на половозрастную структуру рассматриваемых нами городов повлиял и массовый приток беженцев. В Западную Сибирь хлынул поток беженцев и выселенцев из прифронтовых районов. Среди вынужденных мигрантов были выходцы из Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, Черниговской и других губерний⁹⁷. Беженцы и выселенцы предпочитали оседать главным образом в крупных городах Западной Сибири, так как они были расположены недалеко от железнодорожных станций и там было проще найти работу. По данным Ю.П. Горелова, около 80% прибывших в Сибирь вынужденных мигрантов были стариками, детьми и женщинами⁹⁸. Это подтверждается и данными подворных и поквартирных карточек всероссийской переписи по городу Барнаулу в 1917 г. Действительно, в Барнауле в 1916 г. в основном проживали женщины, малолетние дети, а также мужчины непризывного возраста⁹⁹.

Первая мировая война оказала серьёзное влияние на брачное поведение жителей Западной Сибири. В первые два года войны из-за мобилизации в городах большого количества мужчин брачного возраста произошло постепенное снижение количества браков. Ситуация начинает меняться лишь в 1917 г., когда после завершения Февральской революции с фронта постепенно возвращаются мужчины.

⁹⁶ Население Западной Сибири. Новосибирск, 1997. С. 42.

⁹⁷ Там же. С. 92–93.

⁹⁸ Горелов Ю. П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь, XX век: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 69.

⁹⁹ ГААК. Ф. 233. Оп. 6. Д. 24. Л. 1–2 об; ГААК. Ф. 233. Оп. 6. Д. 25. Л. 48–53.

Так, если в 1913 г. в Омске было заключено 638 браков, т.е. на 1000 человек приходилось 7,1 брака, то в 1916 г. коэффициент брачности резко снизился и составил 4,6 брака на 1000 человек¹⁰⁰. В Новониколаевске абсолютное число браков в 1915–1916 гг. также сократилось. В 1914 г. обвенчались 494 пары, в 1915 г. – 378, а в 1916 г. только 279. Однако резко выросло количество браков в 1917 г. По итогам года было официально зарегистрировано уже 562 пары¹⁰¹. В Барнауле наблюдалась похожая тенденция. Это заметно по метрическим книгам разных церквей г. Барнаула. Если в 1914 г. в Вознесенской церкви г. Барнаула обвенчали 33 пары, в 1915 г. – 24 пары, в 1916 г. – 18 пар, то в 1917 г. – 31 пару¹⁰². Если в 1914 г. в Знаменской церкви г. Барнаула обвенчали 86 пар, а в 1915 г. – 43 пары, то уже в 1917 г. – 104 пары¹⁰³.

Следует отметить, что вопросы брака в начале XX века находились под сильным влиянием традиций. В брак должны были вступать все здоровые люди, достигшие определенного возраста, при этом жених и невеста, решившие связать себя брачными узами, стремились во чтобы то ни стало получить благословение своих родителей¹⁰⁴. Во время войны женщины старались выйти замуж любой ценой, потому что от этого зачастую зависело их материальное положение. Тогда же значительно увеличилось количество браков с вдовами. Они старались быстрее выйти замуж снова, чтобы не голодать. Приличным считалось заключение повторного брака только с вдовами не пожилого возраста и вдовцами. В 1913 г. на 100 браков в Омске приходилось 3,8 с вдовами, в 1916 г. – уже 7,0¹⁰⁵. Другой тенденцией, которая прослеживалась во время войны, стали браки с

¹⁰⁰ Клячкин В. Е. Естественное движение города Омска ... С. 41.

¹⁰¹ Весь Новониколаевск: адресно-справочная книга с краткой историей и планом города, 1924–1925. Новониколаевск, 1925. С. 32.

¹⁰² ГААК. Ф. 144. Оп.6. Д. 2548. Л.82; ГААК. Ф. 144. Оп.6. Д. 2767. Л.98; ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2964. Л. 92, 111.

¹⁰³ ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2550. Л. 103; ГААК. Ф.144. Д. 2765. Л.90; ГААК.Ф.144. Оп.6. Д.3181. Л. 113.

¹⁰⁴ Население Западной Сибири. Новосибирск, 1997. С. 55–56

¹⁰⁵ Клячкин В. Е. Указ. соч. С. 42.

военнослужащими. Если до войны девушки старались выходить замуж только за отслуживших, то во время войны участились случаи браков с воинами действующей армии. Это явление объясняется тем, что солдаткам полагалась помощь со стороны государства. Так, например, в Барнауле почти в одно и то же время решили жениться несколько воинов запасного полка. 22 января 1917 г. в Одигитриевской церкви города Барнаула обвенчались 24-летний прапорщик 24-го Сибирского стрелкового запасного полка Вячеслав Ильич Боготов и 19-летняя барнаульская мещанская дочь Маргарита Фёдоровна Зубкова¹⁰⁶. В этот же день 22 января обручился со своей возлюбленной подпоручик 102-го Вятского пехотного полка Николай Григорьевич Кузнецов и дочь чиновника девица Калерия Борисовна Калинина. Ей было всего 19, ему – 20¹⁰⁷. А спустя три дня, 27 января 1917 г. – прапорщик того же 24-го Сибирского запасного стрелкового полка и крестьянская дочь, а также младший унтер-офицер 24-го Сибирского стрелкового запасного полка и дочь купца¹⁰⁸.

Сибирячки выходили замуж и за военнопленных. Такая возможность у них появилась только в конце 1916 г. Так, 12 ноября 1917 г. 28-летний военнопленный, солдат Австрийской армии Францишек Лаврентьевич Павлышек обвенчался с 17-летней дочерью барнаульского мещанина Валентиной Луковной Катовой в Знаменской церкви¹⁰⁹.

Заметим, что количество официальных разводов в Западной Сибири до Октябрьской революции 1917 г., как и в целом по стране, было ничтожно малым, поскольку эта процедура помимо традиций тормозилась действующим законодательством. Основной причиной развода, чаще всего, являлось «прелюбодеяние» жены¹¹⁰.

Характерной тенденцией, повлиявшей на динамику численности населения крупных городов Западной Сибири в период Первой мировой войны, стало

¹⁰⁶ ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 3180. Л. 51.

¹⁰⁷ Там же. Л. 52.

¹⁰⁸ Там же. Л. 53.

¹⁰⁹ ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 3181. Л. 112.

¹¹⁰ Население Западной Сибири. Новосибирск, 1997. С. 55–56.

сокращение рождаемости. Подобная тенденция начала проявлять себя еще в конце XIX века, она была связана с изменениями в брачном поведении жителей крупных городов. Накануне войны исследователи отмечают увеличение возраста невесты (иные способы влияния на рождение детей были жителям городов недоступны: аборты были уголовно наказуемы, средства контрацепции неизвестны), а также рост количества лиц, не стремящихся к супружеству¹¹¹. По данным В.А. Зверева, доказательством этого факта является анализ половозрастных пирамид, составленных на основе Всероссийской переписи 1897 и 1926 гг. Удельный вес возрастов, родившихся в промежутке между 1915 и 1917 гг., оказался намного меньшим, чем у нескольких возрастных групп, родившихся в довоенный период¹¹².

Причины сокращения рождаемости в годы войны достаточно очевидны: призыв в армию большого количества мужчин, сокращение числа браков, ухудшение положения оставшихся дома женщин. Некоторую роль, вероятно, играло и втягивание женщин в производство: горожанки работали на заводах, фабриках и транспорте.

Так как судить по величине абсолютного числа родившихся о рождаемости нельзя, применим относительные показатели. Одним из них является общий коэффициент рождаемости, который показывает, сколько младенцев родилось на 1000 чел. населения. В 1914 г. коэффициент рождаемости в Новониколаевске составлял почти 44‰, в 1915 – 36‰, а в 1916 г. – 28‰. Как видим, за 1914–1916 гг. показатели этого важнейшего элемента воспроизводства населения понизились в Новониколаевске в 1,6 раза. Одновременно вырос уровень смертности: в 1914 г. она составляла 26‰, в 1915 – 38‰, а в 1916 г. вновь снизилась 26‰¹¹³.

¹¹¹ Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 114–115; Зверев В. А. Воспроизводство населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...» проблемы региональной истории и исторического образования: сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 148.

¹¹² Зверев В. А. Указ. соч. С. 153.

¹¹³ История города: Новониколаевск–Новосибирск (исторические очерки). Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 335.

В Омске тенденции оказались схожими. В предвоенном 1913 г. коэффициент рождаемости составил – 34,2‰, смертность – 29,3‰. В 1916 г. коэффициент рождаемости снизился до 32,2 ‰. Смертность напротив повысилась до 31‰¹¹⁴.

Томск не стал исключением из общего правила. Если в 1913 г. коэффициент рождаемости в городе, по данным Н.М. Дмитриенко, составлял 38‰, а смертности – 33‰, то во время войны рождаемость стала постепенно падать, а смертность увеличиваться. Если в 1914–1915 гг. показатели рождаемости в Томске достигают уровня 38,2‰ и 37,6‰ соответственно, то смертность в то же самое время растёт быстрее. В 1914–1915 гг. коэффициент смертности составлял 30,5 и 46,1‰, т.е. естественный прирост в Томске уже во второй год войны был отрицательным¹¹⁵. Н.М. Дмитриенко отмечает, что причиной растущей смертности жителей Томска стали антисанитарные условия и тяготы жизни рабочего населения, загрязнение окружающей среды, в частности, использование городскими жителями воды из рек Ушайка и Томь, непригодной для питья¹¹⁶. Кроме того, в Томске в данный период были широко распространены опасные болезни, в том числе брюшной тиф, холера, туберкулез и венерические заболевания.

Следует отметить, что и до начала войны уже наблюдался рост смертности из-за низкого уровня медицинского обслуживания населения. Так, В.А. Зверев на основе отчетов о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России подсчитал, что коэффициент смертности в городах Западной Сибири накануне Первой мировой войны был почти на семь пунктов выше, чем в Европейской России и в стране в целом. Причем больше половины умерших были дети до 5 лет¹¹⁷. Как и до войны в июле 1914 – феврале 1917 г. среди гражданского населения, самая высокая смертность в городах Западной Сибири наблюдалась у младенцев до 1 года. Чаще всего она была вызвана недостатком гинеколо-

¹¹⁴ Клячкин В. Е. Указ. соч. С. 6.

¹¹⁵ Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века ... С. 115.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Зверев В. А. Воспроизводство населения на начальном этапе ... С. 136.

акушерской помощи женщинам и плохими санитарными условиями их жизни, что приводило к эпидемии опасных заболеваний. Среди военнослужащих, находящихся в тылу, почти вся смертность падает на трудоспособный возраст 19–49 лет – 95,5%. Причём львиная доля смертности приходится на возраст 20–29 лет – 56,2%. Военные умирали чаще всего в результате эпидемий, например, сыпного и возвратного тифа. При этом среди гражданского населения не было ни одного такого случая¹¹⁸.

Поскольку большинство сибиряков рожали детей уже после вступления в брак, доля внебрачных детей накануне Первой мировой войны обычно не превышала 10%¹¹⁹. Одним из негативных последствий войны стало увеличение количества детей, родившихся вне брака. В основном без мужа рожали крестьянки, которые были приписаны к другим губерниям. Городские священники комментировали эту ситуацию так: «Нижние чины, расквартированные в пригородах, зелёная молодёжь военная – прапорщики, корнеты и прочие, оказались плохими блюстителями женских нравов и внесли много дезорганизующего в семьи городских обывателей»¹²⁰.

Также в годы войны в рассматриваемых городах Западной Сибири участились случаи подброса детей к домам жителей. Особенно показательной ситуация стала к 1916 г., когда экономическое положение горожан начало значительно ухудшаться. Показательным в этом отношении является то, что только в одной Вознесенской церкви Барнаула в 1916 г. окрестили 17 подкидышей¹²¹. Накануне Февральской революции встречались случаи, когда не способные прокормить своего ребёнка сибирячки со страниц газет просили земляков «взять его в дети»¹²².

Итак, в годы Первой мировой войны в крупных городах Западной Сибири не

¹¹⁸ Клячкин В. Е. Естественное движение города Омска ... С. 10.

¹¹⁹ Зверев В. А. Воспроизводство населения на начальном этапе ... С. 144.

¹²⁰ Щербинин П. П. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женская повседневность в России XVIII–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. Тамбов, 25 сентября 2003 г. Тамбов, 2003. С. 123.

¹²¹ ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 2964. Л. 64–65.

¹²² Разгон И. М. Указ. соч. С. 131.

наблюдалось единой тенденции относительно роста или падения населения. В Омске, Барнауле и Новониколаевске численность населения к 1917 г. падала, а в Томске, напротив, незначительно возросла. За счёт многочисленных призывов количество мужского населения снижалось и наблюдалось или сглаживание численной разницы между полами, как это было, например, в Барнауле, или возникал перекося в сторону женского пола, как это было в остальных городах. Несмотря на общее снижение брачности до начала Февральской революции, увеличилось число браков с вдовами и военнослужащими. Значительное сокращение количество браков среди горожан вследствие ухода мужчин на фронт способствовало падению рождаемости, а ухудшение эпидемиологической ситуации в городах – увеличению смертности. За счёт притока в рассматриваемые города беженцев увеличилось количество стариков и малолетних детей. Последние всё чаще оказывались в неполных семьях или без семьи вовсе.

Таким образом, анализ демографической ситуации в сибирских городах на основе эмпирических данных и сопоставления статистических показателей о движении городского населения в период Первой мировой войны позволяет достоверно установить разрушительное воздействие военных действий не только на состояние экономики Российской империи в разрезе Западной Сибири, но и на воспроизводство населения и его социальное благополучие.

1.2 Медицинское обслуживание населения

Первая мировая война стала ключевым фактором для вынужденного изменения государственной политики в отношении обеспечения городского населения качественной медицинской помощью. С одной стороны, в этот период неизбежно возрастало число нуждающихся в ней, с другой стороны, за счет прироста беженцев и военнопленных медицинские учреждения были перегружены людьми с новыми формами заболеваний, что для крупных тыловых городов постепенно превращалось

в серьезную социальную проблему, угрожавшую благополучию жителей.

С начала войны больницы всех крупных городов Западной Сибири были переполнены больными. Так, по данным врачебно–санитарного бюро, в конце сентября – начале октября 1914 г. в Томске было зарегистрировано 50 заболевших, в том числе 18 больных дизентерией, 8 – брюшным тифом, 7 – скарлатиной и т.д. За неделю от острых заразных заболеваний скончалось 8 человек¹²³. В Новониколаевске за сентябрь и октябрь 1914 г. было зарегистрировано 238 заболевших, из которых 77 человек болели брюшным тифом.¹²⁴ В 1915 г. в Западной Сибири уже свирепствовали эпидемии. Согласно статистике, сыпным тифом в 1915 г. в Новониколаевске болело уже 4285 человек, из которых умерло 1094, включая военнопленных¹²⁵. В Омске в 1915 г. по сравнению с 1914 г. количество случаев заболевания натуральной оспой увеличилось с 89 до 258 чел., корью – с 347 до 411 чел., скарлатиной – с 281 до 580 чел., дифтеритом – с 128 до 175 чел., брюшным тифом – с 212 до 597 чел., сыпным тифом – с 37 до 70 чел., дизентерией – с 13 до 204 чел., эпидемическим гастроэнтеритом – с 21 до 103 чел., рожей – с 56 до 144 чел.¹²⁶. Неблагоприятная ситуация была характерна и для Барнаула, в котором в 1916 г. началась эпидемия сыпного тифа. По данным доктора А.П. Велижанина, в Барнаульской городской заозерной больнице пик заболеваемости сыпным тифом пришёлся на январь 1916 г., когда там было зарегистрировано 125 больных¹²⁷. Летом 1916 г. в Томске началась эпидемия дизентерии: вместо 5–8 заболевших ранее за одну неделю конца июня заболело сразу 66 человек¹²⁸. По свидетельству санитарного врача К.М. Гречищева, накануне февральской революции Томск занимал одно из первых мест в Российской империи по заболеваемости

¹²³ Сибирская жизнь. 1914. 4 окт.

¹²⁴ ГАНО. Ф. Д–97. Оп. 1. Д. 202. Л. 17–28.

¹²⁵ Горюшкин Л. М, Бочанова Г. А, Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом. Новосибирск, 1978. С. 211.

¹²⁶ Врачебно–санитарная хроника города Омска. 1915 г. Омск, 1916. С. 7.

¹²⁷ Труды первого съезда врачей Томской губернии (9–14 сентября 1917). Томск, 1917. Вып.1. С.230–231.

¹²⁸ Сибирская жизнь. 1916. 3 июля.

туберкулёзом лёгких. Причём основным переносчиком заразной болезни оставалась городская беднота, численность которой значительно увеличилась в годы войны¹²⁹.

Оторванность во время войны миллионов женатых людей воинских чинов от своих семейств, недостаточный надзор за проституцией, а также приказ верховного начальника санитарной и эвакуационной части Российской империи А. П. Ольденбургского № 28, резко сокративший приём в госпитали пациентов с венерическими заболеваниями, вместе привели в годы войны к невиданной эпидемии по всей стране¹³⁰. Не обошла эпидемия и Западную Сибирь. Так, например, по свидетельству врача Н.И. Плоскарева, в Томске в специальную городскую амбулаторию с утренними и вечерними приёмами ежедневно прибывали солдаты как местного гарнизона, так и с фронта с самыми заразными формами сифилиса и других венерических болезней¹³¹.

Главными источниками распространения различных эпидемий опасных заболеваний среди местного населения были заражённые пленные, беженцы и военнообязанные. В журнале очередного собрания Омской городской Думы за 3 марта 1915 г. читаем: «В связи с поселением в городе Омске австрийских и особенно турецких пленных в городе наблюдается распространение заразных болезней – оспы, сыпного и брюшного тифа и др., распространение, принимающее черты эпидемии»¹³². Население зачастую заражалось, покупая вещи у проходящих пленных, а также через врачей и медицинский персонал заразных больниц¹³³. В протоколе совещания врачей Омска при Санитарном бюро отмечалось, что источником распространения сыпного тифа в 1915 г. среди жителей города, согласно материалам расследования, также стал Омский военный госпиталь¹³⁴.

Невероятная скученность среди беженцев в городах Западной Сибири серьёзно

¹²⁹ Разгон И. М. Указ. соч. С. 126.

¹³⁰ Труды первого съезда врачей ... С. 177–178.

¹³¹ Труды первого съезда врачей ... С. 193.

¹³² ГАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. Л. 168.

¹³³ Омский вестник. 1915. 12 марта.

¹³⁴ ГАОО. Ф. 30. Оп.1. Д. 28. Л. 155.

повышала вероятность эпидемических заболеваний среди них. Города принимали беженцев более того количества, чем могли принять. По пути следования медицинский надзор за ними почти отсутствовал, бывали случаи, что с поездов снимали мёртвых, т.е. больные, не обнаруженные вовремя, разносили заразу по всему пути их следования¹³⁵.

Немалую роль в распространении инфекционных заболеваний играли и антисанитарные условия в сибирских городах. Описывая санитарное состояние барнаульской больницы, корреспондент газеты «Жизнь Алтая» отмечал: «Тут же около родильного отделения в коридоре помещены ящики с больничным бельём, а на ящиках узлы с одеждой больных: цейхгаузов не хватает, и, кроме того, в цейхгаузах одежда портится крысами. На кухне плита разваливается, готовить на кухне нельзя, и пища для больных и служебного персонала готовится на кухне заразного барака»¹³⁶. Эпидемиологическую ситуацию в городах обостряла скученность проживания, малое количество общественных бань, дезинфекционных камер, дешёвых прачечных, а также отсутствие канализаций¹³⁷.

Страдания заболевших в городах Западной Сибири усугубляла и нехватка квалифицированной медицинской помощи. К началу XX в. Сибирь явно отставала по наличию медицинских работников от центральных губерний. На одного врача приходилось 14246 кв. верст и 11100 жителей в сравнении с 252 кв. верстами и 7100 чел. в европейской части России¹³⁸.

В 1916 г. на 80–тысячное население Новониколаевска приходилось всего несколько больниц: первая городская общего профиля с родильным отделением, вторая городская («заразная»), переселенческая, железнодорожная, участково–сельская, амбулатория в Закаменской части города и два приемных покоя. Кроме

¹³⁵ Врачебно–санитарная хроника города Омска. 1915 г. Омск, 1916. С. 3.

¹³⁶ Жизнь Алтая. 1916. 22 окт.

¹³⁷ Врачебно–санитарная хроника города Омска 1916 год. Омск, 1917. С. 7.

¹³⁸ Дипломированные медики [Электронный ресурс] // История Алтая с древнейших времён и до наших дней: информационный портал. Электрон. дан. [Б. м., б. г.]. URL: <http://starshoes.su/zdravoohranenie/diplomirovannyie–mediki.html> (дата обращения: 10.01.2017).

того, действовал лазарет на военно–остановочном пункте. Врачебная помощь была также организована на казенном винном складе, военно–сухарном заводе и некоторых других наиболее крупных предприятиях, а также в реальном училище и городских начальных школах, работало также несколько частных врачей¹³⁹. Медицинская помощь, которую могли предоставить больницы Омска, также не могла удовлетворить потребности постоянно растущего населения города. В 1916 г. в Омске, где проживало около 130 тыс. чел., существовали следующие лечебные учреждения: городская больница с четырьмя штатными врачами; городская амбулатория с двумя штатными врачами, которые также работали в городской больнице, областная лечебница для душевнобольных с одним штатным врачом на 19 мест, военный госпиталь с одним врачом, больница Омского переселенческого пункта с одним врачом, лечебница Омской общины Красного Креста на 25 мест, больница доктора медицины А.И. Фогеля, убежище для рожениц. Кроме того, осуществляли частную практику несколько десятков частных врачей¹⁴⁰. Самая большая в городе городская больница в 1916 г. имела инфекционное отделение на 60 мест, холерный барак, венерическую больницу, а также барак родильного дома, причём все места были заняты инфекционными больными¹⁴¹. В Томске, где проживало в то время около 100 тыс. чел., ситуация с медицинскими кадрами была немного лучше, чем в других сибирских городах. Это объяснялось статусом губернского города и наличием Императорского Томского университета, который готовил будущих врачей. Однако большое количество жителей окрестных сёл и других регионов, обслуживаемых в больницах Томска, заметно сокращали это преимущество. В изучаемый период в городе находилось около десятка больниц. Среди них одна из пяти крупнейших психиатрических больниц Российской империи – Окружная психиатрическая лечебница. Она насчитывала более 1000 кроватей и

¹³⁹ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом. Новосибирск, 1978. С. 367.

¹⁴⁰ Памятная книжка Акмолинской области на 1916 г. Омск, 1916. С. 92–97.

¹⁴¹ Врачебно–санитарная хроника города Омска 1916 год. Омск, 1917. С. 7.

обслуживала помимо томичей жителей Томской, Иркутской, Енисейской губернии, а также Акмолинскую, Семипалатинскую и Забайкальскую области¹⁴². Огромная губернская больница Ведомства Общественного Призрения с 10 штатными врачами также располагалась в Томске. Она насчитывала в 1914 г. 344 кровати, а к 1917 г. уже 620 кроватей и девять отделений: хирургическое, терапевтическое, венерическое, заразное, детское, женское, дом для неизлечимых больных, богадельня, дом для умалишённых. В распоряжении больницы имелась также лаборатория для научных исследований. Через больницу Ведомства Общественного Призрения в 1914 г. прошло 3234 стационарных больных, в 1915 г. – 3846, в 1916 г. – 3684¹⁴³. В амбулатории больницы было зарегистрировано значительно больше пациентов: в 1914 г. – 8145 чел., в 1915 г. – 8944 чел., а в 1916 г. – 10694 чел.¹⁴⁴ При этом только чуть больше половины пациентов являлись жителями Томска. В годы войны в Томске работали также клиники при Императорском Томском Университете на 220 коек, которые занимались в основном интересными, с точки зрения университетских преподавателей, медицинскими случаями, всех остальных отправляли в больницу Ведомства Общественного Призрения¹⁴⁵.

Кроме того, население амбулаторно обслуживала городская лечебница для бедных приходящих больных с тремя штатными врачами по общей амбулатории, венерическим и гинекологическим болезням, больница имени Ивана Некрасова с шестью штатными врачами для острых незаразных больных, железнодорожная больница на вокзале станции Томск-2, рассчитанная на 70 коек и имеющая в своём штате двух врачей, амбулатория Сибирской железной дороги, где обслуживались исключительно служащие железной дороги, больница для заразных больных на 65 коек с двумя врачами, куда принимались все, кроме венерических больных, и, наконец, хирургическая лечебница при Общине сестёр милосердия Красного Креста

¹⁴² Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1912–1913 гг. Томск, 1913. С. 272.

¹⁴³ Труды первого съезда врачей ... С. 209–210, 213

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1912–1913 гг. Томск, 1913. С. 269.

с хирургическим и женским отделениями на 12 коек. Были и частные больницы: водолечебница врача Еланцева, куда принимались больные с нервными заболеваниями и сифилисом, лечебница для физических методов лечения врача Иванова, где лечились от внутренних, женских, кожных заболеваний, а также лечебница врачей Левенсона и Гершкопфа для лечения женских и хирургических болезней¹⁴⁶.

В Барнауле, где население в годы Первой мировой войны составляло около 60–70 тыс. чел., количество лечебных заведений было меньше, чем в Томске. Здесь работали городская больница с тремя штатными врачами, рассчитанная на 50 мест, Барнаульская городская заозёрная больница имени Балашова с одним штатным врачом на 40 коек, в том числе для заразных больных, инфекционная («заразная») больница, Барнаульская городская амбулаторная лечебница с двумя врачами, военный лазарет, родильный дом, который построил на свои средства врач А.И. Смирнов, а в 1915 г. была создана также железнодорожная больница на 50 коек¹⁴⁷.

С началом войны резко увеличилась загруженность медицинских учреждений в Западной Сибири. Так, в середине августа 1914 г. в Барнаульской городской больнице, рассчитанной на 50 мест, число больных в некоторые дни превышало 200 чел¹⁴⁸. Поскольку мест в палатах не хватало, больные размещались в коридорах, причём мужчины и женщины вместе¹⁴⁹. Первая городская больница в Новониколаевске для внутренних и хирургических больных и рожениц, рассчитанная на 50 коек, в годы войны была вынуждена увеличить число коек более чем в два раза. Сомкнутые вместе для экономии пространства койки представляли собой своеобразные нары, на которых тесно лежали больные, укрываясь нередко по паре одним одеялом¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1912–1913 гг. Томск, 1913. С. 275–279.

¹⁴⁷ Труды первого съезда врачей ... С. 229, 218, 227; 23.

¹⁴⁸ ГААК Ф. 51. Оп. 1 Д. 219. Л. 7, 9.

¹⁴⁹ Жизнь Алтая. 1916. 22 окт.

¹⁵⁰ История города. Новониколаевск–Новосибирск: исторические очерки : в 2 т. Новосибирск, 2005. Т. 1. С. 368.

Предназначенные для местного населения места в лечебных учреждениях, особенно в первые годы войны, зачастую были заняты ранеными войнами и военнопленными. В 1914 г. на 4420 размещённых в Барнауле военнопленных приходилось 1933 больничных дня из суммарных 3060 по городу, что равнялось 63,16%¹⁵¹. В Новониколаевске в первой половине 1915 г. до 80% больных в местных больницах составляли пленные и военнослужащие, так что многие слои городского населения оказывались без врачебной помощи¹⁵².

Связанный с этим случай широко освещался в газете «Жизнь Алтая» за январь 1915 г.: «С солдаткой Белобородовой, только разрешившейся от бремени, случился сильный припадок. Пригласили врача А.И. Смирнова, который диагностировал эпилепсию и, оказав первую медицинскую помощь, посоветовал отвести больную в больницу, так как требовал особый уход и наблюдение врача. В одиннадцать часов дня родственники привезли Белобородову в больницу, но там в приёме было отказано, вследствие обычного отсутствия мест. Её привезли обратно, но по пути случился припадок и рвота. Больную удалось устроить в больницу только через четыре дня»¹⁵³.

Отметим, что недостаток коек в больницах не был характерен только для Новониколаевска и Барнаула, это было общероссийское явление. Подобная ситуация сложилась в результате недооценки масштабов будущей войны и нерационального распределения коек между театром военных действий и внутренними районами страны. Организация медицинского обеспечения России предполагала развернуть на фронтах только одну треть коек, раненые и больные со сроком лечения более шести недель должны были эвакуироваться в тыл. Чтобы понять масштабы проблемы, обратимся к статистическим данным. Так, только с августа 1914 г. по ноябрь 1916 г. включительно с фронта в тыловые лечебно-эвакуационные учреждения России доставили 5812935 больных, раненых офицеров

¹⁵¹ ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 64.Л.15–17

¹⁵² Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Указ. соч. С. 210.

¹⁵³ Жизнь Алтая. 1915. 11 янв.

и солдат, что в среднем в месяц составляло 116 896 чел. В госпиталях тыловых районов находились до окончательного излечения 3273085 чел. (56,3%)¹⁵⁴. Несмотря на то, что во внутренние районы страны должны были эвакуироваться раненые и больные со сроком лечения более шести недель, на практике из-за плохой сортировки эти требования нарушались, и значительная часть легкораненых и больных также отправлялась в тыл страны.

Остро стояла и проблема лекарственного обеспечения. Уже в начале войны в стране ощущался недостаток медикаментов и хирургических инструментов. Дело в том, что из 118 наименований медикаментов каталога военного времени 80 наименований ввозилось из-за границы, в том числе из Германии и Австро-Венгрии¹⁵⁵. Чтобы понять масштабы проблемы, необходимо сказать, что до лета 1915 г. в России не производилось даже йода. В дефиците или в полном отсутствии в городских больницах были такие лекарства, как хинин и салициловые препараты (аспирин)¹⁵⁶.

Не было и анестезии: дорогой кокаин и опий в аптеках не закупался, эфир и хлороформ применялись только при операциях. Единственным, чем были полностью обеспечены медицинские лечебные учреждения, так это индивидуальными перевязочными пакетами.

Ситуация начала стабилизироваться лишь к концу 1915 г.¹⁵⁷ Петроградский завод военно-врачебных заготовлений по приказу начальника санитарной и эвакуационной части А.П. Ольденбургского стал работать в три смены, а Институт экспериментальной медицины обеспечил бесперебойный выпуск вакцин и сывороток. По инициативе принца и на его личные средства было начато производство йода из морских водорослей, а также сбор лекарственных трав на

¹⁵⁴ Будко А. А., Селиванов Е. Ф. Военная медицина в войне с Японией в 1904–1905 гг. // Военно-истор. журн. 2004. № 6. С. 58.

¹⁵⁵ Там же. С. 59.

¹⁵⁶ Труды первого съезда врачей ... С. 222.

¹⁵⁷ Ерёмин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Перовой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 167.

Кавказе.

Смириться с нехваткой лекарств в условиях, когда тысячам людей требовались ежедневно лекарства, не мог не только принц А.П. Ольденбургский. В течение первой недели октября 1916 г. в Петрограде проходил всероссийский съезд по борьбе с лекарственным голодом и по мобилизации отечественной химико-фармацевтической промышленности, в котором участвовали и представители из городов Западной Сибири. На съезде широко освещали современное положение лекарственного вопроса в России, искали способы рационального снабжения русского рынка медикаментами и, наконец, выработывали общий план развития русской химико-фармацевтической промышленности.

Там же было выяснено, что эта отрасль промышленности способна развиваться самостоятельно, а не как ранее, закупая медикаменты в Германии. На производство лекарств были брошены значительные научные силы. Почти сразу после съезда 18 октября 1916 г. в Барнаульской городской управе состоялось заседание врачебно-санитарного совета, на котором вместе с городским головой В.Я. Бирюковым члены совета обсудили организацию товарищества по изготовлению медикаментов¹⁵⁸.

В годы войны в Западной Сибири ощущался не только недостаток медикаментов, но и недостаток врачей. Об этом подробно в своём выступлении на заседании первого съезда врачей Томской губернии сообщал хирург Н. М. Руднев. В своём докладе, который назывался «Барнаульская городская больница в настоящее время. Деятельность больницы и условия работы в ней», врач отмечал, что городская больница приблизительно в течение четырёх-четырёх с половиной лет обслуживалась двумя врачами, полтора – два месяца в начале 1917 г. обслуживалась тремя врачами, а остальное время одним врачом¹⁵⁹. Н.М. Руднев пояснял, что во многом это было связано с тем, что в военное время один из врачей, а нередко и оба откомандировывались губернской администрацией или другими властями в

¹⁵⁸ ГААК. Ф. 219. Оп.1. Д. 16. Л. 52.

¹⁵⁹ Труды первого съезда врачей ... С. 219.

Воинское присутствие и на сборный пункт для освидетельствования призываемых.

В Омске ситуация с врачами обстояла несколько лучше, однако их число с каждым годом уменьшалось. Если в 1914 г. в городе насчитывалось 37 врачей, то в 1915 г. их количество сократилось до 23¹⁶⁰. Причиной такого сокращения стало то, что медицинский персонал забирали на фронт, причём зачастую империя даже не стремилась оплатить медицинским работникам дорогу и проживание. Так, например, из далёкой Варшавы старший врач госпиталя телеграммой просил выслать барнаульским сестрам милосердия Маркиной, Будкевич, Шелеповой и Гуляевой, приехавшим в госпиталь Варшавы на свои средства, по 40 руб.¹⁶¹ Вскоре в лечебных учреждениях крупных городов Западной Сибири наблюдалась катастрофическая нехватка медицинского персонала. Дело дошло до того, что в феврале 1915 г. гласные Томской городской думы вынесли решение о том, чтобы не призывать в армию всех городских врачей¹⁶².

Не всё благоприятно обстояло и с питанием пациентов. Говоря о питании больных во время войны, заведующий Барнаульской городской заозёрной больницей врач А.П. Велижанин отмечал, что для больных доставляется недостаточное количество молока и порой вообще не доставляется мяса. На недостаточность молока для больных указывал и заведующий Барнаульской городской больницей Барнаула врач Н.М. Руднев. Руднев также сообщал, что приходилось испытывать дефицит хлеба, который иногда даже совсем не привозили, а иногда привозили полусырой с толстой коркой, который был не пригоден для питания больных¹⁶³.

Отметим, что лечение в сибирских больницах в годы войны было в основном платным. Порядок цен можно понять на примере Барнаульской городской больницы.

¹⁶⁰ Чудаков О. В. Социально–культурная деятельность органов Городского самоуправления в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2005. № 3. С. 200.

¹⁶¹ ГААК. Ф. 219.Оп. 1. Д. 1031. Л.8.

¹⁶² Чудаков О. В. Социально–культурная деятельность органов Городского самоуправления ... С. 203.

¹⁶³ Труды первого съезда врачей ... С. 218-231.

Там стационарные больные за сутки в больнице платили: городские жители 1 р., иногородние 1 р. 50 к., служащие фирм – 2 р., железнодорожные служащие – 5 р.¹⁶⁴ Исключение делалось для бедных и семей призванных на войну, которые могли по усмотрению городской управы лечиться бесплатно. Между тем точных предписаний для администрации больницы по тому поводу дано не было.

Вопросы здравоохранения города Западной Сибири решали с разной степенью эффективности. Так, Томску для борьбы с эпидемиями из общегосударственных источников выделили безвозвратное пособие в размере 220000 рублей. Этому способствовала личная поездка томского городского головы доктора П.Ф. Ломовицкого в Петроград к принцу А.П. Ольденбургскому, в ходе которой голова попросил данную сумму. В то же время Омску такая помощь оказана не была, при том что в Омске население было больше¹⁶⁵.

Несмотря на многочисленные финансовые трудности, сибирские врачи и местные власти предпринимали ряд действенных шагов по борьбе с заразными заболеваниями в городах. Среди таких шагов было, например, широкое обсуждение в прессе методов борьбы с заразными заболеваниями.

Так, в газете «Алтайское дело» за 22 августа 1915 г. была напечатана памятка для городского населения санитарным врачом Новониколаевска о мерах предохранения от холеры. В ней сообщалось, что заразиться болезнью можно употребляя в пищу плохо промытые, испорченные фрукты и овощи, рекомендовалось всякий раз при любом использовании кипятить воду. Кроме того, при первых признаках болезни советовали обращаться к фельдшеру или врачу и не заниматься самолечением¹⁶⁶. С целью борьбы с эпидемическими заболеваниями, и в частности с холерой, с 1 августа 1916 г. в Новониколаевске был открыт холерный барак с дезинфекционной камерой и прачечной, организован санитарно-дезинфекционный отряд, продолжилось систематическое прививание населения от

¹⁶⁴ Там же. С. 221.

¹⁶⁵ Врачебно-санитарная хроника города Омска 1916 год. Омск, 1917. С. 6–7.

¹⁶⁶ Алтайское дело. 1915. 22 авг.

оспы. Кроме того, с этой же целью в короткий срок от грязи были очищены площади и улицы города¹⁶⁷.

В марте 1916 г. в Новониколаевске был учреждён институт санитарных попечителей. При этом лицам, состоящим попечителями, давались самые широкие полномочия. Они могли составлять протоколы в отношении лиц, нарушивших санитарные правила, возбуждать против них судебные преследования, а также принимать надлежащие меры для устранения нарушений¹⁶⁸.

В Барнауле в 1916 г. был принят ряд эффективных мер для борьбы с сыпным тифом. Помещения, где жили беженцы, лишь только появлялись случаи заболевания, освобождались, а они сами переводились в другой дом. Освобожденное помещение мылось, белилось, нары обливались кипятком, жидкостью Смородникова. Переводимые мылись в бане с дезинфекцией и сменой белья. Для того, чтобы улучшить санитарное состояние жилищ и извлекать подозрительных больных как можно раньше, врачами города производилось обследование всех помещений, где размещались беженцы, как общежитий, так и городских квартир¹⁶⁹. Существенно улучшило эпидемическую ситуацию в Барнауле в 1916 г. переселение 600 беженцев из дома купца Сухова, пользовавшегося славой главного источника инфекционных заболеваний. Это мероприятие в совокупности с дезинфекцией помещений помогло устранить дальнейшее распространение эпидемии¹⁷⁰.

Таким образом, в первые три года Первой мировой войны медицинское обслуживание населения крупных городов Западной Сибири было организовано неудовлетворительно. Горожане столкнулись с многочисленными эпидемиями заразных заболеваний, источником которых были военнопленные, беженцы и военнообязанные. Нерациональное распределение коек между театром военных действий и внутренними районами страны привели к резкому увеличению

¹⁶⁷ ГАНО. Ф. Д-97. Оп.1. Д. 215.Л. 61.

¹⁶⁸ ГАНО. Ф. Д-97. Оп.1. Д. 161. Л. 23.

¹⁶⁹ Труды первого съезда врачей ... С. 230-231.

¹⁷⁰ Жизнь Алтая. 1916. 4 февр.

загруженности лечебных учреждений города. Освидетельствование воинских чинов и лечение нескольких сотен военнопленных способствовали ухудшению санитарной обстановки в больницах и сокращению неотложных операций. Кроме того, работа лечебных учреждений была осложнена недостатком врачей и медикаментов. Однако, несмотря на тяжесть обстоятельств военного времени, сибирские врачи и местные власти предпринимали многочисленные эффективные шаги по борьбе с заразными заболеваниями и смогли в конечном итоге предотвратить более масштабные эпидемии.

Подводя итоги исследования в первой главе, необходимо отметить стремительное ухудшение социального благополучия городского населения Западной Сибири в период Первой мировой войны. Поскольку крупные города Западной Сибири являлись транспортными узлами и центрами сосредоточения мобилизованных, беженцев и военнопленных, в военный период именно в этих городах наиболее заметным стало социальное неблагополучие и изменение социальной структуры населения. Несмотря на энтузиазм людей разных профессий и определенные надежды на благополучный исход войны в первые годы военных действий, в дальнейшем эти общественные настроения будут находиться под влиянием таких факторов, как ухудшающаяся демографическая ситуация, рост смертности на фронтах, куда были мобилизованы жители мужского пола, неудовлетворительное состояние медицинского обслуживания, перегруженность медицинских учреждений, появление большого числа больных различными заболеваниями. На эти социальные проблемы государство в лице органов власти реагировало противоречиво и неоднозначно, что в последующие годы стало источником нарастания социального недовольства. Поскольку военные события негативным образом сказались на функционировании отраслей экономики, в следующей главе диссертационного исследования будет представлен детальный анализ состояния наиболее важных сфер экономики с точки зрения повседневного быта городов Западной Сибири.

2 Городская среда Омска, Томска, Новониколаевска и Барнаула в июле 1914 – феврале 1917 гг.

2.1 Занятия и уровень доходов горожан

Важным элементом структуры повседневной жизни с точки зрения конкретно-исторического анализа является характеристика городской среды. Городская среда западносибирских городов с началом Первой мировой войны столкнулась с рядом новых вызовов, которые существенно ухудшили социальное благополучие и экономическую активность в сибирских городах. Переход экономики страны к снабжению фронта вооружениями и продукцией неизбежно сказывался на традиционных видах коммерческой деятельности купечества, на снабжении тыловых городов продовольствием и на различных видах традиционной трудовой деятельности в городах, которые в мирное время зависели от запросов рынка и горожан. Нарастающий кризис в отраслях экономики неуклонно повлиял и на изменения в структуре занятости, стал причиной снижения уровня доходов горожан.

Уже в начале Первой мировой войны в деятельности владельцев промышленных и торговых заведений Западной Сибири происходят многочисленные трансформации. Переход на «военные рельсы», сбои в работе железнодорожного транспорта, «сухой закон», а также мобилизация квалифицированных кадров привели к сокращению прибыли и даже разорению некоторых из них. После закрытия казённой винной монополии и введения «сухого закона» в годы Первой мировой войны в тяжёлом положении оказалось винокуренная промышленность¹⁷¹. Большинство сибирских фирм, специализирующихся только на производстве и торговле спиртными напитками, среди которых, например, барнаульский завод братьев Ворсиных и Олюниных с

¹⁷¹ История города: Новониколаевск–Новосибирск (исторические очерки). Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 103–104.

годовым коммерческим оборотом в 1913 г. 764 тыс. руб., в 1914 г. были вынуждены полностью свернуть свою коммерческую деятельность¹⁷². Осенью 1914 г. с введением запрета на производство алкогольных напитков на период военного времени был остановлен пивоваренный паровой завод «Вена» томского купца М.И. Рейхзелигмана. Остановка производства привела к огромным убыткам купца, его задолженность банкам превысила 94 тыс. руб.¹⁷³

Негативные последствия оказала война и на международные торговые связи сибирских городов. Если до чрезвычайных событий Западная Сибирь была ведущим районом маслоделия в Российской империи, то после начала военных действий и блокады Дарданелл сибирские предприниматели лишились всех своих основных потребителей в Германии, Англии и Франции. Отметим, что удорожание перевозки сибирского масла через Архангельск, а также установление в России твёрдых цен на этот продукт привели к тому, что многие сибирские предприниматели начали переориентироваться на производство сыров. Сыроварение по сравнению с маслоделием было выгоднее, поскольку цены на него не регламентировались, а из одного и того же количества молока сыра получалось в два раза больше, чем масла¹⁷⁴.

Нарушение торговых связей, льготный отпуск дровяного леса жёнам призванных, а также большое сокращение квалифицированных кадров во время войны в городах Западной Сибири приводят и к резкому снижению коммерческих лесных операций в регионе¹⁷⁵.

Однако та же самая война стала источником дополнительной прибыли для других предпринимателей. Прежде всего, для членов военно-промышленных

¹⁷² Барнаул: энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 70.

¹⁷³ Дмитриенко Н. М. Томские купцы: библиографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск, 2014. С. 231–232.

¹⁷⁴ Сыщенко А. Г., Сыщенко В. А. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации 1896–1919 гг. Барнаул, 2003. С. 152.

¹⁷⁵ Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг). Барнаул, 1916. С. 180; Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – нач. XX вв.). Барнаул, 1999. С. 191.

комитетов (ВПК). Многие сибирские предприниматели стремились войти в состав местных ВПК, для того чтобы обеспечить бесперебойные заказы и высокие прибыли. Так, например, поступили совладелец кожевенного завода, член торгового дома «Голованов с сыновьями» томский купец В.Г. Голованов и соучредитель Сибирского торгово-промышленного банка в Томске А.А. Едельштейн. В 1915 г. они вместе работали в секции одёжного снаряжения при Томском ВПК¹⁷⁶.

С началом войны возник дефицит кож на рынках европейской части России, что дало мощный толчок для роста сибирской кожевенной промышленности. На нужды обороны работали кожевенные заводы купца В.Д. Кузнецова и купца Н.Н. Машинского в Омске. В 1916 г. только на одном из заводов Машинского ежемесячно производилось до 2 тыс. пар сапог¹⁷⁷. Достаточно развитое кожевенное производство можно было обнаружить и в Барнауле. Если в 1913 г., по сведениям податной инспекции, здесь было два крупных кожевенных предприятия: П.Д. Сухова и Н.В. Голева, то уже в 1916 г. в благодарности, направленной в городскую управу Всероссийским обществом кожевенных заводчиков, находим сведения о пяти крупных кожевенных заводах. Помимо двух названных заводов, за период с 1913 – 1916 гг. открылись кожевенные предприятия Я.Е. Васильева, М.Р. Васильева и И.Д. Лалетина¹⁷⁸. В Новониколаевске по инициативе местного ВПК в 1915 г. было решено строить самый крупный в городе кожевенный завод фабричного типа с выпуском до 50 тыс. тон кож в год¹⁷⁹.

Военные заказы, получаемые при посредничестве Новониколаевского ВПК в 1914–1915 гг., принесли немалую прибыль местным мукомолам. В 1915 г. мельницы Новониколаевска, несмотря на засушливый год, закупили и перемололи более 12 млн пудов зерна, что составило около 50% от общего объёма производства Томской

¹⁷⁶ Дмитриенко Н. М. Томские купцы: библиографический словарь ... С. 62, 93.

¹⁷⁷ Комлева Е. В. Сибирское купечество в годы военных конфликтов (XIX – начало XX в.) // Сибирь и войны XIX – XX веков: сб. мат. всерос. научн. конф. Новосибирск, 2014. С. 84.

¹⁷⁸ ГААК. Ф. 219. Оп.1. Д. 60. Л. 287–289.

¹⁷⁹ История города: Новониколаевск–Новосибирск : (исторические очерки). Новосибирск, 2006. Т. 2. С. 102.

губернии¹⁸⁰.

Сооружение Омско-Тюменской и Алтайской веток железной дороги, а также обеспеченность Сибири сырьём привели к росту объёмов в ряде групп производств, в числе которых следует назвать металлообрабатывающее, пищевкусовое, текстильное. Так, например, помимо новых предприятий появилось консервное производство¹⁸¹. Таковую консервную фабрику, ежегодно выпускавшую до 100 тыс. коробок 31 вида консервов, учредил в Томске торговый дом «А. Фильберт и племянники»¹⁸².

За годы войны выросло число колбасных, булочно–кондитерских предприятий, снабжавших возросшее население города. В Новониколаевске количество промышленных заведений, преимущественно мелких, увеличилось к 1917 г. примерно в два раза, а стоимость валовой продукции с 7,8 до 9,8 млн. руб.¹⁸³

В связи с ухудшением санитарного состояния городов и прибытием туда новых социальных групп резко возросла потребность в моющих средствах. Количество мыловаренных заводов в Новониколаевске увеличилось с пяти в 1913 г. до семи в – 1916 г.¹⁸⁴

Однако уже в 1916 г. экономическая ситуация в империи стала меняться. Многие сибирские предприниматели стали испытывать постоянную нехватку работников и трудности с поставками товаров. В рапорте томскому губернатору барнаульский уездный исправник сообщал, что с 1 января 1916 г. по причине отсутствия товаров в Барнауле прекратил своё существование ряд довольно крупных фирм, среди которых торговые дома «А.Г. Морозов с сыновьями», «Лукин, Еллизаров и Холкин»¹⁸⁵. Один из богатейших людей Алтая начала XX в. А.Г.

¹⁸⁰ История города: Новониколаевск–Новосибирск ... С. 103–104.

¹⁸¹ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. С. 387.

¹⁸² Дмитриенко Н. М. Томские купцы: библиографический словарь ... С. 280.

¹⁸³ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 109.

¹⁸⁴ История города: Новониколаевск–Новосибирск ... С. 103–104.

¹⁸⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп.2. Д. 1667. Л. 3.

Морозов, сославшись на нежелание торговать в условиях «дороговизны и дефицита», предпочел в 1916 г. продать свои магазины за 550 тыс. руб. Алтайскому союзу кооператоров и уехать за границу¹⁸⁶.

Чрезвычайные обстоятельства военного времени отразились и на деятельности такой категории населения Сибири, как служащие. Под последними мы подразумеваем работников интеллектуального труда, служащих в государственном управлении, промышленности, образовании, сфере услуг, торговле и др., имеющих профильное образование и использующих творческий подход в решении поставленных задач.

В годы войны значительно выросла нагрузка на служащих правоохранительных органов. Существенно увеличился их объем работы по учёту населения в связи с прибытием в город большого количества беженцев, в сфере надзора за военнопленными, а также в сфере обеспечения многочисленных мобилизаций¹⁸⁷. Вот как описывают криминальную обстановку авторы исследования по истории местных правоохранительных органов: «Много хлопот доставили солдаты вновь призванные в армию из запаса. Численность Томского гарнизона в годы войны увеличилась в несколько раз. Уходя в увольнение, они нередко совершали пьяные дебоши и хулиганские поступки... Пышным цветом расцвели воровство и мошенничество. Крали буквально всё, что плохо лежало: деньги, продукты, скот, одежду, хозяйственный инвентарь из подворных построек и т.д. Причём существенно снизить уровень преступности полиция была просто не в состоянии, поскольку основной причиной было обнищание низших, или в современном понимании, социально незащищённых слоёв населения. Увеличилось число тяжких преступлений. Расширилось пьянство и самогонарение¹⁸⁸».

Проблему с недостатком кадров в штате полиции городов Западной Сибири

¹⁸⁶ Алтайский крестьянин. 1916. 19 марта.

¹⁸⁷ История полиции России: краткий исторический очерк и основные документы. М. 1998. С. 10.

¹⁸⁸ Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. 200 лет на страже порядка. Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002. С. 126–127.

пытались решать не раз, однако это не принесло желаемого результата. Так, в Барнауле в первый год войны городская Дума ввела в штат полиции 20 городских для общего усиления правоохранительной структуры. Однако уже в феврале 1915 г. по причине несбалансированности доходных и расходных статей городского бюджета власти были вынуждены отказаться от дополнительных городских¹⁸⁹.

Если говорить о материальном положении служащих правоохранительных органов в городах Западной Сибири в годы войны, то оно было весьма различно. В начале XX века максимальное жалование жандармского офицера достигало 3 тыс. руб. в год, а нижнего чина полиции всего 400 руб. в год¹⁹⁰. Огромное большинство низшего чиновничества вынуждено было проживать на ничтожное жалование, на которое было даже невозможно прокормить себя, не говоря уже о семье¹⁹¹.

Война способствовала резкому увеличению объема работы и одновременно сокращению числа служащих медицинских учреждений. Вследствие мобилизации врачей на фронт, в городской больнице теперь зачастую работал чаще всего один врач, вместо положенных трех. Оставшийся же медицинский персонал помимо городского населения вплоть до 1915 г. должен был также обслуживать военнопленных и мобилизованных. При этом, несмотря на огромный вал работы, зарплата в годы войны у медицинских работников существенно не увеличилась. Так, благодаря газете «Утро Сибири» 1916 г. нам становится известно, что заведующий Санитарным бюро в Томске получал жалование 2400 руб., а врач больницы для заразных больных – 1200 руб. в год¹⁹². Дипломированный фельдшер имел годовой оклад почти в два раза ниже — всего 480 руб.¹⁹³

Первая мировая война в значительной степени повлияла на работу деятелей

¹⁸⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 450. Л. 85.

¹⁹⁰ Гончаров Ю. М. Материальное положение чиновничества Сибири во второй половине XIX– начале XX века // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2002. № 4. С. 21–22, 20–28.

¹⁹¹ Шиловский М. В. Повседневная среда обитания городской интеллигенции Сибири в XIX - начале XX вв. // Города Сибири XVII– начала XX века. Барнаул, 2004. С. 91, 88–101.

¹⁹² Утро Сибири. 1916. 12 мая.

¹⁹³ Смета доходов и расходов г. Томска 1916 г. Томск, 1916. С. 337.

науки, культуры и образования. В работе многих из них популярной стала тема «войны». В школах учителя помогали учащимся ставить спектакли на эту тему и проводить благотворительные вечера. В университетах преподаватели читали лекции о войне, в каждом газетном выпуске печатались материалы, связанные с военной тематикой. Что касается материального положения этих категорий городского населения, то оно было весьма различным, зависело от многих показателей: образования, квалификации, опыта работы. Так, ординарный профессор в Томском университете получал 4500 руб. жалованья в год, при этом у него была возможность иметь прибавку за выслугу лет, за должность, гонорар со сбора за лекции¹⁹⁴. Однако такими высокими заработками в сфере образования в годы Первой мировой войны могли похвастаться далеко не все. Доходы большинства представителей преподавательского состава и вспомогательного персонала университета резко контрастировали на фоне доходов профессоров. Так, приват-доцент не получал штатного содержания и вынужден был довольствоваться только доплатой за чтение лекций и ведение практических занятий. Меньше всех получали лаборанты и хранители кабинетов.¹⁹⁵

Учитель словесности в барнаульской гимназии Н.Ф. Шубкин вспоминал, что зарплата учителей была совсем маленькой: «... работая в гимназии по 8–10 часов в сутки, получаешь за это столько, сколько при самой скромной жизни едва хватает до следующего месяца.»¹⁹⁶ Средняя заработная плата учителей в Западной Сибири составляла 350 руб. в год – немного выше зарплаты швейцаров и сторожей и значительно ниже зарплаты жандармов. Лучше было положение преподавателей средних школ и гимназий, они получали зарплату от 750 до 2000 руб. в год¹⁹⁷.

¹⁹⁴ Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX– начала XX в.). Новосибирск, 2004. С. 59.

¹⁹⁵ Там же. С. 59–60.

¹⁹⁶ Шубкин Н. Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии : (из дневника словесника Шубкина за 1911–1915 годы). СПб, 1998.

¹⁹⁷ Коновалов И. А. Изменение в социальной структуре населения Омска в конце XIX – начале XX вв. // Омск XX в. (вехи истории). Омск, 2001. С. 19.

Новым явлением общественной жизни в годы войны стали учителя – военнопленные, которые преподавали в частных домах. Чаще всего такими учителями в Западной Сибири становились пленные австрийские офицеры, реже – немцы. Широко использовался труд военнопленных инженеров и бухгалтеров. Эти категории работников в основном комплектовались из немцев¹⁹⁸.

В годы Первой мировой войны рабочие уже составляли значительную часть населения сибирских городов. Под рабочими мы понимаем обладателей трудовых ресурсов, занятых в производственном секторе экономики и занимающихся физическим трудом. В 1913–1914 гг. их удельный вес среди всего населения Сибири составил 7%, что было всего не намного меньше, чем по России в целом¹⁹⁹. Вместе с членами семей рабочие насчитывали до 30% городского населения. В 1917 г., по подсчетам Д.М. Зольникова, в Омске на всех предприятиях в 1917 г. трудилось до 20 тыс. рабочих, в Томске – 10 тыс., Новониколаевске – 6 тыс., в Барнауле – 4 тыс.²⁰⁰. Причём подавляющее большинство трудящихся работали в обрабатывающей промышленности и строительстве. Кроме того, в городах Западной Сибири проживало множество железнодорожников.

Отметим, что за годы войны произошёл значительный рост числа рабочих. Согласно данным Сибирского торгово-промышленного ежегодника и Памятной книжки Акмолинской области, в 1912 г. на предприятиях Новониколаевска трудилось 2072 рабочих, в Томске – 2396, в Барнауле – 2059, а в Омске – 10902 рабочих²⁰¹.

Первые же военные мобилизации способствовали резкому сокращению числа ремесленников и увеличению объёма работы для тех, кто не был призван. Особенно

¹⁹⁸ Гергилева А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007. С. 43–44.

¹⁹⁹ Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая четверть XX вв.). Омск, 2003. Ч. 1. С. 23.

²⁰⁰ Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири ... С. 58.

²⁰¹ Сибирский торгово–промышленный ежегодник 1914–1915 гг. Пт., 1915. С. 218; Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г. Омск, 1914. С. 41–42.

заметна подобная ситуация оказалась среди ремесленников Новониколаевска. Уже в первый год войны число ремесленников в городе сократилось почти в два раза. Если в 1913 г. общее число ремесленников в Новониколаевске составляло 4081 чел., то в 1914-м их насчитывалось всего 2184. В последующие военные годы вплоть до 1916 г. ситуация лишь ухудшилась: в 1915-м их число уменьшилось до 1778 чел., в 1916 – до 1239 чел. Довоенная численность в Новониколаевске была восстановлена лишь после революций в 1917-м²⁰².

Продолжительность рабочего дня зачастую достигала 12 часов, широко практиковались сверхурочные работы. Так, например, в Томске в 1914 г. начальник Сибирской железной дороги разрешил привлекать к работам в ночное и праздничное время мастеровых службы пути для исправления повреждений в зданиях и сооружениях, дороги, которые требуют немедленного исправления. За этот труд им должно быть уплачено особое вознаграждение в следующих размерах: слесарям, кузнецам и печникам по 1р. 50 к., а плотникам, столярам и молотобойцам по 1 р. 290 к., как за ночное время, так и за праздничные дни²⁰³.

Как отмечает Н.М. Дмитриенко, тяжелые условия труда рабочих проявлялись в том, что их трудовая деятельность осуществлялась в тесных, малоосвещенных, лишенных вентиляции и холодных помещениях. Так, например, рабочие спичечных мануфактур Ворожцова и Овечкина, где применялся фосфор, уже через 5–10 лет становились полными инвалидами²⁰⁴. При использовании машинного производства очень высоким был уровень травматизма рабочих из-за плохого обучения работе с оборудованием.

На оборонных предприятиях и транспорте были установлены строгие порядки: за невыполнение работ в срок рабочие увольняются с предприятия и направляются на фронт в маршевые роты²⁰⁵. Хотя вследствие дефицита работников

²⁰² 10 лет на службе городу: Новониколаевская городская дума в документах и материалах. Новосибирск, 2008. С. 352.

²⁰³ Утро Сибири. 1914. 3 авг.

²⁰⁴ Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX– первой трети XX века ... С. 234.

²⁰⁵ История развития города Новосибирска в 1893–1916 гг. [Электронный ресурс] // Музей

уже со второй половины июля 1914 г. начали повышать заработную плату, её рост не успевал за ростом цен. Даже к началу 1917 г. уровень зарплаты рабочего в России вырос в среднем вдвое, хотя цены в целом по стране поднялись примерно в четыре раза²⁰⁶.

Такая ситуация не могла не вызвать недовольства среди трудящихся. В марте-апреле 1915 г. грузчики и другие рабочие «Алтайской фабрично-промышленной компании» провели забастовку и добились удовлетворения своего требования – повышения заработной платы на 25 %²⁰⁷.

10 ноября 1915 г. 15 рабочих из 40-й колбасной мастерской Верблюдова в Новониколаевске требовали улучшения условий труда. Однако по результатам стачки в требованиях участникам было отказано, а 7 человек были уволены из мастерской²⁰⁸.

2 июля 1916 г. состоялась однодневная забастовка легковых извозчиков в Омске, протестующих против низкой таксы на проезд, оставшейся на том же довоенном уровне, несмотря на непрекращающуюся инфляцию²⁰⁹. 21 сентября 1916 г. из-за низких расценок забастовали рабочие Главных мастерских в Омске. 1600 человек потребовали от начальства предоставить права на получение сахара наравне с прочими служащими железной дороги, отпускать дрова по казённой цене и выдать семьям провизионные билеты²¹⁰.

Чем меньше в сибирских городах становилось мужчин, тем больше женщин вынуждены были искать себе работу. Многие представительницы прекрасного пола, чьи мужья ушли на фронт, практически остались без средств к существованию. Особенно сложным оно было у семей с малолетними детьми. Согласно

Новосибирска. Электрон. дан. [Б. м.], 2016. URL: <http://m-nsk.ru/istoriya-goroda/istoriya-gazvitiya/1893-1916/#toggle-id-22> (дата обращения: 11.02.2014).

²⁰⁶ Пайпс Р. Русская революция. Агония старого режима (1905–1917). М., 2005. Кн. 1. 480 с.

²⁰⁷ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 94.

²⁰⁸ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Томск, 2013. Т. 1: 1880–1917 г. С. 370.

²⁰⁹ ГАОО. Ф. 270. Оп.1. Д. 652. Л. 36 об.

²¹⁰ ГАОО. Ф. 270. Оп.1. Д. 652. Л. 39.

воспоминаниям жителя Новониколаевска С.В. Чернышёва, находящегося в то время на службе в действующей армии, на выделяемые от государства пособия его семье прожить было невозможно, поэтому родственники мобилизованного были вынуждены постепенно продавать своё имущество и надеяться на помощь стариков: «Как только началась война, в нашей семье сразу же произошли перемены. С первых же дней мобилизации дед Денис сдал в казну трёх молодых лошадок, получив за них небольшую сумму. Остался у него один рыжий мерин, которого забраковали из-за низкого роста. Через полмесяца после моего отъезда на военную службу у нас с Настей родился сын Саня. А через некоторое время на военную службу взяли и брата Андрея. Положение в семье оказалось крайне тяжёлым, работать было некому. К тому же на рынке всё подорожало. Настя начала получать за меня пособие в одиннадцать рублей, но этого было мало, и пришлось деду Денису под старость лет сесть на лошадку, чтобы зарабатывать на содержание семьи. Но и этого на жизнь не хватало. И скоро проели всё, что получили от казны за лошадок, а затем проели упряжь, телеги, хомуты, сани и другое имущество. Дед Денис напрягал все силы, чтобы не заморить семью голодом»²¹¹.

К осени 1916 г. размер пособия семьям военнослужащих составлял 2–2,5 руб. в месяц (дети до 5 лет получали половину) и отставал от роста цен. В деле выдачи пайков царили волокита, бесконтрольность и путаница. После сообщения о гибели солдата выдача пособий прекращалась²¹². Чтобы как-то помочь женщинам, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, для них создавались специальные бюро, занимающиеся трудоустройством. Так, томский городской дамский комитет по оказанию помощи семьям призванных в феврале 1915 г. приступил к организации посреднического бюро по приисканию работы женам призванных, на что ассигновали из средств комитета 100 рублей²¹³.

²¹¹ Чернышёв С. В. В те времена...// Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск, 2006. С. 39.

²¹² Лыткина Е. Н. Влияние военного фактора на повседневную жизнь сибиряков в начале XX в.// Молодёжь Барнаулу. Барнаул, 2005. С. 47.

²¹³ Утро Сибири. 1915. 28 февр.

Рабочая среда пополнялась и за счет прибывших с фронта увеченных воинов. Города стремились обеспечить героев войны работой, создавая для них специальные дома труда. Так, 3 декабря 1915 г. на заседании комитета союза городов было принято решение о создании такого дома труда в Омске. Он был рассчитан на призрение 23 воинов, и в нём помимо определения увеченных воинов на места предполагалось организовать обучение ремёслам²¹⁴.

Помимо раненых воинов крупные сибирские города становились основным местом сосредоточения военнопленных и беженцев. Близость железной дороги, а также более широкие возможности городов по размещению, способствовали скоплению здесь десятков тысяч вынужденных переселенцев. В новых социальных условиях одним из центральных вопросов для них становится улучшение своего материального положения на чужбине.

Городские управы сибирских городов старались максимально использовать мужскую рабочую силу. Острая нехватка рабочих рук в Сибири позволяла пленным использовать свои профессиональные знания и иногда даже выбирать место работы. Тем более что режим в концентрационных лагерях за неимением обеспечения должного надзора за военнопленными не был строгим.

Работы пленных, к которым могли быть привлечены только рядовые, в целях экономии на их содержании оплате не подлежали. Но под давлением работодателей такой труд был признан непроизводительным. Вместе с тем и после этого оплата труда считалась необязательной и зависела от желания работодателя. Постепенно пленные сами более-менее успешно добивались увеличения своего заработка. Кроме того, отдельные работодатели увеличивали плату, переманивая пленных работников у ближайших соседей²¹⁵. Так, чернорабочий военнопленный Омска зарабатывал 10–18 руб. в месяц, а квалифицированные сапожники, слесари, столяры, гончары,

²¹⁴ Омский вестник. 1915. 5 дек.

²¹⁵ Талапин А. Н. К вопросу об использовании труда военнопленных в 1914–1917 гг.// Омские исторические чтения, посвящённые памяти доцента кафедры дореволюционной отечественной истории ОмГУ Александра Еромолаевича Плотникова: сб. воспоминаний, ст., тез. выступлений. Омск, 2003. С. 130–134.

портные – 30–50 руб.²¹⁶ Отметим, что 50% за работу выделяли на руки военнопленному, 25% – военному ведомству и 25% – на счёт содержания работника (на питание и одежду)²¹⁷.

У военнопленных встречались и очень высокие заработки по меркам Сибири. Из штатного расписания барнаульского лагеря № 161 следует, что его комендант, который был сам из числа военнопленных, офицер Франц Бенеш получал ежегодную зарплату в размере 1350 рублей, его заместитель – на 50 рублей меньше. Зарплата пленных – рабочих, поваров, кучеров, конюхов, кузнецов и двух смотрителей кладбища для умерших соотечественников в лагере составляла 645 руб. в год²¹⁸.

Чтобы увеличить свои доходы, военнопленные часто прибегали к забастовкам. В отличие от сибирских рабочих им уже не угрожала перспектива отправки на фронт. Подобные выступления, вызванные недостаточной подённой оплатой, происходили, например, в Омске. 24 июля 1915 г. состоялась забастовка 11 пленных австрийцев на заводе Рандрупа²¹⁹.

В июле 1915 г. пленные ушли с омского кирпичного завода, потому что получили отказ на уравнивание их заработной платы с оплатой труда русских рабочих. Разница в оплате составляла 20 коп., однако после самовольного ухода производство сразу упало в полтора раза²²⁰.

Акмолинский губернатор Д.Г. Явленский сообщал в Департамент полиции в сентябре 1915 г. о том, что забастовок среди русских рабочих нет, а военнопленные, отпущенные на сельскохозяйственные работы к омскому купцу И.Ф. Лобачёву, «самовольно, 100 человек, прекратили работы, наняли крестьян и уехали с хутора в город». Губернатор также отмечал, что были случаи ухода пленных с иных работ²²¹.

²¹⁶ Там же. С. 130–134.

²¹⁷ Жизнь Алтая. 1915. 6 окт.

²¹⁸ Улько В. От Демидовской площади до Лиллехаммерд. Барнаул, 1996. С. 18.

²¹⁹ Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т. 1. С. 266.

²²⁰ Омский вестн. 1915. 12 июля.

²²¹ Очерки истории города Омска ... С. 266.

Материальное положение беженцев во многом определялось действующим законодательством. 10 сентября 1915 г. при Министерстве внутренних дел учреждается Особое совещание по устройству беженцев, которое вводило регулярное «пайковое» довольствие беженцев из расчёта 20 коп. в день на человека. Старикам, детям и больным было установлено месячное пособие, которое в Западной Сибири составляло от 4,5 до 6 руб. Это был основной доход беженцев, так как около 80% из них принадлежали к категории нетрудоспособных в силу возраста, болезней или наличия малолетних детей²²². Отметим, что пособия не хватало даже на полноценное питание. По расчётам жителя Томска Субботина, оно должно составлять в это время не менее 9 руб. в месяц на человека. В Новониколаевске в начале 1916 г. на учёте комитета помощи беженцам стояло свыше 5 тыс. чел. Несмотря на то, что подавляющее число из них нашли постоянную или временную работу, более 1200 беженцев оказались на рынке труда невостребованными. Оставшиеся без средств существования люди получали бесплатные обеды в столовых, а также временный ночлег.

В силу высокого спроса на квалифицированную рабочую силу быстро и в основном самостоятельно находили работу ремесленники из числа беженцев. При посредничестве бюро труда при комитетах помощи беженцев вынужденные переселенцы находили себе работу дворниками, чернорабочими и домашней прислугой. Чтобы увеличить процент трудоустроенных, комитеты постепенно переходили от посреднических услуг по поиску работы к организации мелких предприятий. Чаще всего благодаря их усилиям открывались столярные, ткацкие и прядильные и швейные мастерские²²³. Отметим, что работодатели старались нажиться на несчастье беженцев. В Новониколаевске при оплате подёнщику 2 руб. 50 коп. в день беженцам платили 1 руб. – 1 руб. 50 коп.²²⁴

²²² Отчёт о деятельности Омского городского комитета помощи беженцам. Омск, 1916. С. 16–17.

²²³ Отчёт о деятельности Омского городского комитета помощи беженцам. Омск, 1916. С. 16–17.

²²⁴ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно–революционные годы

Таким образом, Первая мировая война в значительной степени повлияла на занятия и доходы горожан Западной Сибири. Местные предприниматели, занятые в отраслях экономики, работающих на оборону страны, увеличивали свои прибыли за счёт больших государственных заказов и сокращения конкуренции. Остальные лишились дела или вынуждены были его переориентировать. Основной чертой повседневной жизни государственных и частных служащих в годы войны становится сокращение штата и рост дополнительных обязанностей при сохранении прежнего уровня заработной платы. Помимо раненых воинов крупные сибирские города становились основным местом сосредоточения военнопленных и беженцев. За счёт этих категорий горожан, а также женщин и детей во время войны шло постоянное пополнение работников физического труда. Постоянный рост цен в городах Западной Сибири и не успевающий за ним рост заработной платы приводили к периодическим столкновениям рабочих с властями.

2.2 Обеспечение продовольствием и качество питания

Накануне Первой мировой войны экономика Западной Сибири неизменно росла. Причиной этого стали изменения, наблюдавшиеся в промышленности и сельском хозяйстве региона, обусловленные общим курсом экономического развития Российской империи. Кроме того, ускорила этот процесс и столыпинская реформа. В результате к началу Первой мировой войны Западная Сибирь окончательно превратилась в поставщика продовольствия общероссийского значения, экспортирующего на внешний и внутренний рынок масло, муку, мясо, сало. В 1913 г. по вывозу масла регион занимал второе место в мире, усиленно конкурируя с Данией²²⁵.

Однако в годы войны Западная Сибирь испытала негативное воздействие мобилизации, которая изъяла из экономики региона сотни тысяч трудоспособных

(июль 1914–март 1921 гг.). Новосибирск, 2013. С. 44.

²²⁵ Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул, 1999. С. 111.

работников. Проблемы транспортного сообщения, рост цен, возрастание потребления внутри страны, главным образом за счет увеличения численности армии, способствовали ухудшению продовольственной ситуации в Западной Сибири. Особенно губительно данные тенденции отразились на крупных городах региона, для которых был характерен наибольший наплыв беженцев, военнопленных, увеличение гарнизонов, а также расстройство железнодорожного сообщения.

Почти сразу же после объявления войны население Томска, Омска, Новониколаевска и Барнаула заметило повышение цен на продовольствие. Обеспокоенные войной жители сельской местности уменьшили подвоз продуктов на рынок. На заседании Новониколаевской городской Думы 1 августа 1914 г. среди прочего мукомол Поляков отмечал, что цены на муку «диктует мужичок», который привозит в город зерно²²⁶. Ажиотаж на рынке, а также реквизиции в деревне продовольствия для армии подстегнули новое повышение цен.

Чтобы ограничить цену продуктов, городские власти уже в 1914 г. ввели на некоторые продовольственные товары первой необходимости так называемую таксу. Она представляла собой фиксированную предельную величину, выше которой местные торговцы не имели права реализовывать свои товары.

В Новониколаевске цены впервые подверглись таксации 22 июля 1914 г. Однако уже спустя 20 дней под влиянием протестов хлебопёков, которые жаловались на постоянно повышающуюся цену на муку, такса была пересмотрена в сторону увеличения, а затем в 1915 г. она вовсе стала подвижной²²⁷. В Омске первые два года войны таксы на большинство продуктов также постоянно пересматривались. Практически речь шла не о таксации цен на хлеб, а о введении нормы твёрдой прибыли при свободных ценах на муку. Постепенно количество продуктов,

²²⁶ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно–революционные годы (июль 1914 – март 1921 гг.). Новосибирск, 2013. С. 22.

²²⁷ Рынков В. М. Рынок сельскохозяйственной продукции Сибири в годы Первой мировой войны: поведение покупателя и продавца // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII – XX вв.: Бахрушинские чтения 2005 г. Новосибирск, 2005. С. 72.

подвергаемых таксации в городах Западной Сибири увеличилось. Так, 23 июня 1915 г. Барнаульская городская дума приняла решение о расширении прав города на введение такс не только на печёный хлеб и мясо, но и на другие продукты первой необходимости²²⁸. В итоге попытки властей регулировать цены чаще всего были безуспешными, так как муниципальные власти регулировали цены не на сырьё, а на товары конечного потребления.

В 1915 г. в дополнение к таксации городские власти Западной Сибири начинают практиковать собственные закупки. Летом 1915 г. на заседаниях Омской городской думы, посвященных вопросам борьбы с дороговизной в городе, гласные высказались за необходимость городских заготовок. Однако, по словам сотрудника редакции «Омский вестник» А.Н. Гладышева, к заготовкам городское управление приступило чрезвычайно поздно, под влиянием безысходной нужды в сахаре и муке, что негативно отразилось на объёме закупок. Поскольку товара на всех не хватало, горожане вынуждены были отстаивать длинные очереди, где места передавались и продавались. В итоге жители отдалённых районов Омска получить свой сахар и муку так и не смогли²²⁹.

В Томске к осени 1915 г. на дело борьбы с дороговизной в распоряжение городского управления Томска местными предпринимателями было внесено 120 тыс. руб., которые были предоставлены безвозмездно или в качестве беспроцентной ссуды. Кроме того, 100 тыс. руб. ссудило Общество взаимного кредита. Одновременно было принято решение о создании городской продовольственной комиссии, целью которой было на средства частных лиц закупать продукты и отправлять их на временное хранение на склады, а затем оттуда отпускать в городские лавки, а также розничным торговцам²³⁰.

Однако, как отмечалось в «Известиях Томского городского общественного управления», основная цель продовольственной комиссии «способствовать

²²⁸ ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 17. Л. 285–286.

²²⁹ Вестн. Омск. городского общественного управления. 1915. 31 окт.

²³⁰ Вестн. Омск. городского общественного управления. 1915. 14 нояб.

нормальному положению рынка путём конкуренции и не допускать искусственного взвинчивания цен понижением стоимости продуктов до минимума, побуждать к тому же частных торговцев» так и не была реализована²³¹. Основная причина неудачи, по словам автора статьи, была связана с недальновидными поступками председателя продовольственной комиссии И.М. Некрасова. Во-первых, он вынудил многих членов продовольственной комиссии отойти от работы, что обеспечило ему возможность принимать единоличные неконтролируемые решения. Во-вторых, не ознакомившись хорошенько с рынком, он сделал не очень удачные покупки муки и других продуктов, причём покупал на местных рынках, что только поддерживало, а порой и подталкивало рост цен. В-третьих, заготовленные комиссией продукты были складированы до весны, а не продавались населению, как задумывалось, равномерно в течение зимы.

В результате действия комиссии в Томске превратились в своего рода благотворительность, потому что заготовленный сахар продавался по довольно низкой цене. При этом торговля сахаром, заранее объявленная населению, была организована так плохо, что собравшиеся тысячи покупателей едва не разгромили лавку.

К 1916 г. в крупных городах Западной Сибири обозначился дефицит мяса, муки, масла и сахара. Эти продукты начинают выдавать горожанам по продовольственным карточкам в соответствии со строгими нормами²³². Специальные карточки для более равномерного распределения сахара среди населения в июне 1916 г. были введены в Томске, в августе 1916 г. – в Барнауле, а в сентябре 1916 г. – в Омске. За год до этого, в августе 1915 г., подобные карточки появились в Новониколаевске²³³. Следовательно, в 1915 г. лишь один крупный город Западной Сибири испытывал трудности с обеспечением населения сахаром, а в остальных городах они наступили

²³¹ Дмитриенко Н. М. Дороговизна в Томске в 1914 – 1917 гг. // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX вв. Томск, 1994. С. 94.

²³² Изв. Том. городского общественного управления. 1916. 6 июня.

²³³ Толочко И. А., Коновалов И. А. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период. Омск, 2003. С. 178.

лишь к концу лета — началу осени 1916 г., т.е. немного позже, чем у других городах Центральной России. К моменту введения карточек в этих городах система распределения продуктов работала уже в 34 центральных губерниях Российской империи²³⁴.

В отличие от крупных городов региона в средних (Мариинске) и малых (Кузнецк) в годы войны не ощущался дефицит продовольствия, за исключением сахара. Так, например, в Кузнецке в первый год войны никаких проблем с продовольствием не было. Лишь осенью 1915 г. стали ощущаться недостаток продуктов и рост цен на основные жизненные припасы. Дважды вводились твёрдые цены на хлеб. Однако оба раза их отменяли, так как с их введением продукты сразу же исчезали во всех лавках²³⁵. В Мариинске только в ноябре 1916 года продовольственная комиссия добилась введения карточной системы при распределении сахара. Городские власти отказывались вводить карточки и мотивировали это тем, что не было людей и средств. Тогда на объединенном совещании товарищества кооперативов и общества потребителей было решено произвести обход всего города с целью составления списков и раздачи карточек в каждую семью. Эта работа была проведена довольно успешно, карточки были розданы всем семьям²³⁶.

Весной 1916 г. наряду с закупкой и распределением продуктов в городах Западной Сибири городские думы принимали меры по наделению горожан огородной землёй, а также по устройству собственных огородов продовольственной комиссией. Огороды как средство борьбы с дороговизной создавались тогда в Томске, Новониколаевске и Омске²³⁷.

²³⁴ Китанина Т. М. Война, хлеб, революция: (Продовольственный вопрос в России, 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 206.

²³⁵ Ермолаев А. Н. Сибирский тыл в годы Первой мировой войны (на примере города Кузнецка) // Сибирь и войны XIX–XX веков. Новосибирск, 2014. С. 108.

²³⁶ Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 299.

²³⁷ Дмитриенко Н. М. Дороговизна в Томске в 1914 – 1917 гг. // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX вв. Томск, 1994. С. 95.

Недостаток продуктов вёл не только к росту цен, но и развитию спекуляции. Схема была такова: скупщики ездили по сёлам и скупали любое предлагаемое крестьянами продовольствие, а затем по сильно завышенным ценам перепродавали его в городе. По данным Новониколаевской городской думы с июля 1914 г. по июль 1916 г. цены на пшеничную муку выросли на 158%, говядину на 87%, на баранину – на 96 %, на картофель – на 153 %, сливочное масло – на 45%, на яйца – на 158%, соль – на 108%.²³⁸ В итоге с июля 1914 г. по март 1916 г. рост цен на продукты первой необходимости в городах Западной Сибири составил от 60 % до 160%²³⁹.

В начале 1916 г. в Томске горожане жаловались, что уходит много времени на простаивание в очередях за продуктами питания, например, порой на покупку пуда муки приходилось тратить целый день²⁴⁰. Продовольственный кризис постоянно провоцировал социальный протест горожан. Так, первые серьёзные продовольственные беспорядки с участием жён мобилизованных произошли в Томске в феврале 1916 г. Поводом для них стал обострившийся дефицит товаров первой необходимости и прежде всего сахара²⁴¹. В Новониколаевске население также было обеспокоено недостатком сахара. 9 ноября 1916 г. толпа жителей, ворвавшись в городскую лавку и мануфактурный магазин, похитила оттуда 400 пудов сахара и товаров на сумму 10 тыс. руб. В результате этого инцидента полицией было задержано 74 участника, большинство из которых были женщины. Отметим, что беспорядки не обошлись и без жертв. В результате столкновений с полицией была убита одна женщина и пятеро человек ранены²⁴². С весны 1916 г. продовольственные беспорядки в Сибири уже приобретают широкий размах. Погромы магазинов всё

²³⁸ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921г.). Новосибирск, 2013. С. 29.

²³⁹ Сибирская жизнь. 1916. 30 марта.

²⁴⁰ Сибирская жизнь. 1916. 2 сент.

²⁴¹ Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. С. 168.

²⁴² Фабрика Ю. А. Сибирь сражающаяся. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг. Новосибирск, 2014. Т. 1. С. 269.

чаще сопровождалась столкновениями с полицией и войсками²⁴³.

В атмосфере непрерывного роста цен на продовольствие и другие товары постоянного спроса у потребительской кооперации появлялось все большее число приверженцев. Ярким подтверждением этого процесса может служить потребительское общество Омска, образованное в конце мая 1915 г. силами железнодорожников, приказчиков и рабочих сельскохозяйственных машин Рандрупа. Если в начальный период своего существования численность общества составляла всего несколько десятков человек, то к октябрю 1915 г. она выросла до 800 чел., а к сентябрю 1916 г. – почти до 4 тыс. чел.²⁴⁴

Рост числа потребительских кооперативов был характерен не только для Омска, но и в целом для всей Сибири. Если в 1914 г. в Сибири действовало 586 кооперативов, то к 1917 г. их число достигло 5135²⁴⁵. В условиях постоянно ухудшающейся экономической обстановки потребительские кооперативы имели важное значение для повседневной жизни наиболее бедных слоев населения, так как позволяли незначительно экономить на продуктах питания. Кроме того, торговый аппарат потребительских обществ, как отмечает Г.М. Запорожченко, в большинстве сибирских городов использовался городскими властями для более справедливого распределения продуктов первой необходимости (сахар, мука и др.)²⁴⁶.

Кооперативы представляли собой серьезную экономическую силу. В их рядах состояла значительная часть трудоспособного населения региона. Вот что об этом пишет газета «Алтайский крестьянин»: «Кооперация начинает играть заметно выдающуюся роль в настоящее время, и примером этого служит то, что Главное управление землеустройства и землепользования, призванное к поставке для армии продовольствия и других необходимых предметов, предлагает делать эти закупки,

²⁴³ Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 314.

²⁴⁴ Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т. 1: Дореволюционный Омск. С. 265.

²⁴⁵ Пивоваров Н. Ю. Особенности формирования сибирских потребительских кооперативных союзов (1913–1919 гг.) // Гуманитарные науки. Новосибирск, 2013. № 5–6. С. 11.

²⁴⁶ Запорожченко Г. М. Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири 1864–1917 гг. Новосибирск, 2004. С. 171.

минуя посредников, через кооперативы».²⁴⁷ Об усилении их экономических возможностей говорит и то, что, например, в 1916 г. Алтайским союзом кооператоров за баснословные деньги, 550 тыс. руб., были куплены магазины крупнейших барнаульских предпринимателей Морозовых.²⁴⁸

Однако, несмотря на расширение ресурсов кооперативов, решить продовольственную проблему в Сибири благодаря их усилиям так и не удалось. Г.М. Запорожченко, анализируя доступные архивные материалы, полагает, что одной из причин сложившейся ситуации стало отсутствие у кооперативов достаточного объёма оборотного капитала, который бы позволил совершать крупные оптовые покупки, сокращая при этом стоимость товара и расширяя объёмы торговли²⁴⁹. Попытки же в условиях военного времени привлечь кредитные средства и обращения в органы городского самоуправления обычно не приносили необходимых результатов как в силу необеспеченности гарантий возврата ссуд, так и ввиду конкуренции кооператоров с представителями торгово–промышленного класса²⁵⁰.

К весне 1916 г. продовольственный кризис в городах Российской империи приобрел беспрецедентные масштабы. В столичных городах возле магазинов скапливались огромные очереди, на всех не хватало даже хлеба. Сложным было положение и в других городах черноземных губерний, где в соседних с городами деревнях от хлеба ломились амбары. В некоторых городах, в том числе в Витебске, Полоцке и Костроме, население голодало²⁵¹. Несмотря на всевозможные трудности,

²⁴⁷ Алтайский крестьянин. 1914. 13 сент.

²⁴⁸ Там же. 1916. 19 марта.

²⁴⁹ Цит. по: Запорожченко Г. М. Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири 1864–1917 гг. Новосибирск, 2004. С. 186–187. (Так, начальник Омского губернского жандармского управления отмечал, что «при настоящем положении потребительские общества не имеют собственного большого оборотного капитала, товар здесь же у торговцев, а во–вторых, три или четыре лавки не могут обслужить весь Омск с более чем 100000 населения, следовательно, без базарных лавок народ пока обойтись не может, и многие берут на базаре, тем более что более 2–3 коп. на фунт для иных не является ощутимым, лишь бы не идти далеко в потребительскую лавку»).

²⁵⁰ Запорожченко Г. М. Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири 1864–1917 гг. Новосибирск, 2004. С. 164.

²⁵¹ Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1950. №. 31. С. 57–58; Китанина Т. М. Война,

на этом фоне крупные города Западной Сибири выглядели значительно лучше.

О сравнительно нормальном продовольственном снабжении в городах Сибири упоминает в своём дневнике и иркутский общественный деятель И.И. Серебренников. 21 февраля 1916 г. он занёс в него следующую запись: «Цены на всё растут, и всё же в городе почти всё можно достать. Не то – в столицах. В Петрограде при мне были такие дни, когда ни за какие деньги нельзя было достать мяса. Я два раза обедал в богатых домах будучи приглашен специально на обед, и каждый раз мне говорили: «Суп у нас, знаете, вегетарианский.... Моё впечатление такое, что припасы в Петрограде вздорожали примерно вдвое, и что в Сибири ещё жить можно. В последнее время в Сибирь заглядывают разные комиссионеры, спекулянты, закупают здесь партиями товар, увозят их затем в Россию и зарабатывают при этом хорошие деньги»²⁵².

На заседании Томской городской Думы 14 октября 1916 г. отмечали, что огромные очереди за продуктами в городе были вызваны ни столько недостатком продуктов, сколько нежеланием горожан покупать товар не самого высокого качества²⁵³.

К февралю 1917 г. продовольственная ситуация в крупных городах Западной Сибири значительно ухудшилась. Как отмечает в своих воспоминаниях ссыльнопоселенец, социал-демократ Г.Е. Дронин, перед Февральской революцией в Новониколаевске было просто невозможно купить хлеба и остро ощущался недостаток мяса. Дронин подчёркивает, что в то время, как перед магазинами выстраивались очереди женщин и детей, на станции лежали в ожидании подачи вагонов большие запасы заготовленных на вывоз из Сибири мяса, хлеба и других продуктов сельского хозяйства²⁵⁴. В рапорте томскому губернатору барнаульский

хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 гг. Л., 1985. С. 334.

²⁵² Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 194.

²⁵³ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1 Д. 2975. Л. 2.

²⁵⁴ Никитин М. Воспоминания о революционном Новониколаевске (1904–1920 гг.) [Электронный ресурс]. Новосибирск, 1959. Электрон. версия. печат. публ. URL:

уездный исправник констатировал, что из-за реквизиции излишков хлеба у крестьян для нужд армии в Барнауле прекратился подвоз его на рынки, вследствие чего бедное население испытывало недостаток хлеба²⁵⁵. К 1917 г. война подорвала условия функционирования стабильного сельскохозяйственного производства. Свыше 40% крестьянских хозяйств лишились мужской рабочей силы²⁵⁶.

Главными виновниками продовольственных трудностей население крупных городов считало местных торговцев и не сумевшие обуздать цены городские и губернские власти. Некоторые горожане полагали, что продовольственная проблема вообще легко решаема: властным структурам следует прижать спекулянтов и рост цен прекратится. В мае 1916 г. акмолинский губернатор П.Н. Масальский-Кошуро получил письмо, шантажировавшее его как должностное лицо. Анонимный автор утверждал, что меры губернатора по обузданию спекуляции неэффективны. Поэтому не исключены массовые погромы из-за дороговизны самого необходимого. «Требуем в короткий срок понизить цены, иначе – месть»²⁵⁷.

Данное мнение неоднократно фигурировало почти во всех местных газетах, кроме того, эту же позицию можно легко проследить в письмах горожан друг к другу. В рапорте председателя военно-цензурной комиссии Омского военного округа председателю Главной военно-цензурной комиссии от 12 ноября 1916 г. цитируются письма сибиряков к своим родственникам, где высказываются острые нарекания на ужасающую дороговизну вследствие жадности купцов, искусственно взвинчивающих цены и переоценивающих свои товары по несколько раз в день. В одном из писем можно, например, встретить даже такую фразу: «Торговцы просто одурели и помогают неприятелю»²⁵⁸.

https://royallib.com/book/nikitin_mihail/vospominaniya_o_revolyutsionnom_novonikolaevske_1904_1920_gg.html (дата обращения 02.01.2017).

²⁵⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп.2. Д. 1667. Л. 3.

²⁵⁶ Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т. 1: Дореволюционный Омск. С. 265.

²⁵⁷ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 274.

²⁵⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 74. Д.770. Л.199.

Таким образом, население крупных городов Западной Сибири ощутило в годы Первой мировой войны безусловные трудности в обеспечении продовольственными товарами. С полок торговых заведений пропали либо сильно поднялись в цене такие продукты питания, как сахар, отдельные сорта мяса, рыбы, чай. Для решения проблемы за три года войны власти сибирских городов перепробовали массу средств: введение продовольственной таксы, оптовые муниципальные закупки, развитие кооперативного движения. Эти меры оказывались в разной степени эффективными. В глазах большинства горожан главными виновниками продовольственных трудностей была даже не война и неэффективная экономическая политика правительства, а местные предприниматели и власти. Однако, несмотря на то что во время войны цены на некоторые предметы продовольствия значительно поднялись, а в 1916 г. ощущался существенный недостаток ввозимого сахара, к началу Февральской революции горожане в Западной Сибири не голодали. Во многом это было связано с проблемами с железнодорожным транспортом и невозможностью вывоза продуктов из городов.

2.3 Жилищные условия и состояние городского благоустройства

К началу XX века такие крупные города как Омск, Томск, Новониколаевск и Барнаул продолжали переживать жилищный кризис, вызванный строительством Транссибирской магистрали и небывалым притоком населения из деревень и центральной части страны²⁵⁹. Прибывшие из деревень в города жители зачастую не имели собственного жилья и вынуждены были снимать его у старожилов. Те, кто обладал определёнными капиталами, селились в деревянных домах–пятистенках, срубам прямоугольной формы, разделённых на кухню и комнату пятой бревенчатой стеной, многоквартирных деревянных домах, домах смешанной конструкции с

²⁵⁹ Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004. С. 123; Исаев В. И. Государственная жилищная политика в городах Сибири в начале XX века. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сб. материалов рег. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 306.

первым кирпичным и вторым деревянным этажами, а также каменных домах, возводившихся в основном в центральной части города.

В Новониколаевске в начале XX в. примерно 20% населения проживало в землянках. Более высокий уровень комфортности представляли «дома старые», то есть крестьянские избы, купленные в окрестных деревнях, разобранные, перевезённые и собранные на новом месте. Следующий уровень зажиточности представляли собой «дома осиновые», сруб и вся остальная «начинка» которых сооружалась из относительно дешёвого, но недолговечного осинового леса. Высший уровень комфортности, долговечности и ценности представляли собой дома, выстроенные из сосны. Но примерно половина жителей города не имела даже такого примитивного жилья, как землянка, и они снимали угол или комнату. Многие обитали на предприятиях, в подвалах, конюшнях и сараях²⁶⁰.

Прибывшие рабочие в основном жили в бараках и казармах, которые предлагали работодатели. Остальные новоиспечённые горожане, чтобы сэкономить, жили в сырых, без света подвалах и полуподвалах, в землянках, в банях и даже неотопливаемых конюшнях и сараях²⁶¹. Кризис стал усиливаться с началом Первой мировой войны, когда десяткам тысяч пленных, беженцев и мобилизованных, прибывшим в города Западной Сибири, срочно потребовалась жилая площадь для размещения.

Чтобы понять масштабы загруженности городов в то время, отметим, что только согласно решению съезда глав городского самоуправления в октябре 1915 г. в Томске планировалось принять около 3 тыс. беженцев, а в Барнауле и Новониколаевске по 2 тыс. беженцев. В реальности эта цифра оказалась значительно больше²⁶². К 1917 г. в Омске находилось 14 тыс. военнопленных, в Барнауле – 2,5

²⁶⁰ Шиловский М. В. Адаптация крестьян к городской среде Новониколаевска в начале XX в. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: материалы Всерос. науч.–практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 17.

²⁶¹ История города: Новониколаевск–Новосибирск (исторические очерки). Новосибирск, 2005. Т. 1. С. 163–234.

²⁶² Жизнь Алтая. 1915. 21 окт.

тыс., в Томске – 5 тыс. 200 чел., а в Новониколаевске – 12 тыс., не считая тех, которые регулярно поступали для распределения в другие регионы²⁶³. Значительная часть мобилизованных, военнопленных и беженцев размещались властями в казармах, цирках, школах и других общественных зданиях. Под расквартирование войск был занят частично даже Императорский Томский университет²⁶⁴. Однако этих помещений зачастую не хватало, и приходилось снимать жильё у жителей.

Так, в Новониколаевске ввиду использования всех пригодных для казарменного размещения зданий некоторые воинские части, а именно 707-я дружина государственного ополчения и 6-й Сибирский казачий полк, были размещены на квартирах²⁶⁵. К ноябрю 1915 г. в Новониколаевске на квартирах горожан и в бараках разместили около 4000 беженцев²⁶⁶. Похожая ситуация была характерна и для других крупных городов Западной Сибири. На квартирах там размещали и пленных офицеров-славян. В зависимости от звания военнопленным офицерам оплачивали наём квартиры и жалование 50–100 руб. в месяц²⁶⁷. Кстати, помещения для них выбирались с особой тщательностью. Известен случай, когда в Барнауле заведующий квартирной частью Омского военного округа за неудачно подобранное помещение для военнопленных офицеров подверг дисциплинарному взысканию двух прапорщиков Барнаульского гарнизона²⁶⁸.

Повышенный спрос на жильё, а также рост цен на продовольствие и топливо, провоцировали владельцев постоянно повышать цены арендаторам. По сравнению с довоенным временем в Западной Сибири особенно повысилась плата за отдельные комнаты и подвальные помещения²⁶⁹. Дело дошло до того, что в Новониколаевске в

²⁶³ Фабрика Ю. А. Сибирь сражающаяся. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск, 2014. С. 211.

²⁶⁴ ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 687. Л. 302–302 об.

²⁶⁵ ГАНО. Ф. Д.97. Оп.1. Д. 195. Л. 26–28 об.

²⁶⁶ ГАТО. Ф–7. Оп. 1. Д. 64.11, Л.1

²⁶⁷ Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 161.

²⁶⁸ Ерёмин И. А. Томская губерния как тыловой район в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 262.

²⁶⁹ Утро Сибири. 1916. 12 мая.

1915 г. размер оплаты за снимаемое жильё увеличился по сравнению с ценами накануне войны почти в два раза²⁷⁰.

Отметим, что рынок жилья в Новониколаевске был дорогим и до войны. В 1910 г. плата за квартиру свыше 6 комнат здесь достигала 900 руб. в год, среднюю (4–6 комнат) – 800 руб., до четырех комнат – 756 руб.²⁷¹ Летом 1913 г. один из корреспондентов газеты «Сибирская жизнь» в своей небольшой заметке отмечает, что в связи со строительством Алтайской железной дороги за небольшую трёхкомнатную квартиру с кухней без каких-либо надворных построек и помещения для той же коровы, не говоря о лошади, домовладельцы берут с арендаторов по 35–40 руб. в месяц²⁷². Причём, как подчёркивает автор газетного материала, в 1913 г. стоимость аренды комнаты в Новониколаевске по сравнению с прежним уровнем была повышена владельцами на 40 – 60 %²⁷³. Кроме того, теперь, чтобы арендовать даже угол, горожанину требовались невиданные до этого времени деньги – 12–15 руб.²⁷⁴. В центре Томска квартиры сдавались за небывалую ранее месячную плату — от 30 до 80 руб. в зависимости от количества комнат. В районах похуже однокомнатную почти не меблированную квартиру можно было снять за 15–18 руб. в месяц. Арендовать отдельную комнату даже на окраине, утопавшей в грязи, меньше чем за 10 руб. в это время было невозможно²⁷⁵. Стоимость аренды квартиры в Омске в начале XX века была сопоставима с ценами на наёмное жильё в Томске и Новониколаевске. Комната на окраине стоила до 10 руб. в месяц, квартира в центре Омска нанимателю обходилась в 40–50 руб. в месяц²⁷⁶. Для сравнения: средние номинальные месячные заработки рабочих фабрично-заводских предприятий в

²⁷⁰ Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 309.

²⁷¹ Шиловский М. В. Жилищные условия интеллигенции Сибири XIX – начала XX вв. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. 4-е науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 182.

²⁷² Сибирская жизнь. 1913. 19 июля.

²⁷³ Сибирская жизнь. 1913. 19 июля.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Застройка городов Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Города Сибири в XVII – начале XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 56.

²⁷⁶ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1911. С. 14.

Акмолинской области, промышленным центром которой был Омск, составляли в 1914 г. 36 руб.²⁷⁷.

Хотя особая комиссия при Министерстве внутренних дел под предводительством члена особого Совета И.М. Тютрюмова признала возможным предоставить городским и земским самоуправлениям право издавать обязательные постановления по нормировке квартирных цен не только во время войны, но и в мирное время, местные власти зачастую стремились обходить вниманием острый квартирный вопрос²⁷⁸. Так, в Томске в мае 1916 г. на заседании городской думы местный голова заявил, что повышение цен на квартиры в Томске не наблюдается. Слова городского головы с иронией процитировали в газете «Утро Сибири». Журналист газеты предполагал, что желание не замечать проблему связано с тем, что члены городской думы являлись собственниками жилья и не хотели принимать законы, не отражающие их хозяйственные интересы²⁷⁹.

Решить проблему попробовали общественные организации. Однако им это не удавалось. Многочисленные попытки установить неизменяемую квартирную плату повсеместно проваливались²⁸⁰.

При таком уровне цен рассчитывать на отдельную квартиру для большинства новых жителей городов было невозможно. Анализируя подворные и поквартирные карточки Всероссийской переписи по городу Барнаулу за 1916 г., можно сделать вывод о том, что в среднем в каждой квартире горожанина проживало по 8–11 человек. Причём вместе часто проживали три поколения родственников: родители, дети и внуки. В некоторых квартирах жителей Барнаула большую часть проживающих составляли квартиранты. Так, например, в Барнауле в квартире по адресу: ул. Томская, квартал 42, владение 117 – наряду с владельцами квартиры

²⁷⁷ Киселев А. В. Заработная плата наемных работников в Омске в начале XX в. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Сибирской конфедерации труда. Электрон. дан. [Б. м., б. г.]. URL: <http://syndikalist.narod.ru/history1.htm> (дата обращения: 11.06.16).

²⁷⁸ Омский вестник. 1915. 8 дек.

²⁷⁹ Утро Сибири. 1916. 12 мая.

²⁸⁰ ГААК. Ф.219. Оп.1. Д.100. Л. 1.

Ведяпиными, семья которых состояла из трёх человек, проживали семьи Золоторёвых и Кулябиных, состоящие из трёх и двух человек соответственно. Кроме того, в этой же квартире снимали угол квартиранты Хвастунов и Усырев²⁸¹. В сложившихся условиях горожане редко могли себе позволить проживать в отдельной комнате. Это можно увидеть даже благодаря простым расчётам, поделив количество комнат на количество жителей в г. Барнауле в 1917 г. Если мы знаем, что согласно переписи в это время в городе насчитывалось 20 260 комнат, а в них проживало 56 205 жителей, то получается, что в среднем в каждой комнате проживало 3 – 4 человека²⁸².

Отметим, что нехватка жилых помещений была общероссийским явлением. В частности, накануне Первой мировой войны городской жилищный фонд Российской империи составлял всего 180 млн. кв. м²⁸³. В большинстве крупных городов империи в среднем на одного члена рабочей семьи приходилось от 2 до 2,5 кв. м жилой площади. В Москве в коечно-каморочных квартирах ютилось 325 тыс. чел., причём на каждого проживающего приходилось менее 4 куб. м воздуха²⁸⁴. В Петербурге более трети населения, то есть около 400 тыс. чел., проживало в каморках, подвалах, мансардах²⁸⁵.

Среднестатистические беженцы и мобилизованные могли надеяться лишь на отдельную койку, так называемый угол или полуподвальное помещение. Это объяснялось тем, что в сибирских городах на содержание одного беженца выделялось всего 1 руб. 50 коп. в месяц, квартирный оклад на одного военнопленного солдата составлял 10 руб. 50 коп. в год, а за постой одного мобилизованного в частной квартире горожанам государство выплачивало всего 4

²⁸¹ ГААК. Ф. 233. Оп.6. Д. 24. Л. 2 об.

²⁸² Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты. Барнаул, 1995. Ч. 1. С. 111.

²⁸³ Сотникова Л. В., Севрюк Н. А. История жилищных реформ России // Управление в современных системах. 2014. № 3. С. 39.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же.

руб. в год, или 1,1 коп. в день²⁸⁶. Отметим, что для жителей городов принятие на постой мобилизованных было своего рода формой земской повинности, уклониться от которой было нельзя. Процедура расквартирования была следующая: в городскую управу приходило сообщение об ожидаемом прибытии мобилизованных, управа решала, где они будут размещены, объявляла об этом домовладельцам и, наконец, выдавала разводящих²⁸⁷.

Если размещение мобилизованных было обязательной повинностью для горожан, то размещение их семей не являлось приоритетом для местных властей. Из-за постоянных задержек и невыплат пособий семьи солдаток часто лишались крыши над головой. Домовладельцы или обращались в суд и добивались освобождения своих квартир по закону, или самовольно, без суда выселяли должников, несмотря на маленьких детей²⁸⁸.

При сдаче жилой площади беженцам владельцы часто завышали квартирную плату, требовали заключения годового контракта или прямо отказывались сдавать им квартиры. Такое поведение объяснялось тем, что «новые жители городов» наиболее часто страдали от безденежья и являлись переносчиками многих заболеваний. Причём подобное явление было характерно не только для Западной Сибири. Так, на совещании представителей городов в Москве в августе 1915 г. отмечалось, что в Смоленске домовладельцы также не всегда считались с нуждами военного времени и проявляли схожее поведение в отношении беженцев²⁸⁹.

В совершенно другом положении находились высшие воинские чины русской армии. Для каждого из них снимали отдельную благоустроенную квартиру. Только в

²⁸⁶ Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 256; Ерёмин И. А. Томская губерния как тыловой район в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 238; ГААК. Ф.219. Оп.1. Д.100. Л. 5, 63.

²⁸⁷ Бузова Л. И. Барнаул в годы Первой мировой войны // Краеведческие записки. Барнаул, 2001. С. 182.

²⁸⁸ Щербинин П. П. Повседневная жизнь россиянок в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Женщина и война в поэзии и повседневности Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов, 2001. С. 18–37.

²⁸⁹ Гладышев А. Н. Об организации помощи беженцам // Омское городское общественное управление. Омск, 1915. № 15–16. С. 20–22.

1915 г. на наём квартир в Барнауле для приезжающих генералов, штаб- и обер-офицеров было потрачено 1955 руб. 20 коп.²⁹⁰.

В отличие от военной промышленности, где с началом войны происходил серьезный подъем, вызванный необходимостью выполнения военных заказов, в жилищном строительстве Российской империи, начиная с 1914 года, происходит постоянный отток капитала. К 1916 г. практически во всех странах – участницах Первой мировой войны прекратилось жилищное строительство²⁹¹.

Непрекращающийся рост инфляции и связанное с этим резкое сокращение уровня затрат домовладельцев на ремонт, а также почти полное прекращение строительства новых зданий привели к сильному обветшанию городских жилищных фондов.

Однако не только новых или отремонтированных, но и благоустроенных квартир в городах Западной Сибири было чрезвычайно мало. Например, к декабрю 1917 г. в Барнауле насчитывалось 66 квартир с электрическим освещением, 8595 квартир с керосиновым освещением, 16 квартир с центральным отоплением и 42 квартиры с водопроводом²⁹².

Высокая цена на жильё совсем не гарантировала соответствующего санитарного состояния жилища. Так, по свидетельству врача Вельховера, 90% квартир в Барнауле в изучаемый период не удовлетворяли элементарным требованиям гигиены, то есть не имели достаточной вентиляции, освещения и т. п., 30% домов у них не было клозетов, 70% – выгребных помойных ям. Кроме того, как отмечает медик, на нижних этажах домов и в подвалах на Томской, Гоголевской и Пушкинской улицах в Барнауле стояла постоянная сырость²⁹³.

²⁹⁰ ГААК. Ф.219. Оп. 1. Д. 100. Л. 55–57.

²⁹¹ Как стал бесхозным русский дом. Жилищный вопрос и историческая логика его решения [Электронный ресурс] / Т. М. Говоренкова [и др.] // SocPolitika.ru. Электрон. дан. [Б. м., б. г.]. URL:http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/analytics/document307.shtml#header2 (дата обращения: 13.02.2017).

²⁹² Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты. Барнаул, 2007. С. 111.

²⁹³ Труды первого съезда врачей ... С. 231–232.

Отчёт санитарного врача 1-го участка г. Омска Н.П. Кобалкина также свидетельствует о не совсем благоприятных условиях проживания в Омске. По свидетельству врача, из 164 усадеб частных владельцев, которые были им осмотрены, только две трети оказались в удовлетворительном состоянии. Остальные усадьбы имели крупные санитарные недостатки, которые заключались в нечистом состоянии, скоплении навоза, неправильно устроенных помойных ямах и ретирадах или полном отсутствии²⁹⁴.

В Томске вплоть до 1920-х гг. не было канализации, и поскольку вывоз нечистот стоил дорого, горожане часто выливали нечистоты на задний двор жилых зданий или прямо на проезжую часть улиц. Санитарные обследования установили, что 9/10 всех городских отбросов оставались в почве²⁹⁵.

Благоустройство квартир оставляло желать лучшего. В годы войны многие жители крупных городов Западной Сибири продолжали испытывать трудности с обеспечением доброкачественной водой. Вплоть до прихода к власти большевиков существующие водопроводы в Томске и Омске не могли обеспечить нужды населения окраин, а в Барнауле и Новониколаевске городской водопровод и вовсе отсутствовал. Воду в этих городах по-прежнему брали из артезианских колодцев или напрямую из рек Оби, Каменки, Барнаулки и Пивоварки²⁹⁶.

Из-за проблем с финансированием, нехватки рабочих рук и отсутствия необходимых заграничных материалов в годы войны проекты по сооружению водопровода в Барнауле и Новониколаевске постоянно откладывались. Временная подготовительная финансовая комиссия, проверявшая целевое расходование средств в Барнауле, отмечала, что городские власти, не получившие первоначально помощи от правительства, вынуждены были латать дыры в бюджете за счёт «водопроводного капитала». В 1914 г. из этого капитала без постановления Думы городская управа

²⁹⁴ Отчёт санитарного врача 1-го участка г. Омска Н.П. Кобалкина // Врачебно-санитарная хроника города Омска. 1915. Омск, 1916. Вып.3. С. 41.

²⁹⁵ Разгон И. М. Указ. соч. С.126–127.

²⁹⁶ Чудаков О. В. Городское самоуправление Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013. С. 230.

позаимствовала деньги на покрытие дефицита бюджета, на расходы, вызванные текущей войной, на выплату первого полугодичного займа у Нижегородско-Самарского земельного банка, а также оплату гербовых сборов обязательных по этому займу. В результате всех этих операций «водопроводные деньги» уменьшились примерно в два с половиной раза: вместо остатка водопроводного капитала в сумме 407 тыс. 617 руб. 17 коп. в казне города осталось 158 тыс. 374 руб. 54 коп.²⁹⁷.

Однако важными составляющими жилищной проблемы в крупных городах в Западной Сибири стали не только высокие арендные цены на квартиры, их антисанитарная обстановка, а также низкий уровень благоустройства, но и так называемый дровяной и угольный голод. С началом Первой мировой войны с каждым годом усиливался топливный кризис.

Возникновению топливного кризиса в Западной Сибири в годы войны способствовал целый комплекс причин. Одной из самых важных причин обострения обстановки стало значительное усиление спроса на топливо со стороны железнодорожного транспорта империи и увеличение потребностей мобилизованной промышленности. Суть проблемы состояла в том, что производственные возможности каменноугольной индустрии не соответствовали повышенному спросу на топливо. В условиях войны большой урон экономике империи нанесло резкое сокращение ввоза английского угля, а также потеря Домбровского угольного бассейна, который до войны давал около 7 млн. т угля²⁹⁸.

Другим важным фактором, повлиявшим на появление дефицита дров и угля, стала проблема с их доставкой железнодорожным транспортом. Осенью 1915 г. газета «Сибирская жизнь» сообщала, что «к предстоящей зиме запаслись топливом лишь богатые купцы, дрова скуплены за бесценок двумя-тремя скупщиками,

²⁹⁷ ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 42. Л. 19.

²⁹⁸ Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну [Электронный ресурс]. М., 1956. 332 с. Электрон. версия печат. публ. URL: http://http://militera.lib.ru/research/shigalin_gi/index.html (дата обращения: 10.07.2017).

которые наживаются за счет бедственного положения большинства городского населения»²⁹⁹. Поскольку железнодорожных составов не хватало даже для военных перевозок, вывези дрова и уголь из других регионов не удавалось.

Кроме того, одной из причин кризиса стало резкое снижение потребности крупных городов Западной Сибири в строительных материалах и связанное с этим уменьшение числа заказов у лесопильных заводов, а также снижение количества отходов, идущих обычно на дрова³⁰⁰.

К 1915 г. топливная проблема обсуждалась на страницах почти всех сибирских газет. Высокая цена дров, вызванная резким сокращением их подвоза, беспокоила почти всех жителей крупных сибирских городов. В апреле 1915 г. один из корреспондентов газеты «Сибирская жизнь» писал, что в Томске наблюдается большой недостаток привозных крестьянских дров, причём их цена очень высокая – воз березовых дров продается по 2 руб. и 2 руб. 10 к.³⁰¹

В 1915 г. Управление Алтайского округа решилось на повышение цен на лесорубочные билеты, а новониколаевские торговцы резко увеличили стоимость вязанки дров³⁰².

Вопрос о топливе не раз поднимался в органах городского самоуправления Западной Сибири в рамках работы комиссий по борьбе с дороговизной, однако рост цен все эти мероприятия остановить так и не смогли. Между тем цены не переставали подниматься. Чтобы решить проблему, гласные городской думы Новониколаевска 9 ноября 1915 г. приняли решение ходатайствовать перед Особым совещанием по топливу о предоставлении городу ссуды³⁰³. При этом в своём обращении к особому совещанию они отмечают, что в сложившихся условиях

²⁹⁹ История промышленности Новосибирска. Новосибирск, 2004. Т. 1: Начало (1893–1917). С. 617.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Сибирская жизнь. 1915. 15 апр.

³⁰² История промышленности Новосибирска ... С. 617.

³⁰³ Городское самоуправление Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие / А. П. Толочко. Омск, 2003. С. 177.

общественное городское управление не способно обеспечить население топливом, поскольку испытывает большие трудности с финансированием операций по заготовке дров и каменного угля. К январю 1917 г. в Томск поступила лишь половина необходимого объёма каменного угля. Подавляющее большинство горожан проживало в неотапливаемых или плохо отапливаемых помещениях. Ситуация с топливом грозила приостановлением работы электростанции и промышленных предприятий³⁰⁴.

В годы Первой мировой войны топливный кризис носил не локальный, а общероссийский характер. Чтобы понять масштабы бедствия, обратимся к материалу, напечатанному 21 ноября 1915 г. в ежедневной газете Российской империи «Русское слово». Корреспондент газеты в своём репортаже «На переписи» повествует об одном дне из жизни студента-переписчика, попутно подробно останавливаясь на топливной проблеме. По свидетельству корреспондента, вопрос о топливе многих жителей империи приводит в бешенство. Отвечая на вопросы переписчика о количестве дров, они часто высказывают своё возмущение: «Да где их теперь взять, дров–то этих?! 20 рублей, нешто это мыслимо? ...Ящик у нас был, вот и топим им «контрамарку». Как собаки...»³⁰⁵. Причём в том, что эти слова – чистая правда корреспондент не сомневается, потому что, по его мнению, в некоторых квартирах действительно очень холодно. В ходе переписи 1915 г. некоторые жители с очень низким доходом решают, что вопрос о топливе задаётся, с тем чтобы выдавать дрова бесплатно «по случаю войны», поэтому говорят, что в месяц для отопления помещения им необходимо сажени полторы, а на сегодняшний момент у них имеется всего 1/8 сажени³⁰⁶.

К началу 1917 г. жилищный кризис в крупных городах Западной Сибири обострился настолько, что в местных газетах было почти невозможно найти объявления о сдаче жилья. Если в Омске ещё иногда можно было встретить в

³⁰⁴ Разгон И. М. Указ. соч. С. 130.

³⁰⁵ Русское слово. 1915. 21 нояб.

³⁰⁶ Русское слово. 1915. 21 нояб.

газетах сообщения о случайно освободившихся квартирах, то в Томске их не было³⁰⁷. Накануне Февральской революции свободные номера предлагала лишь гостиница «Духовское подворье»³⁰⁸.

Таким образом, в годы Первой мировой войны в крупных городах Западной Сибири на фоне нарастания социальных проблем, ухудшения материального благополучия населения появляется еще одна социально значимая проблема – жилищный кризис и существенное ухудшение жилищных и бытовых условий сибирских жителей. Рост цен на жилье в два раза, а также недостаток жилищного фонда были связаны, прежде всего, с притоком беженцев, мобилизованных и военнопленных. При этом благоустройство и санитарное состояние жилых помещений продолжали оставаться на низком уровне, что свидетельствовало о неэффективной государственной политике и реакции государственных органов власти на существовавшие социальные проблемы в сибирских городах в военный период. Наряду с этим в годы войны существовала проблема отопления жилых помещений, которая была вызвана снижением объемов перевозок топлива железнодорожным транспортом, сокращением лесозаготовительных работ и уменьшением экспортных поставок угля из-за границы. В дальнейшем накопление этих проблем создаст почву для усиления социального недовольства, которому будут способствовать поражения на фронтах и кризис власти.

Подводя итоги исследования во второй главе, следует отметить, что состояние различных отраслей экономики позволяет получить наиболее достоверные и объективные знания о повседневной жизни сибирских городов в условиях разрушительного воздействия событий Первой мировой войны на все сферы жизни общества.

Особенность проявления этих процессов состояла в том, что в крупных городах Западной Сибири, для которых характерна высокая численность населения,

³⁰⁷ Омский вестник. 1917. 4 янв.

³⁰⁸ Утро Сибири. 1917. 31 янв.

обостряются жилищная и продовольственная проблемы. В то же время концентрация финансовых ресурсов в крупных западносибирских городах позволяла более эффективно решать проблему занятости населения. Общественное мнение жителей крупных городов Западной Сибири было гибким и подвержено изменяющимся политическим настроениям под влиянием ухудшения экономической ситуации. Так, изменение структуры занятости населения, падение уровня его доходов создавали все условия для недовольства политикой государства, которая стремительно переориентировалась на военные нужды в условиях ведения боевых действий. Изменившаяся социальная структура в крупных городах с притоком беженцев, раненых, военнопленных в условиях государственной пропаганды создавала почву для недовольства на национальном и межэтническом уровнях, что в условиях ухудшающегося экономического положения в целом снижало доверие к государственной власти. Фактором, усугубляющим ситуацию, стало ухудшение качества питания населения и снабжения продовольствием крупных городов, несмотря на успешные попытки органов власти не допустить голода и продовольственного кризиса. Люди столкнулись с проблемой жилищного кризиса и ухудшением благоустройства городов. Предпринимательские круги, не сумевшие переориентировать свои производства на заказы государства, разорялись, терпели убытки и закрывали свои компании, что снижало налоговые поступления в бюджеты городов и формировало атмосферу упадка экономической активности и частной инициативы.

Тем самым Российская империя на очередном историческом этапе оказалась лицом к лицу с нарастающим кризисом во всех сферах жизни, и основной реакцией властей на эту ситуацию были попытки пробуждения у жителей патриотических чувств.

3 Общественное восприятие происходящих событий и социальное поведение населения крупных городов Западной Сибири в июле 1914 – феврале 1917 гг.

3.1 Восприятие немцев жителями в годы Первой мировой войны

Анализ повседневной жизни сибирских городов в годы Первой мировой войны осуществляется не только с позиции характеристики экономической и социальной активности населения, а также оценки статистических и экономических показателей, либо описания бедствий и ежедневных забот представителей социальных сословий Российской империи, но и в контексте субъективного восприятия людьми эпохи и положения в городской среде. В этом отношении важное значение для изучения сложного исторического периода Первой мировой войны имеет формирование государством образа врага, реакции общества на происходящие на фронте военные действия, а также аспекты деятельности институтов гражданского общества в военные годы, поиск новых форм самоорганизации людей для сохранения комфорта в новых условиях проживания.

В условиях военного времени формирование образа врага стало одной из главных задач правительства Российской империи. Причём основная ответственность за развязывание и ход военных действий возлагался именно на немцев. На службу этой цели были поставлены огромное количество крупных и мелких газет империи, киноиндустрия, чиновники и депутаты. Враг должен был потерять в массовом сознании человеческий облик, стать кровожадным варваром, что давало моральное право на ненависть к нему и убийство. При этом основную вину за начало войны правительство старалось возложить на немецкую нацию, которая якобы «опутала своими сетями» всю империю.

Чтобы донести эти мысли до населения, в 1914 г. на экранах электро–театров Томска, Новониколаевска, Омска и Барнаула демонстрировалось не менее десятка картин о немецких зверствах в мировой истории, шпионаже и планах по созданию в России социалистического движения. В июле 1914 года томский театр «Иллюзион-

Глобус» предлагал зрителям пьесу «Война России с Германией и Австрией»³⁰⁹. В Новониколаевске среди кинофильмов по военной тематике выделялись ленты с такими названиями, как «Война народов 1914 г. Долой германское иго», а также «Немецкое засилье»³¹⁰. В Омске не отставали от официальной линии, и в начале войны театр «Прогресс» показывал киноленту «Под пулями германских варваров»³¹¹.

С объявлением войны газеты, особенно столичные, буквально пестрили заголовками антинемецкой направленности. Каждый номер «Нового времени» публиковал антинемецкие материалы, а бывало, что в номере их было несколько. Подобного рода материалы затрагивали не только немецких колонистов, но также городских жителей. Именно пресса сыграла не последнюю роль в организации антинемецких погромов в крупных городах, в том числе в Петрограде и Москве. На протяжении военной кампании дополнительным мотивом для поиска «немецкого врага» выступили и экономические трудности, и первые поражения на фронте, которые порождали враждебность и ненависть в многонациональной империи³¹².

В городах Западной Сибири среди издателей газет единой позиции по этому поводу не наблюдалось. Так, например, редакция «Томского вестника» придерживалась позиции центральных газет, а её редактор Булдаков даже в марте 1915 года выступал в Новониколаевском торговом корпусе с докладом «Германия и славянство», где стремился убедить слушателей, что «германцы – культурные варвары и исконные враги всех славянских народов»³¹³.

В это же время крупная губернская газета «Жизнь Алтая», издававшаяся в Барнауле, хранила молчание относительно немецкой тематики. Единственный раз оно было нарушено в августе 1916 г., что было связано с прибытием первой партии

³⁰⁹ Сибирская жизнь .1914. 18 июля.

³¹⁰ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Указ. соч. С. 183.

³¹¹ Омский телеграф. 1914. 29 авг.

³¹² Туманова А. С. «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны // Неприкосновенный запас. 2015. № 103. С. 192.

³¹³ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Указ. соч. С. 181.

депортированных немцев–колонистов³¹⁴. В Омске пошли дальше. В «Омском телеграфе» за 19 декабря 1915 г. в форме фельетонов высмеивались старания властей по поводу запретов немецкого языка³¹⁵.

Отметим, что официальная пропаганда столкнулась с рядом сложностей. Создаваемый образ врага в корне расходился с традиционными народными представлениями, где ни немец, ни австриец не являлись носителями зла. В восприятии русских немецкий Михель был «колбасником», «торговцем», «бюргером», чуждым русскому духу, непонятным, но не врагом, тем более не кровожадным убийцей и милитаристом. Он был культурен, учён и кичился своей учёностью, но его можно было легко обвести вокруг пальца. Он скупой, но одновременно рачительный, аккуратный хозяин, умелый и трудолюбивый³¹⁶. К тому же длительное отсутствие войн между Россией и немецкими государствами показывало, что «немца» никак нельзя назвать исконным русским врагом.

Чтобы доказать, что враг по своей природе не является культурным человеком, и тем самым внести коррективы в восприятие населения, необходимо было детальное описание в печати издевательств немцев и австрийцев над пленными и мирными жителями. Воздействовать на эмоции читателей также должна информация об использовании запрещённых видов оружия, о разрушении памятников мировой культуры и об унижении русских путешественников, оказавшихся на территории Германии³¹⁷.

Одной из первых жертв антинемецкой пропаганды стали немцы, длительное время проживающие в России. Утверждалось, что немец, где бы он ни жил, служит интересам Германии. Все немцы в России обвинялись в шпионаже в пользу своего

³¹⁴ Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. 20. С. 50.

³¹⁵ Омский телеграф. 1915. 19 дек.

³¹⁶ Оболенская С. В. Немцы в глазах русских XIX: черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 102–116.

³¹⁷ Лыкосов М. В. Антинемецкая кампания в официальной печати России периода Первой мировой войны // Сибирь: проблемы истории повседневности XVIII — XX вв. Бахрушинские чтения : межвуз. сб. науч. тр. / под. ред. И. С. Кузнецова. Новосибирск, 2006. С. 82.

«подлинного отечества» и в участии в «мирном экономическом завоевании России». Деятельность эта якобы координировалась из Берлина и сопровождалась огромными тратами. С помощью такого хода официальная пропаганда пыталась не только настроить население против немцев, обвинив их в подрывной деятельности, но и снять всю ответственность с правительства за недостаточную готовность правительства к войне³¹⁸.

Частично решить поставленную цель в Западной Сибири удалось. В качестве показательного примера, иллюстрирующего результаты антинемецкой пропаганды, можно привести ситуацию, которая сложилась вокруг дела прусского подданного Роберта Ивановича Крюгера, который являлся владельцем крупнейшего в Сибири пивоваренного завода. В Томске в рамках распоряжений по линии Министерства внутренних дел, касавшегося имущества лиц германского подданства, чиновники описали и конфисковали на пивоваренном заводе Крюгера в губернском центре имевшихся в наличии лошадей, конскую упряжь и повозки. И всё это было предпринято против человека, который к 1914 г. прожил в России 35 лет. Подобные действия привели к тому, что более 200 семей были лишены заработка на заводе и в рамках торгового дела, а ячмень, ранее скупавшийся в большом количестве для нужд производства, перестал находить сбыт в прежнем объёме³¹⁹.

На фоне красочно описанных «германских зверств» проводилась кампания по исключению немцев из различных организаций и объединений. Такие мероприятия проводились как в столичных городах, так и в губерниях Российской империи. Например, в Томске в то же время было «постановлено исключить из состава биржевых комитетов лиц, принадлежащих к германскому или австрийскому подданству»³²⁰. Особенно неотрывно следили за мужчинами призывного возраста, прежде всего кадровыми военными, они рассматривались как возможные участники военных действий на стороне врага.

³¹⁸ Лыкосов М. В. Указ. соч. С. 82.

³¹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 314. Л. 64 об.

³²⁰ Сибирская жизнь. Томск, 1914. 14 сент.

В августе 1915 г. IV Дума даже заседала по поводу создания «комиссии по борьбе с немецким засильем». В различных уголках Российской империи городские думы должны были выносить на голосование вопрос о преподавании немецкого языка в школах, разговорах на вражеском языке в общественных местах, а также исполнении музыкальных произведений известных немецких и австрийских композиторов³²¹.

Одним из шагов в борьбе с «немецким засильем» стало переименование населенных пунктов, носивших немецкие названия. Призывы городских властей в Сибири ни остались незамеченными. Например, 23 августа 1915 года жители нагорной части Барнаула просили городского голову «войти с ходатайством о переименовании Немецкой улицы в Бельгийскую». В свою очередь городская Дума единогласно решила удовлетворить просьбу жителей³²².

Кроме того, в годы войны по всем уголкам империи рассылались секретные циркуляры, запрещающие принимать в школы детей и учителей немецкой национальности. Дело доходило дело до того, что не рекомендовали даже назначать учителей немецкого языка на должность классных руководителей³²³. Министерство просвещения объясняло такой шаг нежелательным идеологическим влиянием данной категории на несформировавшиеся умы молодёжи. Отметим, что в Западной Сибири в отличие от центральных городов старались обойти запрет на преподавание немцев в школах³²⁴. В разъяснении, отправленном в апреле 1916 года попечительством Западно-Сибирского учебного округа директорам мужских гимназий, реальных училищ и председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, утверждалось, что это указание не исключает возможности под свою ответственность назначать таких лиц классными начальниками. При этом в каждом отдельном случае необходимо было ориентироваться с учётом местных

³²¹ Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. С. 99.

³²² ГААК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 17. Л. 38.

³²³ ГААК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

³²⁴ ГААК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 61.

условий и имеющихся сведений о том преподавателе, о котором возник вопрос. Причём вопрос о подданстве не имел значения, речь шла о национальности³²⁵.

Одной из самых популярных идей, которая витала в воздухе империи, была идея ликвидации немецкого землевладения. И притом, что каких-либо антирусских настроений у немцев-колонистов не было выявлено.

Возможно, алтайским немцам удалось бы остаться в стороне, если бы в одной из столичных газет в ноябре 1914 г. не опубликовали заметку неизвестного автора, который весьма мрачно представил следующую ситуацию. По его словам, «почти самые лучшие земли в Барнаульском уезде в немецких руках», а почти все кабинетские земли арендуются немцами³²⁶. При этом ставится вопрос: почему лакомые куски попали «в эти варварские, а не русские руки»? Ещё 17 и 21 октября 1914 г. Совет министров принял предложение о ликвидации немецкой собственности в России и распространении «репрессивных в отношении к германцам и австрийцам распоряжений на всё пространство империи»³²⁷.

24 февраля Главное управление Алтайского округа получило телеграмму от Министерства внутренних дел с вопросом о том, «имеются ли в округе арендаторы-немцы иностранные или русские подданные, сколько арендуют и какое количество десятин арендуют и какого качества эти земли»³²⁸. На следующий день в лесничества из Барнаула были направлены телеграммы с аналогичным содержанием. Уже спустя два дня были получены ответы из 6 лесничеств. Из ответов следовало, что число немцев, которое арендовало земли, было незначительно.

Некоторые чиновники Западной Сибири, стремясь, вероятно, выслужиться перед вышестоящим начальством, открыто демонстрировали свою неприязнь к немецкой нации. Особо ярким борцом с немецким засильем был пребывавший в

³²⁵ ГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

³²⁶ Цит. по: Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. 20. С. 55.

³²⁷ Новое время. Пг., 1914. 20 нояб.

³²⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3702. Л. 1.

Омске с 1915 г. генерал-губернатор Степного края Н.А. Сухомлинов. Ему постоянно казалось, что немцы ведут особую почту, имеют тайную политическую организацию, и самая «оригинальная» мысль связывалась с появлением таинственных аэропланов, которые якобы кружат над территорией Сибири и скрываются в немецких колониях. Хотя сама мысль была нелепой, она получила определённую популярность в массах и через периодическую печать стала активно пропагандироваться, в результате чего стали поступать многочисленные сведения очевидцев³²⁹. В свете борьбы с «немецким засильем» одним из примеров народных заблуждений стало охватившее всю Сибирь известие, что «скрылся командующий войсками Степного военного округа генерал Шмит» (Степной генерал-губернатор и командующий войсками Омского военного округа в 1908–1915 гг. генерал от кавалерии Е. О. Шмит.) Воплощением этих сплетен в октябре 1915 г. стало сообщение министра внутренних дел А.Н. Хвостова «о появлении в Степном крае за последнее время таинственных аэропланов, которые скрываются в немецких колониях, где получают бензин»³³⁰.

Для облегчения собственной участи в жизни членов своих семей многие немцы, в течение длительного времени проживающие в России, но не принявшие русского подданства, начали обращаться к властям с просьбой о принятии их в таковое. Массовый поток прошений приходится на период после появления ликвидационных законов февраля 1915 г.

Для получения русского подданства немцы проходили через унижительную процедуру заполнения различных анкет, сбора метрических свидетельств о рождении, справок для уездного исправника от волостного старшины о неподсудности. В одном из рапортов на имя томского губернатора барнаульский уездный исправник по поводу такой просьбы указывал, что «названный иностранец

³²⁹ Вибе П. П. Немецкие и меннонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Изв. Омск. гос. ист.–краевед. музея. 2003. № 10.

³³⁰ Цит. по: Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск, 2003. С. 63.

как родившийся в России и проживающий в ней безвылазно более 50 лет и совершенно свыкшийся с условиями и обычаями русской жизни вполне является благонадёжным и законопослушным, стремясь получить права русского подданства по своему искреннему убеждению, а не выгоды»³³¹.

Заметим, что в Западной Сибири антинемецкая кампания имела ряд особенностей, отличавших её от других регионов империи. Отличие состояло, например, в том, что кампанию проводили не региональные власти, как в Ставропольской губернии, а столичные³³². Здесь она не приняла широкого масштаба, не вылилась в выселение немцев в другие регионы. При этом следует подчеркнуть некоторую пассивность властей в её реализации.

Особый интерес вызывает тема отношения населения региона к военнопленным. Можно смело утверждать, что жители Сибири относились к пленным лояльно. Появление их в городах Сибири вызывало немалый интерес у местных жителей, которые воспринимали их как «диких зверей», их кормили чуть ли не из рук, меняли деньги на рубли, старались с ними заговорить. Но это явление продлилось недолго, и через месяц их стали воспринимать как обычное явление сибирской жизни³³³. Были случаи посещения военнопленными кинотеатров. Очень активно пленные заводили романы с местными сибирячками. Влюбчивые сибирячки стали прообразом многих героинь фельетонов, которые появлялись в местных газетах³³⁴. Русское население не испытывало особой неприязни к пленным. Власти очень внимательно следили за любыми контактами местных жителей с пленными. Многие из местных стремились помочь пленным, и это сразу же могло стать поводом для подозрений в антирусских действиях, прикрываемых

³³¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 366. Л. 1 об.

³³² Плохотнюк Т. Н. Положение этнических немцев Ставрополя в годы Первой и Второй мировых войн // Рос. ист. журн. 1995. № 4. С. 12–18.

³³³ Кушнир Е. Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Новая локальная история: социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей. Электрон. дан. [Б. м., б. г.]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/423> (дата обращения: 04.02.2017).

³³⁴ Омский телеграф. 1914. 16 сент.; Сибирь. 1914. 26 сент.; Сибирский листок. 1916. 1 янв.

благотворительностью.

Согласно позиции военного командования, высокая лояльность населения часто выходила за рамки дозволенного. Впервые об этом было однозначно заявлено в приказе командующего войсками ОмВО генерала Е.О. Шмита от 21 декабря 1914 г.³³⁵. В нём осуждались некоторые офицеры и «чины, состоящие на военной государственной службе», которые принимали у себя дома военнопленных, угощали их в ресторанах «на виду у всей публики», вступали «в дружескую интимную переписку», высылали на добрую память фотографические карточки с надписями, сердечными пожеланиями и воспоминаниями о счастливо проведённых днях»³³⁶.

Примечателен и тот факт, что в большинстве сибиряки не относились к военнопленным, которых на этой территории было несколько десятков тысяч, как к побеждённым врагам. Многим они просто представлялись убогими, нуждающимися в помощи³³⁷.

Массовое сознание выводило из-под обвинения в развязывании войны немецкий народ, что выступало препятствием для создания образа кровожадного врага. Более того, низшие городские слои были склонны воспринимать немцев как жертв, вынужденных по приказу начальства драться против русских.

Простой народ идентифицировал себя с противником перед лицом военной стихии. Например, публицист «Русского слова», описывая в одном из своих материалов встречу конвоя немецких пленных с русскими мирными жителями, приводил такие высказывания о пленных: «...им начальство встало перед фронтом и говорит: «В плен не попадайтесь. В России нос обрежут, из спины кожу вырежут лоскутами». А народ они всё такой же обыкновенный. Вот и получалось, что рядовые немцы такие же невольные жертвы войны, как и русские, а виновником

³³⁵ Ерёмин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 257.

³³⁶ Цит. по.: Ерёмин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 257.

³³⁷ Отклики Сибири. 1914. 17 окт.

всех бед было «немецкое начальство»³³⁸.

Однако, несмотря на лояльное в целом отношение к военнопленным, среди населения встречались и явные сторонники противоположной позиции. Своё негативное отношение они транслировали через различные каналы, в том числе через письма в органы государственной власти. Ярким подтверждением этого стало письмо заместителя председателя Новониколаевского отдела Союза русского народа К. Полякова, направленное им в 1916 г. на имя главы правительства России. В своём сочинении К. Поляков обвинял военнопленных офицеров в диверсии весной 1916 г. в с. Камень Томской губернии. Причём персональная ответственность за попустительство лежала, на его взгляд, на крестьянском начальнике Барнаульского уезда Гофмане и его однофамильце – кучере³³⁹.

Хотя пропагандистский аппарат предпринимал немалые усилия, чтобы сформировать антигерманские настроения в империи, его работа оказалась недостаточно эффективной³⁴⁰. По словам А.С. Тумановой, «попытка достичь национального единения путем мобилизации национализма и настроений этнической вражды, к которой российская властная и общественная элиты прибегли на последнем этапе существования имперского строя, закончилась провалом»³⁴¹. Идеологическая работа в Западной Сибири также не всегда приносила те плоды, на которые рассчитывали центральные власти. Зачастую её можно назвать малоэффективной. В годы войны было создано немалое количество фотографий, плакатов, карикатур, в которых получал различное отражение образ врага, формировались определённые стереотипы, отражалась официальная идеология правительства, но данные мероприятия не получили того влияния и понимания у

³³⁸ Русское слово. 1914. 17 авг.

³³⁹ ГАОО. Ф. 54. Оп. 2. Д. 17. Л. 76–76 об.

³⁴⁰ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М, 1999. С. 229.

³⁴¹ Туманова А. С. «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны // Неприкосновенный запас. 2015. № 103. С. 209–210.

населения, которое планировало правительство³⁴².

В отличие от Москвы, где в мае 1915 г. состоялись погромы магазинов и квартир жителей с немецкими фамилиями, в результате которых страховые общества столицы получили заявления об убытках на 40 млн руб., в городах Западной Сибири всё было спокойно.³⁴³

Отсутствие за весь период войны антинемецких погромов, а также шовинистских организаций, направленных против российских немцев и военнопленных, активное включение военнопленных в культурную жизнь региона, большое количество смешанных браков в целом свидетельствовало о взвешенном отношении горожан к немцам в Западной Сибири.

За исключением небольшого количества случаев, у населения Западной Сибири в целом не выработалось ненависти к врагу, что можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, отсутствовала хорошо разработанная пропаганда образа врага, которая бы могла примирить население с трудностями военного времени ради победы. Во-вторых, давнее соседство сибиряков с этническими немцами, многие из семей которых проживали здесь ещё с екатерининских времён. В-третьих, демократические традиции местных жителей, которые были связаны с удалённостью региона от центра и театра военных действий, а также составом самого населения, часть которого являлась потомками ссыльных.

Таким образом, в условиях Первой мировой войны происходила ломка стандартов общественного сознания, складывавшихся на протяжении столетий, что не могло не привести к возникновению новых стереотипов восприятия, социального поведения людей, повседневной жизни. События Первой мировой войны оказали влияние на изменение общественной психологии, морали и ценностей населения. Поскольку четко сформировавшегося образа внешнего врага у населения не было,

³⁴² Кушнир Е. Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] ...

³⁴³ Орешников А. В. Дневник. 1915–1933. М., 2010. Кн. 1. С. 34.

большевистская пропаганда стала формировать образ внутреннего классового врага, который стал средством пропаганды в революционных событиях 1917 г.

3.2 Благотворительная деятельность как элемент повседневного поведения горожан

Осуществление благотворительной деятельности в сибирских городах периода Первой мировой войны является социальным феноменом, изучение которого позволяет углубить представления о гражданской активности в условиях социальных проблем и катаклизмов. Желание оказать помощь нуждающимся в условиях ухудшения экономической ситуации в городах показывало стремление людей самоорганизоваться в новых условиях, проявить свои гражданские качества и сохранить комфортную городскую среду обитания для широких слоев общества.

После выступления на своём последнем уроке перед выпускницами женской гимназии в 1915 г. учитель словесности барнаульской женской гимназии Н.Ф. Шубкин сделал в своём дневнике запись, свидетельствующую о том, что Первая мировая война заставила население империи изменить своё восприятие окружающей действительности. По мнению учителя словесности, только с началом этого грандиозного бедствия жители России впервые после Первой русской революции почувствовали, что у них есть не только частные, но и общественные интересы. Пролистывая дневник Н.Ф. Шубкина за 13 мая 1915 г., можно увидеть запись следующего содержания: «Вспомнил я также, что, вступая сюда восемь лет назад, я застал здесь еще отголоски бывшего перед тем общественного движения, когда и среди учащихся были живы общественные интересы, когда ученицы VIII класса устраивали кружки, издавали журнал и т. п. Потом наступили годы реакции, когда общественные интересы заглохли, когда каждый замкнулся в свою личную жизнь и из-за неудач в этой личной жизни готов был пустить себе пулю в лоб. Но эти годы, видимо, прошли. Война снова всколыхнула всю Россию. Все почувствовали себя

детьми своей родины, частичками великого целого. Общественный, гражданский интерес снова пробудился, и они, гимназистки, уже на школьной скамье немало работали, чтобы помочь родине в ее борьбе, чтобы облегчать долю страдающих братьев»³⁴⁴.

Инициаторами благотворительных акций в Западной Сибири, как и в целом в империи, становились чаще всего местные власти и крупные общероссийские общественные организации, в том числе религиозные, имевшие местные представительства. Местные думы не реже чем один раз в неделю, а то и чаще через прессу обращались к горожанам. Воззвания примерно такого содержания с небольшими уточнениями можно было прочитать почти в любом периодическом издании Западной Сибири в военный период: «Помогите семьям защитников нашего дорогого отечества, устройте так, чтобы ушедшие на защиту родины были уверены, что оставленные ими семьи не будут нуждаться, и эта уверенность даст им спокойствие и поднимет их дух на одоление врага и возвращение мира. Жертвуйте кто что может»³⁴⁵.

Основными общественными организациями, занимавшимися благотворительностью на территории Западной Сибири, являлись благотворительные общества духовного ведомства, отделения Красного Креста, дамские комитеты по оказанию помощи больным и раненым войнам, учительские общества, отделения Комитета членов Государственной думы, Всероссийского союза городов, Сибирское общество для подачи помощи раненым войнам, губернские отделения Комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны и Комитета Её Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны и т.д.³⁴⁶ Их инициативы активно поддерживались частными лицами и коммерческими организациями.

³⁴⁴ Цит по.: Шубкин Н. Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии : (из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы. СПб, 1998. С. 412.

³⁴⁵ Утро Сибири. 1915. 3 янв.

³⁴⁶ Шахматов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно–демократическими революциями. Томск, 1966. С. 183.

Общественное внимание было направлено в основном на такие незащищённые слои населения, как раненые воины, семьи воинов, ушедших на войну, а также беженцев. Не обошли своим вниманием горожане и воинов действующей армии, для которых регулярно собирались подарки к различным праздникам. Так, например, в фонде документов Омского государственного историко–краеведческого музея хранится 55 писем, большая часть которых написана в ответ на присланные пасхальные и рождественские подарки от жителей Омска. Авторы отдельных писем перечисляют полностью или частично содержание посылок, из чего можно составить примерный список предметов, отправляемых на фронт. В своём письме в адрес Омской городской думы Яков Дегтярёв из нестроевой роты 55-го Сибирского стрелкового полка пишет: «Ваш скромный подарок я получил: 1. одни кальсоны, 2. портянок пара, 3. Одна ложка, 4. Мыла кусок, табаку $\frac{1}{4}$ фунта, 6. один конверт, листок почтовой бумаги, 7. Чёрные нитки, 8. и две иголки, т.е. девять предметов. Сердечно благодарю Омскую городскую думу»³⁴⁷.

Для лиц, пострадавших от войны, в крупных городах Западной Сибири существовало несколько основных направлений помощи. Первым направлением работы можно считать предоставление бесплатных помещений для вынужденных переселенцев и раненых. Так, например, к октябрю 1915 г. на средства Польского общества помощи жертвам войны в Томске было размещено почти 400 человек.³⁴⁸

Вторым направлением было оказание медицинской помощи пострадавшим от войны. С 1 января 1915 г. по 1 января 1916 г. в Омске шестнадцатью дамскими комитетами была оказана медицинская помощь 8876 раненым, прибывшим по железной дороге.³⁴⁹ В Барнауле же на городские пожертвования для раненых воинов был открыт дополнительный лазарет врача Н.М. Буторина.³⁵⁰

³⁴⁷ Цит. по: Письма участников Первой мировой войны // Изв. Омск. ист.-краевед. музея. 2000. № 8. С. 259, 271.

³⁴⁸ Сибирская жизнь. 1915. 31 окт.

³⁴⁹ Омский телеграф. 1916. 4 марта.

³⁵⁰ Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 186.

Третье направление – организация приютов, яслей, детских садов и школ для детей, пострадавших от войны. В частности, в 1915 г. ученицами Барнаульской женской гимназии № 3 имени Красулиной была проведена лотерея, часть денег от которой была отдана в пользу приюта для детей–сирот, чьи отцы погибли на войне.³⁵¹ Летом воспитанницы женских гимназий в городах Западной Сибири добровольно работали в яслях и детских садах.³⁵²

Четвёртым направлением стала помощь семьям призванных в сельском хозяйстве. С этой целью в учебных заведениях Министерства народного просвещения организовывались трудовые дружины из учащихся старших классов и училищ. Ярким примером такой помощи может служить работа артели из 36 учащихся начальных училищ Новониколаевска летом 1916 г. Учащимся удалось не только помочь на сенокосе в деревне Дергаусова Томского уезда, но и хорошо провести свои летние каникулы в деревне³⁵³.

И, наконец, пятым направлением являлись обучение и поиск работы для беженцев, раненых и солдаток. В 1915 г. Томский городской дамский комитет по оказанию помощи семьям призванных создал посредническое бюро для поиска работы жёнам призванных на фронт.³⁵⁴ Польское общество помощи жертвам войны в Томске создало для вынужденных эмигрантов швейную мастерскую.³⁵⁵ Почти в течение всего периода войны в Новониколаевске организовывали курсы для воинов–инвалидов с целью приобретения ими различных специальностей.³⁵⁶

Формы сбора средств на благотворительные акции были также более чем разнообразными. Постоянным явлением повседневной жизни стали различные лекции, спектакли, концерты. Особой популярностью пользовались кружечные

³⁵¹ ГААК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 83. Л. 3.

³⁵² Шахматов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно–демократическими революциями. Томск, 1966. С. 183.

³⁵³ ГАТО. Ф. 126. Д. 3054. Л. 426.

³⁵⁴ Утро Сибири. 1915. 28 февр.

³⁵⁵ ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 37. Л. 48, 70.

³⁵⁶ Фабрика Ю. А. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск, 2014. С. 239.

сборы, продажа поделок, а также проведение дней профессий. Для сбора средств использовали различные символические продажи знаков, открыток, флажков. 6 марта 1915 года в Барнауле прошёл кружечный сбор для восстановления больницы Общества Красного Креста, на котором было собрано 2602 руб.³⁵⁷ Немного позже, 27 марта 1915 года, горожане провели благотворительный базар «Привет от детей Алтая», на котором от продажи сделанных детьми игрушек, предметов рукоделия и прочего было выручено 710 руб.³⁵⁸ В Новониколаевске во время войны успешно проводили День извозчика, где в пользу больных и раненых воинов было собрано 777 руб. 42 коп.³⁵⁹ Омские кадеты, воспитанники Омского кадетского корпуса, часто организовывали благотворительные вечера, лотереи, чтобы направить средства в помощь армии.³⁶⁰

Подобные вечера проводились и в других сибирских городах. Вот что пишет в своём дневнике (18 января 1915 г.) о подготовке вечера в пользу раненых преподаватель женской гимназии Н.Ф. Шубкин: «Теперь мои восьмиклассницы заняты подготовкой своего вечера в пользу раненых. Хлопот у них с этим вечером много: много и организаторской работы, и подготовка к сценам, к декламации, к характерным танцам. Нередко и на уроках у нас идёт разговор по поводу разных деталей вечера, пробуем иногда те или иные стихотворения для декламации, а две восьмиклассницы составили даже собственное стихотворение на тему войны. Сегодня был на первой репетиции этого вечера, ведшейся под руководством одного артиста-любителя. Эта подготовка к ученическим вечерам едва ли не интереснее, по-моему, самих вечеров. Война наложила на эти вечера яркий отпечаток. Цель их теперь – не просто веселье, а помощь жертвам войны; содержание, соответственно этому, чисто идейное. Тут и монолог Минина, и Орлеанская дева... От тех пошловатых водевильчиков, какие ставились на ученических вечерах (Счастье

³⁵⁷ Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты. Барнаул, 2007. С. 100.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Фабрика Ю. А. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск, 2014. С. 182.

³⁶⁰ Кадет-сибиряк. 1915. 4 янв.

только в мужчинах), и т. п. не осталось и следа».³⁶¹

Часто в городских газетах просто сообщалось о сборе средств и вещей, и все желающие могли передать пожертвованное специальному сборщику. Во время войны на улицы Омска каждый день выезжало до 15 фур в сопровождении 2 сборщиков, каждый из которых имел специальную книжку для приёма денежных пожертвований и ценных вещей. Сбор начинался в 8–9 часов, а заканчивался в 21 час. Все вещи сдавались в приёмный пункт, где сортировались и упаковывались.³⁶²

Какие чувства двигали горожанами, которые массово стремились помочь своим соотечественникам? Почему это явление стало затихать? Однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно. Многочисленные исследователи сходятся во мнении, что всему причина – рост патриотических чувств, а позже их постепенное затихание, которое было спровоцировано большевистской пропагандой. Но только ли они объясняли поведение людей, только ли поэтому население отдавало часть своей зарплаты и запасов совершенно незнакомым людям?

Среди причин могла быть, например, боязнь за судьбу своих близких. Многие сибиряки понимали, что завтра они пойдут защищать Родину, их семьи тоже могут остаться без кормильцев или без крова и некому будет помочь. Именно поэтому трудовые коллективы отчисляли проценты от своих зарплат семьям коллег, чтобы завтра другие члены их коллектива помогли им. Так, например, служащие книжного магазина П.И. Макушина в Томске постановили отчислять два процента с получаемого месячного содержания в пользу запасных города Томска, призванных на военную службу³⁶³. Похожую ситуацию можно было наблюдать и в отношении помощи фронтовикам. Судя по письмам с фронта, подарки для воинов действующей армии из Западной Сибири направлялись в основном в Сибирские полки, то есть

³⁶¹ Шубкин Н. Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии ... С. 384.

³⁶² Полуаршинов А. В. Оказание помощи пострадавшим от войны населением и общественными организациями Омска (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Актуальные проблемы отечественной истории XVIII–XX вв. Омск, 2002. С. 128.

³⁶³ Утро Сибири. 1914. 3 авг.

помогать старались своим же землякам³⁶⁴.

Другой причиной могло стать желание не быть белой вороной, не выделяться, иначе тебя могут посчитать не патриотом. С таким пятном было трудно жить в атмосфере постоянной пропаганды, поэтому даже бедные горожане старались как могли внести свой вклад в общественное дело. Очень часто в газетах печатались списки жертвователей, внесших всего 50 коп³⁶⁵.

Желание приобрести общественное признание и укрепить свой авторитет тоже играло не последнюю роль. Подтверждением последнего может служить большая популярность среди купеческого сословия учреждение именных коек для помощи раненым. Вот что мы читаем в одном из многочисленных отчётов Барнаульского отдела Российского общества Красного Креста: «торговый дом «А.Г. Морозов с сыновьями» пожертвовал на содержание одной койки, торговый дом «Федулов с сыновьями» – одной койки, супруги М.М. Кашин и А.К. Кашина пожертвовали деньги на содержание двух коек». Отметим, что содержание каждой подобной койки стоило по тем временам больших денег – около 1000 руб.³⁶⁶ Население с презрением воспринимало богатых купцов, которые мало тратили на благотворительность. К тому же эта деятельность могла отразиться на избрании человека на городские должности. Например, в феврале 1915 г. председатель Общества помощи раненым войнам купец первой гильдии Андрей Григорьевич Морозов выдал солдатским жёнам и вдовам по одному пуду муки из своих запасов. Всего было обеспечено 1573 человека. Был ли это жест доброй воли или желание укрепить свой авторитет, с уверенностью определить нельзя. Однако исключать корыстный мотив не стоит, ведь Морозов был публичным человеком в Барнауле и занимал видные должности в городе³⁶⁷. Томская газета «Утро Сибири» в 1916 г. сообщала, что товариществом «А.Ф. Второва с С–ми» предоставлены безвозвратно десять тысяч рублей на покупку

³⁶⁴ ГААК. Ф. 143. Оп 1. Д. 6. Л. 19.

³⁶⁵ Утро Сибири. 1914. 2 авг.

³⁶⁶ ГААК. Ф. 142. Оп. 2. Д. 4. Л. 4, ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 60. Л. 193.

³⁶⁷ Барнаул. Летопись города – хронология, события, факты. Барнаул, 2007. С. 100.

продуктов первой необходимости и дров для раздачи беднейшему населению города, преимущественно семьям воинов³⁶⁸. Купец первой гильдии Александр Фёдорович Второв не жил в Сибири, а наезжал сюда периодически, зато в Томске жил его сын Николай, который стремился повысить свой авторитет и авторитет товарищества благими делами.

В конце 1916 г. количество поступлений на благотворительные акции резко снизилось, уменьшилась и активность членов благотворительных организаций. Лишь проводимые благотворительными учебными заведениями вечера остались наиболее популярными формами благотворительности. Примером такого вечера может служить мероприятие, прошедшее 29 декабря 1916 г. в Народном доме г. Барнаула. Ученицами первой женской гимназии был организован благотворительный вечер, сбор от которого должен был быть направлен на создание фонда для обучения детей георгиевских кавалеров. В программу вошли вокальные выступления, гимнастика и характерные танцы³⁶⁹. Всё сложнее и сложнее становилось найти желающих участвовать в благотворительных мероприятиях. С одной стороны, это объясняется усталостью населения от войны и её затяжным характером, с другой – невозможностью удовлетворять не столько чужие, сколько свои даже самые простые экономические потребности. Когда в 1917 году большинство людей стали испытывать экономические трудности, остальные посчитали, что они тоже могут не помогать, при этом их равнодушие не будет осуждаться окружающими. Согласно отчёту Управления Барнаульского отдела Красного Креста в 1916 г. приток пожертвований резко понизился и едва достиг к 1 января 1917 г. 10 тыс. руб. для сравнения: в 1915 г. в кассу отдела поступило 40876 руб., а в 1916 г. 34 947 руб.³⁷⁰ О трудностях поиска добровольцев свидетельствует и отчёт Барнаульского отдела Сибирского общества помощи больным и раненым воинам за 1916 г.: «Отдел в настоящее время находится в состоянии, позволяющем

³⁶⁸ Утро Сибири. 1916. 12 мая.

³⁶⁹ Жизнь Алтая. 1916. 29 дек.

³⁷⁰ ГААК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 3. Л. 93, 95.

поставить вопрос, надлежит ли ему числиться в составе благотворительных обществ... Члены отдела, ранее с увлечением работавшие над осуществлением задач общества, ныне постепенно разошлись, передавая друг другу дела до тех пор, пока оставшимся уже некому было передать»³⁷¹.

Итак, в годы Первой мировой войны в Западной Сибири благотворительность постепенно превратилась в элемент повседневной жизни населения. Инициаторами благотворительных акций чаще всего становились местные власти и крупные общероссийские общественные организации, которые активно вовлекали в эту деятельность почти всё взрослое население городов. Общественная помощь была направлена на три группы: раненых воинов, семьи воинов, ушедших на войну, а также беженцев. По мере возможности этим категориям населения выделяли бесплатные помещения для временного пребывания, оказывали медицинскую помощь, помогали с работой и устройством их детей. Чтобы собрать на это средства, в городах устраивали лекции, спектакли, концерты, проводили кружечные сборы, продавали изделия, сделанные своими руками. Нельзя однозначно утверждать, что единственной причиной, толкающей горожан на путь благотворительности, был патриотизм. Среди причин следует также выделить боязнь за судьбу своих близких, желание не выделяться, а также стремление приобрести общественное признание и укрепить свой авторитет.

³⁷¹ ГААК. Ф. 46. Оп. 1. Д. 61. Л. 70.

3.3 Отражение событий Первой мировой войны в общественном сознании жителей крупных городов

Восприятие событий Первой мировой войны в общественном сознании во многом было связано с тем, что сам факт начала полномасштабной военной кампании стал для жителей сибирских городов неожиданным известием. О начале военного конфликта большинство горожан узнали из газет и выступлений священнослужителей 22 июля 1914 г. Причём манифест об объявлении войны Германией России вызывал у населения сильное возбуждение³⁷². Как справедливо отмечает А.С. Туманова, «влияние войны на общество нельзя рассматривать как односторонний процесс... не только война и порожденная ею мобилизация организовывали общество, но и само общество формировало себя через войну и во имя войны – то есть мобилизация была имманентно присуща обществу военной поры»³⁷³.

На этом первоначальном этапе важным фактором формирования общественных настроений стало то, как официальные власти разъясняли, почему Россия начала войну. Согласно манифесту от 20 июля 1914 г. главными причинами вступления страны в войну стало заступничество за «несправедливо обиженную, родственную нам» Сербию, а также сохранение положения России среди великих держав³⁷⁴. Многочисленным прихожанам священнослужители в церквях должны были разъяснять, что главным виновником чрезвычайных событий является именно Германия, которая стремится унижить славянские народы. Вот какую речь услышали прихожане Томского кафедрального собора 22 июля 1914 г.: «Миролюбивое наше отечество не ищет войны, не собиралось воевать: на нас поднят немецкий меч, мы призываемся отвечать на меч мечом же, ибо другого способа решения нет. Стал наш

³⁷² Жизнь Алтая. 1914. 23 июля.

³⁷³ Туманова А. С. «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны // Неприкосновенный запас. 2015. № 103. С. 190.

³⁷⁴ Томские епархиальные ведомости. 1914. 1 авг.

державный Отец вначале на заступничество несправедливо обиженной, родственной нам страны Сербии, а теперь предстоит нам огородить силой оружия честь, достоинство, целостность России среди великих держав. Россия во главе со своим венценосным Вождём призывается к разрешению чрезвычайно важного вопроса: быть или не быть славянству, будут ли славянские народности занимать достойное место между другими народностями и служить мировой культуре, или же славянство уступит своё место немецкой расе и займёт по отношению к ней рабское положение»³⁷⁵. Таким образом, в официальной позиции по поводу начала Первой мировой войны преобладало некое единение власти и церкви в вопросе защиты православной веры и славянских народов перед лицом агрессора.

Однако помимо официальной точки зрения, согласно которой главной причиной вступления в войну для России стала помощь Сербии, в прессе того времени присутствовала и другая точка зрения, направленная на обоснование того, что война имела под собой прежде всего экономическую и внешнеполитическую основу. Так, в заметке «Причины европейской войны», опубликованной в газете «Жизнь Алтая» от 3 августа 1914 г., сообщалось прежде всего об экономической и внешнеполитической подоплёке военных действий. Автором подчёркивалось, что «государством, задумавшим и вызвавшим европейскую войну, являлась Германия», а причинами, побудившими Германию к войне, стали борьба за рынки сбыта в Малой Азии, наличие развитой военной промышленности, привлечение в число акционеров военно-промышленных предприятий людей, имевших вес в политике, экспансивный характер кайзера Германской империи Вильгельма II, мечтавшего о гегемонии Германии над всем миром. В конце отмечалось, что, вступив в войну, немцы оказались в «величайшем затруднении», и выражалась надежда на скорое окончание войны: «...при таких обстоятельствах скоро поблекнет идея о мировом господстве и заменится спасительным страхом за собственные животы»³⁷⁶.

³⁷⁵ Томские епархиальные ведомости. 1914. 15 авг.

³⁷⁶ Жизнь Алтая. 1914. 3 авг.

В ситуации различия мнений о причинах войны у большинства населения не могло сложиться какого-либо единого понимания того, за что будут воевать русские воины и есть ли необходимость участия Российской империи в кровопролитной войне. Согласно воспоминаниям генерала А.А. Брусилова, «даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз я спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя. Что же сказать про такое пренебрежение к русскому народу?!»³⁷⁷.

При таком объяснении военной ситуации само вступление России в Первую мировую войну, начавшееся под предлогом защиты братского славянского государства Сербии от Австро-Венгрии, наряду с другими важными целями постепенно превращалось в средство отвлечения внимания населения от стачечной борьбы. По замыслу правительства жители империи должны были воспринять войну как насущную необходимость, призванную освободить малый героический народ от гнёта варваров. При этом реакция населения на чрезвычайные события регулярно отслеживалась на местах и передавалась по- средством секретных сообщений в центр.

Поначалу населением происходящие события так и воспринимались. В первые дни войны во всех городах Западной Сибири проходили патриотические манифестации, во всех храмах служили молебны о даровании победы над врагами.

³⁷⁷ Цит. по: Кушнир Е. Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Новая локальная история: социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей. Электрон. дан. [Б. м., б. г.]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/423> (дата обращения: 04.02.2017).

21 июля в Омске состоялась крупная патриотическая манифестация в саду «Россия». А наутро уже в другой день в Успенском кафедральном соборе служился молебен о даровании победы русским воинам³⁷⁸.

22 июля около 300 жителей Томска, среди которых были учителя, учащиеся и их родители, пришли на патриотическую манифестацию к кафедральному собору. Участники манифестации несли портреты императора и пели «Спаси, господи!»³⁷⁹. Также и в Новониколаевске 23 июля 1914 г. прошла манифестация по случаю объявления войны. Новониколаевцы шли по улице города, распевая «Боже, Царя храни!» и «Спаси, Господи, люди Твоя»³⁸⁰.

Хотя в целом общественные настроения в первые месяцы войны в городах Западной Сибири были спокойные и население проявляло самый живой интерес к военным событиям на фронте, активно участвуя в организации помощи семьям лиц, призванных по мобилизации на действующую военную службу, и в сборе пожертвований для воинов и раненых, обстановка здесь была далека от идеальной³⁸¹.

В секретном донесении томского губернатора в Министерство внутренних дел от 2 сентября 1914 г. сообщалось, что в период первой мобилизации в местной прессе замечалось «усиленное стремление, путём помещения в периодических изданиях резких статей обличительного и критического характера, вызвать в населении враждебное отношение к правительству, а равно статей, в которых оглашались слухи, возбуждающие общественную тревогу», что было прекращено путём взимания с редакторов периодических изданий штрафов в размере до 3000 руб. или ареста до 3 месяцев³⁸².

³⁷⁸ Кушнир Е. Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] ...

³⁷⁹ Сибирская жизнь. 1914. 22 июля; Шевцов В. В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск, 2016. С. 566. (В.В. Шевцов отмечает, что в годы войны расширяется количество легальных и нелегальных изданий, в которых транслировались антивоенные и оппозиционные настроения).

³⁸⁰ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан в военно–революционные годы (июль 1914 – март 1921 гг.). Новосибирск, 2013. С. 6.

³⁸¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1491. Л. 140, 140 об.

³⁸² ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1491. Л. 100, 100 об.

Неизвестно, оказывали ли данные статьи в периодических изданиях какое-либо существенное влияние на умы читающей молодежи. Однако очевиден тот факт, что говорить о поголовном патриотизме среди студентов, учащихся старших классов гимназий и реальных училищ в Западной Сибири нет достаточных оснований. Подтверждением вышесказанного служат, например, рассуждения студента Императорского Томского университета А. Шилова, озвученные им в ноябре 1914 г. в письме к своему брату: «Конечно, в печати не появляется протеста, что вполне понятно, но в обществе ни единого голоса отрицания того, что творится – грустно. Мы, вставшие на защиту слабых братьев-славян, помогли им, и если и помогаем, то какой цены стоит эта помощь и им, и нам...Было бы благоразумнее обратиться к немцам и нам вспять и накинуться на того, кто втравил в войну...Быть может, я не прав, но читать газеты мне противно, меня ни капли не интересуют наши победы, равно и их успехи, надоело все, мне только безумно хочется конца этого кошмара»³⁸³.

Кроме того, вступление России в Первую мировую войну почти во всех крупных городах Западной Сибири было омрачено выступлениями запасных. По поводу причин этих волнений среди исследователей до сих пор нет единой точки зрения. В советский период исследователи рассматривали эти события в формате борьбы против самодержавия под влиянием агитации большевиков³⁸⁴. Во многих современных публикациях авторы склоняются к мысли о том, что у участников выступлений отсутствовали какие-либо антиправительственные требования. Так, американский историк Дж. Санборн полагает, что основная причина волнений - анархическая сущность русского народа, которая проявляет себя в условиях

³⁸³ Цит. по: Шиловский М. В. Первая мировая война 1914 – 1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. С. 242–243.

³⁸⁴ Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 3–43; Храмов А. А. Крестьянские волнения в Томской губернии в дни всеобщей мобилизации в июле 1914 г. // Сб. науч.-исследовательских работ кафедр общественных наук. Томск, 1958. С. 56–73; Юдалевич М. И. Барнаул (1730–1917 гг.). Барнаул, 1992. С. 23.

слабости власти.³⁸⁵ М.В. Шиловский подчёркивает, что причина беспорядков кроется не в полной слабости власти, а в просчётах в организации мобилизации и непрофессионализме конкретных властных структур на местах. При этом в доказательство своей точки зрения он приводит ситуацию в Омске, где местной власти удалось не допустить волнений запасных.³⁸⁶ И.А. Ерёмин и О.С. Поршнева склонны считать, что волнения связаны с традиционным желанием мобилизованных выпить перед отправкой на фронт и невозможностью осуществить свою потребность из-за действия сухого закона³⁸⁷.

Исключительно влиянием алкоголя объясняли беспорядки ратников и местные чиновники того времени. В рапорте барнаульского уездного исправника томскому губернатору 8 августа 1914 г. отмечалось, что во время личного наблюдения за запасными он не заметил ни отрицательного отношения к предстоящему походу, ни нареканий на правительство по этому поводу. А имевшие место в Барнауле грабежи и поджоги связывал с состоянием сильного опьянения и возбужденности, в каком запасные находились после расхищения вина. Кроме того, масштабы беспорядков ратник объяснял участием в этих событиях «тёмных элементов» города³⁸⁸.

Акмолинский губернатор А.Н. Неверов в секретном донесении в Министерство внутренних дел также сообщал, что волнения запасных, казаков и крестьян в области происходили на так называемой пьяной почве и что для их устранения им были даны распоряжения опечатать винные магазины и погреба и передать на хранение владельцам под личную ответственность³⁸⁹.

³⁸⁵ Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война: (материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб, 1999. С. 209.

³⁸⁶ Шиловский М. В. Массовые беспорядки среди мобилизованных в Сибири во второй половине июля 1914 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 88.

³⁸⁷ Ерёмин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 101; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны. Екатеринбург, 2001. С. 172.

³⁸⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1491. Л. 100, 100 об.

³⁸⁹ Очерки истории города Омска. Том первый. Дореволюционный Омск / под ред. А. Л.

Желанием выпить перед отправкой «на смерть» объясняет события и непосредственный свидетель беспорядков мобилизованных в Барнауле русский писатель–натуралист М.Д. Зверев. Ему в то время исполнилось восемнадцать лет, в своей автобиографической повести "Заимка в бору" передал восприятие июльских событий их непосредственными участниками: «Ты чево этно, стервец этакий, в кабаке водку спёр? А? В Чижовке, видно, не сидел ишо на воде и хлебе, ворюга окаянный, – не вытерпела одна из женщин. – Кто, я – вор? – огрызнулся парень. – Всем раздают на винном складе. От его до города народ вповалку лежит пьяный. А хто ишо может, несут, да не две четвертухе, а по четыре: в сапогах, на шее и в руках»³⁹⁰.

На наш взгляд, в основе беспорядков мобилизованных лежал целый комплекс причин как объективного, так и субъективного характера. Среди объективных причин следует назвать русскую традицию выпивать, провожая человека на войну, среди субъективных – недостатки в организации мобилизации в городах, которые были связаны с просчётами конкретных чиновников.

Однако, несмотря на эксцессы в начале войны, мобилизация новобранцев в 1914 г. в Западной Сибири прошла достаточно успешно. В первые месяцы войны Россия воспринималась большинством жителей империи как бесспорный победитель. Благодаря брошюрам, листовкам и альбомам, которые централизованно направлялись в учебные заведения и пользовались там неизменным спросом, у молодых людей культивировалась вера в быстрое и победоносное окончание войны. Доказательством этого является масштабное добровольческое движение в регионе, в особенности среди молодёжи.

По словам директора Омского учительского института Ф.Г. Шубина, многие слушатели институтов отозвались на войну эмоциональным порывом и мечтали отправиться на фронт добровольцами и директорам требовалось немало усилий,

Толочко. Омск, 1997. С. 261.

³⁹⁰ Цит. по: Зверев М. Д. Заимка в бору: Рассказы. Повести. Барнаул, 1987. С. 123

чтобы отговорить своих воспитанников от подобных поступков³⁹¹. Однако в числе добровольцев в годы Первой мировой войны была не только учащаяся молодёжь.

Среди добровольцев часто встречались священники. В телеграмме, отправленной в 1914 г. Томскому епископу Мефодию новониколаевским священником Александром Смычковым, выражалась просьба о назначении последнего на должность военного священника³⁹².

В таких условиях любая попытка уклонения от военной службы воспринималась общественностью достаточно остро. Не случайно всплеск негодования среди жителей Новониколаевска вызвал тот факт, что сын члена городской управы Кузнецов был признан негодным к службе и освобождён от неё. По этому поводу от местного отдела Союза русского народа даже было направлено донесение о взяточничестве на всех лиц, участвующих в освидетельствовании³⁹³.

Несмотря на то, что имевшие место в августе 1914 года успехи русской армии в Восточной Пруссии поначалу ободрили жителей империи, в дальнейшем битва при Танненберге и отход войск к прежним позициям, а затем провал наступления 10-й русской армии под Вильно поколебали уверенность населения в скорой победе русского оружия.

Ход военной кампании 1914 г. показал несбыточность надежд населения на быстрое завершение войны, однако вера в победоносный исход военных действий всё же оставалась. Это можно, например, увидеть благодаря телеграмме, которую написали именитые горожане Новониколаевска главнокомандующему русской армией великому князю Николаю Николаевичу: «Поздравляем Ваше Высочество и предводительствуемую Вами храбро–непобедимую армию с праздником Рождества Спасителя и наступающим Новым годом. Убеждены, что в новом лете коварный враг будет сломлен, чему порукой Ваш великий военный опыт. Молим Всевышнего

³⁹¹ Кочурина С. А.. Дореволюционные учительские институты Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1916г.г.) // Вестн. Том. гос. педагог. ун-та. 2010. Вып. 1. С. 13.

³⁹² Фабрика Ю. А. Сибирь сражающаяся. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Новосибирск, 2014. Т. 1. С. 218.

³⁹³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1491. Л. 132, 132 об.

укрепить ваши силы в величайшей борьбе на благо дорогой Родине»³⁹⁴.

Однако, как отмечает ссыльнопоселенец Г.Е. Дронин, живший в то время в Новониколаевске, такие настроения были характерны далеко не для всех горожан. Зимой 1914 г. мобилизованные, находящиеся под влиянием агитаторов, в течение трёх дней останавливали все проходящие воинские поезда, громили вокзал и винные лавки, выражая свой протест против войны. Разогнать толпу удалось только благодаря тому, что местные власти вызвали для усмирения вооруженные силы гарнизона³⁹⁵.

Отметим, что в то время как в крупных городах Западной Сибири в первые годы войны отношение колебалось от крайне патриотического до резко негативного и зависело от политических взглядов конкретного человека, у жителей некоторых малых городов отношение населения к войне было в основном единообразным. Так, например, в Кузнецке, благодаря отсутствию беженцев, раненых и военнопленных обыватели первые два года войны вообще не чувствовали перемен: по-прежнему играли в карты, сплетничали и только изредка поругивали Вильгельма II³⁹⁶.

Совсем скоро для российского общества восприятие Первой мировой войны трансформируется в сторону ощущения тоски и безысходности. На первый план начинают выходить не внешнеполитические, а внутривнутриполитические события. Начало ослабления патриотического накала стало наблюдаться в городах Западной Сибири лишь в 1915 г. в связи с резким ухудшением экономического положения большинства населения. Начальник Омского жандармского управления в июле 1915 г. объясняет это тем, что население не было готово терпеть неоправданные лишения в условиях постоянных неудач русской армии³⁹⁷.

³⁹⁴ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 92.

³⁹⁵ Никитин М. Воспоминания о революционном Новониколаевске (1904–1920 гг.) [Электронный ресурс]. Новосибирск, 1959. Электрон. версия. печат. публ. URL: https://royallib.com/book/nikitin_mihail/vospominaniya_o_revolyutsionnom_novonikolaevske_1904_1920_gg.html (дата обращения 02.01.2017).

³⁹⁶ Ермолаев А. Н. Сибирский тыл в годы Первой мировой войны (на примере города Кузнецка) // Сибирь и войны XIX–XX веков. Новосибирск, 2014. С. 108.

³⁹⁷ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 652. Л. 29, 31.

Снижение интереса к событиям Первой мировой войны можно было проследить и благодаря анализу репертуаров местных театров и кинематографа. Если в начале войны кинотеатры очень часто демонстрировали фильмы и пьесы на военную тему, то позже эта проблематика встречается всё реже. Подтверждением этого может служить тот факт, что если в 1914 г. в Томске театр «Буфф» предлагал горожанам посмотреть историческую пьесу по роману Г. Сенкевича «Огнём и мечом», в Барнауле кинотеатр «Иллюзион» – боевик «Под пулями германских варваров»³⁹⁸, в Новониколаевке демонстрировались фильмы «Война народов. 1914 г. Долой германское иго», «Подвиг рядового Василия Рябова» (как умирает русский солдат за Веру, Царя и Отечество. Военная быль из жизни незначительных героев)³⁹⁹, то в репертуаре этих театров уже в 1915 г. всё реже встречались военно-патриотические киноленты.

Население, уставшее от негативных новостей с фронта, предпочитало киноленты развлекательного характера и не готово было платить деньги за что-то другое.

В сентябре 1916 г. новосибирский полицмейстер Г. Бухартовский доносил томскому губернатору об ухудшении положения в Новониколаевске из-за продовольственных трудностей: «Ввиду усиливающейся дороговизны можно ждать волнений, особенно если на местном рынке не будет муки»⁴⁰⁰. Об этом же писал в своих донесениях губернатору в ноябре 1916 г. и барнаульский городской голова А.А. Лесневский: «Среди простого населения, главным образом среди солдаток, замечается нервно повышенное настроение на почве дороговизны жизни. Это повышенное настроение выливается в форму угроз и может проявиться в виде весьма негативных эксцессов»⁴⁰¹.

³⁹⁸ Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно–революционные годы (июль 1914–март 1921 г.). Новосибирск, 2013. С. 16.

³⁹⁹ Новосибирск 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 91.

⁴⁰⁰ Там же. С. 105.

⁴⁰¹ Толочко И. А., Коновалов И. А. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период. Омск, 2003. С. 169.

В январе 1916 г. заведующий пересыльной частью в Омске, воинский начальник В.К. Тенисов писал своему сыну в Одессу: «Как родители не могут требовать любви только за то, что вырастили детей, так и правительство не может требовать от народа жертв, если оно не уважает мнения этого народа, если вместо защиты и помощи, вместо просвещения и свободы, оно дает ему виселицы, тюрьмы, каторгу и провокацию. От народа требуют жертвы, требуют, чтобы народ отдал все золото до последней крупинки. А те, кто это требует, много отдали?»⁴⁰².

Анализ писем родственников российских военнопленных, проживающих в Омском военном округе, от 7 марта 1916 г. говорит о том, что население всё чаще стало волновать прогрессирующее падение уровня доходов и жизни в городе. Причём большей частью такие жалобы шли из городов, в деревенских же письмах они встречались значительно реже. Однако, несмотря на жалобы, в этих же письмах ещё не угасла вера в скорое окончание войны: «Вся шумиха последнего времени скоро уляжется: общее наше убеждение, что по заключении мира с германами всё пойдёт по-старому»⁴⁰³. Из анализа писем следует, что население Омска в 1916 г. было настроено пессимистично и устало от войны: «...дома стар да млад, из взрослых все здоровые пошли воевать, остались одни негодяи»⁴⁰⁴.

В 1916 г. уже ярко проявлялось нежелание населения воевать. Это можно проследить по характеру газетных объявлений о работе. В конце 1916 г. для того, чтобы привлечь мужскую рабочую силу, уже в газетных объявлениях работодатели сообщали возможным кандидатам об отсрочке от призыва: «Алтайской железной дороге требуются машинисты, кочегары, чернорабочие. Поступающим предоставляется отсрочка от призыва в войска на всё время службы»⁴⁰⁵.

Об усталости от войны свидетельствует и тот факт, что в конце 1916 г. в Новониколаевске и других городах Сибири прокатились протесты и требования

⁴⁰² Очерки истории города Омска. Том первый. Дореволюционный Омск. Омск, 1997. С. 274.

⁴⁰³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 74. Д. 770. Л. 91.

⁴⁰⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 74. Д. 770. Л. 125.

⁴⁰⁵ Жизнь Алтая. 1916. 29 дек.

запретить лекции бывшего депутата Государственной думы, профессора Н.А. Гредескула, который ратовал за продолжение войны до победного конца⁴⁰⁶.

К началу Февральской революции Первая мировая война в сознании большинства сибиряков становится уже привычным, обыденным явлением и не вызывает каких-либо чувств⁴⁰⁷. Об отсутствии эксцессов в январе 1917 г. сообщается и в донесении томскому губернатору о настроении населения в городе Новониколаевске. Однако тут же делается оговорка о необходимости усиленного надзора за населением в связи с возможностью антиправительственных выступлений⁴⁰⁸.

Таким образом, Первая мировая война стала тяжёлым испытанием для населения крупных городов Западной Сибири. Несмотря на массовую помощь общественности ратникам и их семьям, начало войны здесь было омрачено масштабными выступлениями мобилизованных и антиправительственной агитацией в газетах. Уже во второй год войны повышение цен на продукты первой необходимости, постоянные мобилизации, а также отсутствие успехов на фронте способствовали формированию упаднических настроений в обществе. Накануне Февральской революции события на фронте перестали интересовать многих жителей крупных городов Западной Сибири, а уровень социального недовольства нарастающим кризисом стимулировал интерес у большинства жителей Российской империи к изменениям. Доверие к власти, которая длительное время в военный период игнорировала решение социальных проблем, было подорвано, и восстановить его, как показали исторические события, в условиях сохранения монархического устройства оказалось невозможно.

Изучение повседневной жизни сибирских городов, проведенное нами в третьей главе, позволяет рассматривать период Первой мировой войны не только с точки

⁴⁰⁶ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 107.

⁴⁰⁷ Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 270.

⁴⁰⁸ ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 1667. Л. 13.

зрения влияния на экономические процессы и изменение социального уклада жизни и городской среды, но и с позиции субъективного восприятия войны, ее событий, патриотической пропаганды простыми жителями, которые черпали основную информацию из газет, кинофильмов или повседневного общения и наблюдения за военнопленными, демобилизованными и беженцами. Как показал анализ архивных материалов, государственная политика по формированию военного патриотизма давала лишь краткосрочный эффект в первые годы войны, а в последующие годы стала интересовать жителей сибирских городов все меньше и меньше. Активность общественных организаций эти в годы переориентировалась с учетом общественных запросов и поддерживала социальную сплоченность среди жителей, что было существенным препятствием к восприятию этнических немцев как враждебных Российской империи. Тем самым накопившиеся за время войны социальные проблемы не только не были решены в этот период, но и стали источником революционных потрясений уже в 1917 г.

Заключение

Подводя итог диссертационному исследованию, следует отметить, что Первая мировая война значительно обострила бытовые проблемы населения крупных городов Западной Сибири, серьёзно трансформировав поведение и образ жизни горожан. В условиях военной повседневности на первый план для многих жителей вышли проблемы оказания качественной и своевременной медицинской помощи, обеспечения продовольствием, жильём, работой. Ситуация на фронте, а также вышеназванные факторы повлияли на восприятие горожанами войны, сформировали их отношение к появившимся в этот период социальным группам населения.

В диссертационном исследовании был сделан акцент не на общеизвестных исторических закономерностях макроуровня, а прежде всего на микроисторических процессах, происходивших в западносибирских городах в военный период, что позволило расширить представления о влиянии событий Первой мировой войны на городскую жизнь Западной Сибири, и сформулировать следующие выводы о состоянии экономики, социальных процессах, социокультурной среде в крупных городах Западной Сибири.

Во-первых, военные события не стали причиной демографической катастрофы в городах Западной Сибири, но привели к ряду негативных последствий. К числу основных тенденций этого периода относятся сокращение численности населения Омска, Новониколаевска и Барнаула, уменьшение количества браков, падение рождаемости на фоне увеличения смертности, а также общее ухудшение эпидемиологической ситуации во всех рассматриваемых крупных городах Западной Сибири.

Во-вторых, состояние медицинского обслуживания горожан определялось тем, что для военного периода были характерны периодические эпидемии сыпного и брюшного тифа, кори, сифилиса, виновником которых часто были военнопленные, беженцы, а также военные, расквартированные в городах Западной Сибири.

Ухудшение медико–эпидемиологической обстановки, а также нехватка помещений, врачей, медицинских препаратов и инструментов приводила к тому, что медицинская помощь населению зачастую оказывалась несвоевременно и не в полном объёме.

В-третьих, негативное влияние Первой мировой войны на социально–экономическое развитие крупных городов Западной Сибири проявилось в разрушении международных экономических связей, а также в регулярных мобилизациях трудоспособных лиц мужского пола, появлении в городах новых групп населения. Местные предприниматели, занятые в отраслях экономики, работающих на оборону страны, увеличивали свои прибыли за счёт государственных заказов и сокращения конкуренции. Остальные лишились дела или вынуждены были его переориентировать. Основной чертой повседневной жизни государственных и частных служащих в годы войны становится сокращение штата и рост дополнительных обязанностей при сохранении прежнего уровня заработной платы. За счёт беженцев и военнопленных, а также женщин и детей, во время войны шло постоянное пополнение работников физического труда. Постоянный рост цен в городах Западной Сибири и не успевающий за ним рост заработной платы приводили к периодическим столкновениям рабочих с властями.

Кроме того, расстройство в работе транспорта, инфляция, возрастание потребления внутри страны, главным образом за счет увеличения численности армии, способствовали ухудшению продовольственной ситуации в крупных городах Западной Сибири. Особенно губительно данные тенденции отразились на крупных городах региона, в которых происходил наибольший рост числа беженцев и военнопленных, а также увеличение гарнизонов и расстройство железнодорожного сообщения.

Важной тенденцией военного периода стали трудности в снабжении продовольствием жителей крупных западносибирских городов. В торговых лавках существенно подорожали, либо были в недостатке различные продукты питания, в

частности сахар, мясо, рыба, чай. Для решения проблемы за три года войны власти сибирских городов использовали массу различных экономических мер: введение продовольственной таксы, оптовые муниципальные закупки, развитие кооперативного движения. Эти меры оказывались разной степени эффективными. В глазах большинства горожан главными виновниками продовольственных трудностей была даже не война и неэффективная экономическая политика правительства, а местные предприниматели и власти. Однако, несмотря на рост цен на продовольствие и существенный недостаток ввозимого сахара, к началу Февральской революции горожане в Западной Сибири не голодали.

К числу негативных тенденций военного периода относится и жилищный кризис, который способствовал существенному ухудшению жилищных и бытовых условий жителей сибирских городов. Рост цен на жилье в два раза, а также недостаток жилищного фонда были связаны, прежде всего, с притоком беженцев, мобилизованных и военнопленных. При этом благоустройство и санитарное состояние жилых помещений продолжало оставаться на низком уровне, что свидетельствовало о неэффективной государственной политике и реакции государственных органов власти на существовавшие социальные проблемы в сибирских городах в военный период. Наряду с этим в годы войны существовала проблема отопления жилых помещений, которая вызывалась снижением объёмов перевозок топлива железнодорожным транспортом, сокращением лесозаготовительных работ и уменьшением экспортных поставок угля из-за границы. В дальнейшем накопление этих проблем создаст почву для усиления социального недовольства, которому будут способствовать поражения на фронтах и кризис власти.

В диссертационном исследовании также делается вывод о том, что за исключением небольшого количества случаев у населения Западной Сибири в целом не выработалось ненависти к врагу, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, отсутствовала хорошо разработанная пропаганда образа врага, которая бы

могла примирить население с трудностями военного времени ради победы. Во-вторых, давнее соседство сибиряков с этническими немцами, многие из семей которых проживали здесь ещё с конца XVIII в. В-третьих, демократические традиции местных жителей, которые были связаны с удалённостью региона от центра и театра военных действий, а также составом самого населения, часть которого являлось потомками ссыльных.

Одним из важных аспектов городской жизни военного периода стала благотворительная деятельность. Инициаторами благотворительных акций чаще всего становились местные власти и крупные общероссийские общественные организации, которые активно вовлекали в нее почти всё взрослое население городов. Общественная помощь направлялась на три группы: раненых воинов, семьи воинов, ушедших на войну, а также беженцев. По мере возможности этим категориям населения выделяли бесплатные помещения для временного пребывания, оказывали медицинскую помощь, помогали с работой и устройством их детей. Чтобы собрать на эти нужды финансовые средства, в городах устраивали лекции, спектакли, концерты, проводили кружечные сборы, продавали изделия, сделанные своими руками. При этом нельзя однозначно утверждать, что единственной причиной, толкающей горожан на путь благотворительности, был патриотизм. Среди причин следует также выделить: боязнь за судьбу своих близких, желание не выделяться, а также стремление приобрести общественное признание и укрепить свой авторитет.

С точки зрения анализа восприятия горожанами военных событий в диссертационном исследовании делается вывод о том, что Первая мировая война стала тяжким бременем для горожан крупных городов Западной Сибири. Несмотря на массовую помощь общественности призванным и их семьям, начало войны сопровождалось масштабными выступлениями мобилизованных. Уже во второй год войны повышение цен на продукты первой необходимости, постоянные мобилизации, а также отсутствие успехов на фронте способствовали формированию

упаднических настроений в обществе. Накануне Февральской революции события на фронте перестали интересовать жителей крупных городов Западной Сибири, а уровень социального недовольства нарастающим кризисом стимулировал интерес у большинства жителей Российской империи к изменениям. Доверие к власти, которая длительное время в военный период игнорировала решение социальных проблем, было подорвано и восстановить его, как показали события 1917 г., в условиях сохранения монархического устройства оказалось невозможным.

Несмотря на то, что в исследовании были отражены многие вопросы повседневной жизни населения крупных городов Западной Сибири в условиях войны, работа не охватывает всех аспектов темы и является основой для дальнейших научных изысканий. К числу перспективных направлений для таких исследований можно отнести такие вопросы как досуг и состояние общественной жизни горожан Западной Сибири, особенности участия сибиряков в общественно–политической жизни, уровень преступности в городах в военный период и др. Изучение региональных особенностей повседневной жизни горожан различных губерний Российской империи в военный период делают актуальным комплексное исследование по истории повседневности периода Первой мировой войны.

Список использованных источников и литературы

Источники

Сборники документов и материалов, хронографы

1. Барнаульская городская Дума. 1877–1996 : сб. документов / О. Н. Дударева [и др.]. – Барнаул : Упр. арх. дела адм. Алтайского края, 1999. – 305 с.
2. Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. М. Родионова; фото С. И. Пирогова. – Барнаул : ГИПП «Алтай», 1995. – Ч. 1: 1701–1919. – 223 с.
3. Барнаул. Летопись города. Хронология, события, факты. – Барнаул : А.Р.Т., 2007. – Т. 2. – 628 с.
4. 10 лет на службе городу: Новониколаевская городская дума в документах и материалах / В. И. Баяндин [и др.]. – Новосибирск : Центр архивных технологий, 2008. – 567 с.
5. Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны : сб. документов и материалов / сост. Т. В. Шульга. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2015. – Т. 1. – 332 с.
6. Ленин В. И. Вариант проекта резолюции левых социал–демократов к первой международной социалистической конференции // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М., 1969. – Т. 26. – 590 с.
7. Новосибирск. 100 лет. События. Люди / под ред. Л. М. Горюшкина. – Новосибирск : Наука, 1993. – 406 с.
8. Общественно–политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. / сост. В. П. Зиновьев, О. А. Харусь. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. – Т. 1: 1880–февраль 1917 г. – 402 с.

Справочно–информационные издания

9. Адресно–справочная книжка "Весь Томск" на 1912–1913 гг. – Томск,

1913. – 383 с.

10. Весь Новониколаевск: адресно–справочная книга с краткой историей и планом города, 1924–1925. – Новониколаевск : Сиб. отд-ние Рос. телеграфного агентства, 1925. – 296 с.

11. Голошубин И. справочная книга Омской епархии / И. Голошубин. – Омск : Тип. Иртыш, 1911. – 1240 с.

12. Краткий обзор деятельности Всероссийского земского союза на Западном фронте (1915–1917). – М. : Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1918. – 228 с.

13. Нагнибеда В. Я. Организация Всероссийской переписи 1917 года в Алтайско–Томской части Сибири (краткий отчёт) / В. Я. Нагнибеда. – Томск, 1920. – 32 с.

14. Обзор деятельности общества для удовлетворения квартирной нужды среди служащих во Московскому управлению за 1914 г. – М., 1915. – 83 с.

15. Кобалкина Н. П. Отчёт санитарного врача 1–го участка г. Омска // Врачебно–санитарная хроника города Омска. 1915. – Омск, 1916. – Вып. 3. – С. 40–46.

16. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). – Барнаул : Тип. Упр. Алт. округа, 1916. – 196 с.

17. Отчёт о деятельности Омского городского комитета помощи беженцам. – Омск : Тип. Иртыш, 1916. – 50 с.

18. Памятная книжка Акмолинской области на 1914год. – Омск : Обл. тип., 1914. – 287 с.

19. Памятная книжка Акмолинской области на 1916 год – Омск : Обл. тип., 1916. – 240 с.

20. Рацкевич О. Г. Беженцы в Новороссийске / О. Г. Рацкевич. – Новороссийск, 1916. – 231 с.

21. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913) / А. Г. Рашин. – М. : Госстатиздат, 1956. – 352 с.

22. Россия в мировой войне 1914 – 1918 гг. в цифрах. – М. : Центральное стат. управление, 1925. – 104 с.
23. Сибирский торгово–промышленный календарь на 1914–1915 гг. – СПб. : Тип. Мекс, 1915. – 24 с.
24. Сенигов И. П. Почему Россия не может не победить Германию? / И. П. Сенигов. – СПб. : Тип. С.Н. Черемхина, 1914. – 32 с.
25. Труды первого съезда врачей Томской губернии (9–14 сентября 1917). – Томск : Т–во печатня С.П. Яковлева, 1917. – Вып. 1. – 269 с.
26. Тихов П. И. Хирургические госпитальные клиники / П. И. Тихов. – Томск, 1916. – 11 с.
27. Новосибирск : энциклопедия / под ред. В. А. Ламина. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2003. – 1071 с.
28. Барнаул : энциклопедия. / под ред. Т. К. Щегловой. – Барнаул : Изд–во Алтай. ун–та, 2000. – 408 с.

Периодическая печать

29. Алтайское дело. – Новониколаевск, 1915.
30. Алтайский крестьянин. – Барнаул, 1914, 1916.
31. Вестник Омского городского общественного управления. – Омск, 1915.
32. Жизнь Алтая. – Барнаул, 1914–1916.
33. Известия Томского городского общественного управления. – Томск, 1916.
34. Кадет–сибиряк. – Омск, 1915.
35. Новое время. – Петроград, 1914.
36. Омский телеграф. – Омск, 1914–1916.
37. Омский вестник. – Омск, 1915–1917.
38. Отклики Сибири. – Иркутск, 1914.
39. Русское слово. – М., 1914–1915.

40. Сибирская жизнь. – Томск, 1913–1916.
41. Сибирь. – Иркутск, 1914.
42. Сибирский листок. – Тобольск, 1916.
43. Томские епархиальные ведомости. – Томск, 1914.
44. Утро Сибири. – Томск, 1914–1917.

Архивные материалы

45. Государственный архив Алтайского края (ГААК). – Ф. 4: Главное управление Алтайского округа. – Оп. 1. – Д. 3702, 450; Ф. 46: Барнаульская мужская гимназия. – Оп. 1. – Д. 61; Ф. 4: Барнаульская 3–я женская гимназия. – Оп. 1. – Д. 22, 83; Ф. 51: Барнаульская городская Дума; Ф. 219: Барнаульская городская управа. – Оп. 1. – Д. 42; Ф. 142: Барнаульский отдел Российского общества Красного Креста. – Оп. 1. – Д. 3; Оп. 2. – Д. 4; Ф. 143. – Алтайский дамский комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам. – Оп. 1. – Д. 6; Ф. 144: Коллекция метрических книг. – Оп. 6. – Д. 2548, 2550, 2964, 2767, 2765, 3180, 3181; Ф. 219: Барнаульская городская управа. – Оп. 1. – Д. 16, 60, 64, 100, 1031; Ф. 233: Алтайская губернская земская управа (Алтгубземуправа) (1917 – 1919 гг.). – Оп. 6. – Д. 24, 25.

46. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. Д–97: Новониколаевская городская управа. – Оп. 1. – Д. 161, 195, 215, 202.

47. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 30: Омская городская дума. – Оп. 1. – Д. 17; Оп. 1. – Д. 28; Ф. 36: Податной инспектор Омского участка Акмолинской области. – Оп. 1. – Д. 33; Ф. 51: Уполномоченный Российского общества Красного Креста г. Омск. – Оп. 1. – Д. 17; Ф. 54: Военная канцелярия наказного атамана Сибирского казачьего войска. – Оп. 2. – Д. 17; Ф. 270: Омское жандармское управление. – Оп. 1. – Д. 652.

48. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3: Томское губернское управление. – Оп. 12. – Д. 1491; Оп. 67. – Д. 314, 366. 1667; Оп. 74. – Д. 770; Ф. 7: Томский губернский комитет по устройству беженцев. – Оп. 1. – Д. 24, 37,

64; Ф. 126: Управление Западно–Сибирского учебного округа. – Оп .1. – Д. 3054; Ф. 127: Томская городская дума. – Оп. 1. – Д. 2975; Ф. 233: Томская городская управа. – Оп. 1. – Д. 687.

Воспомяая, дневники, переписка

49. Зверев М. Д. Заимка в бору. Рассказы. Повести / М. Д. Зверев. – Барнаул : Алт. кн. изд–во, 1987. – 152 с.

50. Никитин М. Воспоминания о революционном Новониколаевске (1904–1920 гг.) [Электронный ресурс]. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1959. – Электрон. версия. печат. публ. – URL: https://royallib.com/book/nikitin_mihail/vospominaniya_o_revolyuetsionnom_novonikolaevske_1904_1920_gg.html (дата обращения: 02.01.2017).

51. Орешников А. В. Дневник. 1915–1933 гг. / А. В. Орешников. – М. : Наука, 2010. – Кн. 1. – 659 с.

52. Письма участников Первой мировой войны // Изв. Омск. ист.–краевед. музея. – Омск, 2000. – № 8. – С. 259–276.

53. Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / И. И. Серебренников. – Иркутск : Сапронов, 2008. – 592 с.

54. Чернышёв С. В. В те времена... // Память сердца. Воспоминания новониколаевцев. Новосибирск: Сибирская горница, 2006. – С. 17–53.

55. Шубкин Н. Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии (Из дневника словесника Н. Ф. Шубкина за 1911–1915 годы / Н. Ф. Шубкин. – СПб. : Русский христианский гуманитарный ин-т, 1998. – 669 с.

Литература

56. Алисов Д. А. Города и городское население Омского Прииртышья в XVII – начале XX вв. // Омский регион: исторический опыт, проблемы и пути

экономического развития в современных условиях: материалы межрегион. научно–практ. конф., посвящённой 60–летию Омской области. – Омск, 1994. – Ч. III. – С. 60–62.

57. Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (30–40–е годы) / Г. В. Андреевский. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 465 с.

58. Аникович М. Повседневная жизнь охотников на мамонтов / М. Аникович. – М. : Молодая гвардия, 2004 – 352 с.

59. Аннанов И. Союзы городов. Очерк деятельности Всероссийского союза городов за 1914–1915 гг. / И. Аннанов. – М., 1916. – 239 с.

60. Араловец Н. А. Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко–демографический аспект / Н. А. Араловец – М. : РИО ИРИ РАН, 2003. – 233 с.

61. Баскина А. Л. Повседневная жизнь американской семьи / А. Л. Баскина. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 281 с.

62. Бергер П. Повседневная жизнь и религиозный опыт / П. Бергер, Т. Лукман // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии. – М., 1996. – С. 535–538.

63. Боярский А. Я. Население и методы его изучения: сб. науч. тр. / А. Я. Боярский. – М. : Статистика, 1975. – 264 с.

64. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1: Структуры повседневности. – 623 с.

65. Брук С. И. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) / С. И. Брук, В. М. Кабузан // История СССР. – 1980. – № 3. – С. 74–93.

66. Будина О. Р. Вопросы быта и культуры русских рабочих на страницах большевистской печати. (По материалам газеты «Правда» за 1912–1914 и 1917 гг.) // Этнографическое изучение быта рабочих. – М., 1968. – С. 151–174.

67. Будко А. А. Военная медицина в войне с Японией в 1904–1905 гг. / А. А.

Будко, Е. Ф. Селиванов // Военно–ист. журн. – 2004. – № 6. – С. 57– 62.

68. Бузин Д. Жилищные условия рабочего класса в дореволюционной России и в СССР // Проблемы экономики. – 1938. – № 4. – С. 89–105.

69. Бузова Л. И. Барнаул в годы Первой мировой войны // Краеведческие записки. – Барнаул, 2001. – Вып. 4. – С. 180–186.

70. Булыгин Ю. С. Население / Ю. С. Булыгин, Ю. С. Дьяченко, В. А. Скубневский // Барнаул: энциклопедия. – Барнаул, 2000. – С. 197–198.

71. Буравцов В. И. К 100–летию Первой мировой войны. Медицинская служба Русской армии в годы Первой мировой войны (сообщение второе – год 1914) / В. И. Буравцов, Ш. Л. Меараго // Скорая медицинская помощь. – 2014. – Т. 15, № 2. – С. 31–37.

72. Вибе П. П. Немецкие и меннонитские колонии Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Изв. Омск. гос. ист.–краевед. музея. – 2003. – № 10. – С. 193–198.

73. Виноградов К. Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. / К. Б. Виноградов. – М. : Соцэкгиз, 1962. – 406 с.

74. Владимиров В. Н. Историческое профессиоведение: предмет и проблематика // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. – 2009. – Вып. 3. – С. 96–99.

75. Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е. З. Волков. – М.; Л. : Главлит, 1930. – 271 с.

76. Гергилева А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири / А. И. Гергилева. – Красноярск : СибГТУ, 2007. – 123 с.

77. Гергилева А. И. Общественность Сибири и отношение к военнопленным Первой мировой войны // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. – Красноярск, 2006. – Вып. 12. – С. 421–426.

78. Гефнер О. В. Медицинская деятельность военных Омска в конце XIX – начале XX вв. // Вестн. Омск. ун-та. – 1999. – Вып. 1. – С. 46–50.

79. Гладышев А. Н. Об организации помощи беженцам // Омское городское общественное управление. – Омск, 1915. – № 15–16. – С. 20–24.
80. Гликман С. Сдаточные (вольные) квартиры рабочих на новой нефтеносной площади бакинского промыслового района в санитарном отношении // Общественный врач. – 1915. – № 7, 8. – С. 487–493.
81. Голубин Р. В. Трансформация общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. Сер. История. – 2002. – Вып. 1. – С. 92–96.
82. Гончаров Ю. М. Материальное положение чиновничества Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2002. – № 4. – С. 20–28.
83. Гончаров Ю. М.. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX– начало XX в.) / Ю. М. Гончаров. – Новосибирск : Сова, 2004. – 318 с.
84. Горбунова Е. Ю. Благотворительность в России и ее роль в общественно–культурной жизни на рубеже XIX – XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Ю. Горбунова. – М., 1996. – 30 с.
85. Горелов Ю. П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век: межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово, 2002. – Вып. 4. – С. 66–73.
86. Горелов Ю. П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века / Ю. П. Горелов. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. – 385 с.
87. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период / И. А. Толочко [и др.]. – Омск, 2003. – 195 с.
88. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие / А. П. Толочко [и др.]. – Омск : ОмГУ, 2003. – 195 с.
89. Горюшкин Л. М. Население Сибири накануне октябрьской социалистической революции / Л. М. Горюшкин, В. И. Пронин // Историческая

демография Сибири. – Новосибирск, 1992. – С. 84–101.

90. Горюшкин Л. М. Новосибирск в историческом прошлом / Л. М. Горюшкин, Г. А. Бочанова, Л. Н. Цепляев. – Новосибирск : Наука, 1978. – 294 с.

91. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. ст. – Омск, 1997. – С. 154–180.

92. Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии / Н. Я. Гущин. – Новосибирск, 1995. – 82 с.

93. Дегальцева Е. А. Войны и их восприятие в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Социально–экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: сб. материалов междунар. науч. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 132–138.

94. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.) / под ред. В. А. Исупова. – Новосибирск : Изд–во СО РАН, 2017. – 238 с.

95. Демченко А. В. Военнопленные Первой мировой войны в Омске // Изв. Омск. гос. ист.–краевед. музея. – 1999. – № 7. – С. 386–388.

96. Дипломированные медики [Электронный ресурс] // История Алтая с древнейших времён и до наших дней: информ. портал. – Электрон. дан. – [Б. м., б. г.]. – URL:<http://starshoes.su/zdravoohranenie/diplomirovannyye-mediki.html> (дата обращения: 03.02.2017).

97. Дипломированные медики [Электронный ресурс] // История Алтая с древнейших времён и до наших дней: информационный портал. – Электрон. дан. – [Б. м., б. г.]. – URL: <http://starshoes.su/zdravoohranenie/diplomirovannyye-mediki.html> (дата обращения: 10.01.2017).

98. Дмитриенко Н. М. Дороговизна в Томске в 1914 – 1917 гг. // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX вв. – Томск, 1994. – С. 89–99.

99. Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX–первой трети XX века: управление, экономика, население / Н. М. Дмитриенко. – Томск : Изд-во Том. ун-та,

2000. – 283 с.

100. Дмитриенко Н. М. Томские купцы: библиограф. словарь: (вторая половина XVIII – начало XX в.) / Н. М. Дмитриенко. – Томск, 2014. – 336 с.

101. Долидович О. М. Продовольственный кризис в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – Ч. 3, № 12. – С. 71–74.

102. Дробижев В. З. У истоков советской демографии / В. З. Дробижев. – М. : Мысль, 1987. – 221 с.

103. Ежов Н. Военная Казань в 1917 году. Краткий очерк. / Н. Ежов. – Казань : Татар. кн. изд-во, 1957. – 86 с.

104. Ерёмин И. А. Забота о больных и раненых войнах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) // Изв. Том. политехн. ун-та. – 2006. – Т. 309, № 6. – С. 202–205.

105. Ерёмин И. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / И. А. Ерёмин. – Барнаул : БГПУ, 2005. – 278 с.

106. Ермолаев А. Н. Сибирский тыл в годы Первой мировой войны (на примере города Кузнецка) // Сибирь и войны XIX–XX веков. – Новосибирск, 2014. – С. 107–109.

107. Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. / А. Н. Ермолаев. – Кемерово, 2008. – 743 с.

108. Есипова В. А. «В гостях у томичей» – рукопись начала XX в. о Томске // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 371. – С. 84–91.

109. Жеравина А. Н. Экономическое развитие Томска во второй половине XIX – начале XX вв. // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. : материалы всерос. науч. конф. – Томск, 2007. – С. 151–158.

110. Жилища рабочих на рудниках Донецкого района // Вестн. общественной гигиены, судебной и практической медицины. – 1914. – № 2. – С.16 – 31.

111. Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 / А. М. Зайончковский. – М. : Гос. воен. изд-во, 1931. – 464 с.

112. Запорожченко Г. М. Городская и рабочая потребительская кооперация Сибири в 1864–1917 гг. / Г. М. Запорожченко. – Новосибирск : Наука, 2004. – 260 с.

113. Зверев В. А. Воспроизводство населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...» проблемы региональной истории и исторического образования: сб. науч. тр. / под ред. В. А. Зверева. – Новосибирск, 1999. – С.130–153.

114. Зверев В. А. Половозрастной состав населения Западной Сибири в 1897–1917 гг. // Вопросы историографии, истории и археологии. – Омск, 1996. – С. 35 –38.

115. Иванов Л. М. О сословно–классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально экономической истории России. – М., 1971. – С. 312–340.

116. Иванова Е. В. Внедрение в российскую систему благотворительности зарубежного опыта социальной работы в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. В Иванова. – М., 1998. – 21 с.

117. Ильясова А. В. История повседневности в современной российской историографии // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XXI в.: сб. тр. молодых ученых / отв. ред. А. С. Усачев. – М., 2012. – С. 279.

118. Исаев В. И. Государственная жилищная политика в городах Сибири в начале XX века. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сб. материалов регион. науч. конф. – Новосибирск, 2007.– С. 306–312.

119. История города: Новониколаевск–Новосибирск (исторические очерки) / ред. А. Ф. Косенков. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2006. – Т. 2. – 304 с.

120. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / под ред. Р. У. Хабриева. – М., 2014. – 248 с.

121. История полиции России: краткий исторический очерк и основные документы. – М. : ЩИТ–М, 1998. – 200 с.

122. История промышленности Новосибирска. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2004. – Т. 1: Начало (1893–1917). – 656 с.

123. История развития города Новосибирска в 1893–1916 гг. [Электронный ресурс] // Музей Новосибирска. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2016. – URL: <http://m-nsk.ru/istoriya-goroda/istoriya-razvitiya/1893-1916/#toggle-id-22> (дата обращения: 11.02.2014).

124. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы России в первой половине XX в. / В. А. Исупов. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2000. – 244 с.

125. Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. – М., 1994. – С. 3 – 26.

126. Казаковцев С. В. Вятская губерния в годы Первой мировой войны: эволюция общественных настроений // Изв. Том. политехн. ун-та. – 2007. – Т. 310, № 3. – С. 184–188.

127. Как стал бесхозным русский дом. Жилищный вопрос и историческая логика его решения [Электронный ресурс] / Т. М. Говоренкова [и др.] // SocPolitika.ru. – Электрон. дан. – [Б. м., б. г.]. – URL:http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/analytics/document307.shtml#header2 (дата обращения: 13.02.2017).

128. Касавин И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М. : Канон, 2004. – 432 с.

129. Катионов О. Н. Кружки дам духовного звания в Томской губернии в годы Первой мировой войны / О. Н. Катионов, Ю. А. Зноско // Интерэкспо ГЕО–Сибирь. – 2016. – Т. 6, № 1. – С. 26–30.

130. Кижяева Т. А. Благотворительная деятельность попечительства о призрении семейств нижних чинов при Барнаульской городской управе в годы Первой мировой войны // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. – Барнаул, 2005. – С. 119–121.

131. Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. – М., 1993. – № 3. – С. 3–18.

132. Киселев А. В. Заработная плата наемных работников в Омске в начале XX в. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Сибирской конфедерации труда. – Электрон. дан. – [Б. м., б. г.]. – URL: <http://syndikalist.narod.ru/history1.htm> (дата обращения: 11.06.16).

133. Киселева Е. А. Кодирование профессиональных данных в целях проведения сравнительно–исторических исследований // Изв. Алтай. гос. ун-та. Сер. История и политология. – 2008. – № 4. – С. 89–94.

134. Китанина Т. М. Война, хлеб, революция: (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.) / Т. М. Китанина. – Л. : Наука, 1985. – 384 с.

135. Клячкин В. Е. Естественное движение города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 годов / В. Е. Клячкин. – Омск : Изд. Сиб. крайздрава и Омск. окружн. Здравоотд., 1928. – 50 с.

136. Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 3–27.

137. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно–революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.) / В. Г. Кокоулин. – Новосибирск : Сибирь–Наука, 2013. – 385 с.

138. Кондрашев П. Н. Исторические структуры повседневности: попытка марксистского анализа / П. Н. Кондрашев. – Saarbrücken : LAP Academic Publishing, 2012. – 385 с.

139. Коновалов И. А. Изменение в социальной структуре населения Омска в конце XIX – начале XX вв. // Омск XX в. (вехи истории). – Омск, 2001. – С. 7–20.

140. Косых Е. Н. Цены в Томске в 1917 г. // Вопросы экономической истории России XVIII – XX вв. – Томск, 1995. – С. 57–66.

141. Кочурина С. А. Дореволюционные учительские институты Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Вестн. Том. гос. педагог. ун-та. – 2010. – Вып. 1. – С. 13–18.

142. Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: к проблеме развития капитализма вширь / Л. В. Куприянова. – М. : Наука, 1981. – 232 с.

143. Кушнир Е. Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] // Новая локальная история: социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей. – Электрон. дан. – [Б. м., б. г.]. – URL: [http:// http://www.newlocalhistory.com/node/423](http://www.newlocalhistory.com/node/423) (дата обращения: 04.02.2017).

144. Ларьков Н. С. 200 лет на страже порядка. Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. / Н. С. Ларьков, И. В. Чернова, А. В. Войтович. – Томск : Красное знамя, 2002. – 519 с.

145. Лейборов И. П. Революция и хлеб / И. П. Лейборов, С. Д. Рудченко. – М., 1990. – 224 с.

146. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб. : СПбГУКИ, 2002. – 320 с.

147. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М., 1971. – Т. 3. – 561 с.

148. Лубны–Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время войны и революции. / Л. И. Лубны–Герцык. – М. : Плановое хозяйство, 1926. – 124 с.

149. Лыкосов М. В. Антинемецкая кампания в официальной печати России периода Первой мировой войны // Сибирь: проблемы истории повседневности XVIII — XX вв. Бахрушинские чтения : межвуз. сб. науч. тр. / под. ред. И. С. Кузнецова. – Новосибирск, 2006. – С. 81–91.

- 150.** Лыткина Е. Н. Влияние военного фактора на повседневную жизнь сибиряков в начале XX в. // Молодёжь – Барнаул. – Барнаул, 2005. – С. 47 – 48.
- 151.** Любутин К. Н. Новый подход к интерпретации повседневности. Диалектика повседневности: методологический подход / К. Н. Любутин, П. Н. Кондрашов. – Екатеринбург, 2007. – 295 с.
- 152.** Малиновский Л. В. Немцы в России и на Алтае / Л. В. Малиновский. – Барнаул : Алтай, 1995. –182 с.
- 153.** Марочкин В. В. Повседневная жизнь российского рок–музыканта / В. В. Марочкин. – М., 2003. – 225 с.
- 154.** Маттис А. Э. «Борьба с немецким засильем» в годы Первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1998. – С. 58–65.
- 155.** Медушевский А. Н. Когнитивно–информационная теория в современном гуманитарном познании // Рос. история. – 2009. – № 4. – С. 3–22.
- 156.** Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского, общества и правового государства : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Булавин, 2003. – Т. 2. – 359 с.
- 157.** Могильницкий Б. Г. Макро и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2009. – № 2 (6). – С. 14–21.
- 158.** Муравьев Н. М. Русский народ – защитник православных. Румыны и славяне / Н. М. Муравьев. – Киев, 1915. – 24 с.
- 159.** Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) / А. А. Мухин. – М. : Мысль, 1972. – 334 с.
- 160.** Нам И. В. Сибирские немцы в условиях Первой мировой войны и революции // Немцы. Россия. Сибирь. – Омск, 1997. – С. 130–141.
- 161.** Население Западной Сибири в XX веке / под ред. Н. Я. Гущина, В. А.

Исупова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 170 с.

162. Некрылов С. А. 4-й Томский передовой врачебно-питательный отряд на Юго-западной фронте (1915–1916 гг.) / С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых // Русин. – 2016. – №2 (44). – С. 187–199.

163. Новосельский С. А. Влияние войны на естественные движения населения // Тр. комиссии по обследованию санитарных последствий войны. 1914–1920 гг. – М.; Л., 1923. – Вып. 1. – С. 204–208.

164. Оболенская С. В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. – М., 2001. – Вып. 2. – С. 175–196.

165. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских: XIX в. / С. В. Оболенская. – М. : РАН. Ин-т всеобщей истории, 2000. – 209 с.

166. Оболенская С. В. Немцы в глазах русских XIX в.: черты общественной психологии // Вопросы истории. – 1997. – № 12. – С. 102 – 116.

167. Очерки истории города Омска / под ред. А. П. Толочко. – Омск, 1997. – Т. 1. – 292 с.

168. Пайпс Р. Русская революция. Агония старого режима (1905—1917) / Р. Пайпс. – М. : Захаров, 2005. – Кн. 1. – 480 с.

169. Пашенцев Д. А. Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. А. Пашенцев. – М., 1995. – 24 с.

170. Пивоваров Н. Ю. Особенности формирования сибирских потребительских кооперативных союзов (1913–1919 гг.) // Гуманитарные науки. – Новосибирск, 2013. – № 5–6. – С. 11–17.

171. Плохотнюк Т. Н. Положение этнических немцев Ставрополя в годы Первой и Второй мировых войн // Рос. ист. журн. – 1995. – № 4. – С. 12–18.

172. Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические зап. – 1950. – №. 31. – С. 37–

60.

173. Полуаршинов А. В. Оказание помощи пострадавшим от войны населением и общественными организациями Омска (июль 1914–февраль 1917 г.) // Актуальные проблемы отечественной истории XVIII–XX вв. – Омск, 2002. – С. 123–135.

174. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.) / О. С. Поршнева. – Екатеринбург : УРО РАН, 2000. – 415 с.

175. Поршнева О. С. Рабочие, крестьяне и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. – М. : РОССПЭН, 2004. – 368 с.

176. Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): межвуз. сб. науч. ст. – Барнаул : Изд-во Алтай. гос. ун-та, 1995. – 206 с.

177. Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство / С. Н. Прокопович. – М., 1918. – 264 с.

178. Пыжов Н. Жилище рабочего до и после Октября / Н. Пыжов. – М.; Л., 1925. – 236 с.

179. Рабинович М. С. Из истории Омского военного госпиталя // Изв. Омск. отд-ния Географ. об-ва СССР. – Омск, 1960. – Вып. 3. – С. 37–43.

180. Рабинович М. С. Роль военных врачей Омска в истории гражданского здравоохранения города до Октябрьской революции // Межвуз. науч. конф. Материалы географ. секции. – Омск, 1967. – С. 113–118.

181. Разгон И. М. Томск накануне февральской революции 1917 г. // Томску – 375 лет. – Томск, 1979. – С.122–136.

182. Ростовцев Г. И. Исследование жилищ рабочих бакинских нефтяных промыслов в санитарном отношении / Г. И. Ростовцев. – Баку : Тип. Первого тип. т-ва, 1915. – Вып. 1. – 373 с.

183. Рынков В. М. Рынок сельскохозяйственной продукции Сибири в годы Первой мировой войны: поведение покупателя и продавца // Сибирь: проблемы

истории повседневности XVII – XX вв. : Бахрушинские чтения 2005 г. – Новосибирск, 2005. – С. 68–80.

184. Саета В. А. Барнаул. Прошлое и настоящее (1730–2008) [Электронный ресурс] // ЭРА: электронные ресурсы Алтая. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2012–2017. – URL: <http://altlib.ru/files/cd/barnaulsaeta/002.html> (дата обращения: 03.02.2016).

185. Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война: (материалы междунар. науч. коллоквиума). – СПб., 1999. – С. 202–216.

186. Селюк В. И. Пленные Первой мировой войны // Омский краевед. – 2012. – № 5. – С. 14–18.

187. Семенова Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Ю. Семёнова. – Саратов, 2013. – 50 с.

188. Семенова К. А. Здравоохранение города Томска: время становления (1860–е – 1919 г.) / К. А. Семенова. – Томск, 2009. – 157 с.

189. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С. Сенявская. – М. : Рос. полит. энциклопедия, 2006. – 288 с.

190. Сенявская Е. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период Первой мировой войны. 1914 – март 1918 гг. (рецензия на работу О.С. Поршневой) // Отечественная история. – 2001. – № 1. – С. 192–194.

191. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М. : РОССПЭН, 1999. – 383 с.

192. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко–психологические очерки / Е. С. Сенявская. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. – 232 с.

193. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / А. Л. Сидоров. – М. : Наука, 1973. – 654 с.

194. Скубневский В. А. Города Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2003. – 360 с.

195. Скубневский В. А. Застройка городов Западной Сибири в середине XIX — начале XX в. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров // Города Сибири в XVII–начале XX в. – Барнаул, 2004. – Вып. 2. – С. 33–74.

196. Скубневский В. А. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 1998. – № 3. – С. 58–62.

197. Сотникова Л. В. История жилищных реформ России / Л. В. Сотникова, Н. А. Севрюк // Управление в современных системах. – 2014. – №3. – С. 38–44.

198. Старцев А. В. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.) / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 1999. – 215 с.

199. Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2, вып. 1 (6). – С. 147–159.

200. Сыщенко А. Г. Золотые годы сибирской и алтайской кооперации 1896–1919 гг. / А. Г. Сыщенко, В. А. Сыщенко. – Барнаул : АзБука. 2003. – 297 с.

201. Талапин А. Н. Военнопленные славяне на территории Омского округа (1914–1917 гг.). // Актуальные проблемы гуманитарных наук: меж.-вуз. сб. науч. тр. – Омск, 2003. – С. 128–134.

202. Талапин А. Н. К вопросу об использовании труда военнопленных в 1914–1917 гг. // Омские исторические чтения, посвящённые памяти доцента кафедры дореволюционной отечественной истории ОмГУ Александра Ермолаевича Плотникова: сб. воспоминаний, ст., тез. выступлений. – Омск, 2003. – С. 130–134.

203. Трошина Т. И. Продовольственный вопрос в Архангельске в годы Первой мировой войны в связи с нарушением традиционного торгового баланса // Архангельск и северные страны конца XVI – начала XX веков. – Архангельск, 1999.

– С. 135–145.

204. Труды первого съезда врачей Томской губернии (9-14 сентября 1917 г.) / под общ. ред. П. И. Чистякова. – Томск : Товарищество "Печатня С. П. Яковлева", 1917. – Вып. 1. – 269 с.

205. Туманова А. С. «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны // Неприкосновенный запас. – 2015. – №103. – С. 190–210.

206. Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. / А. С. Туманова. – М. : РОССПЭН, 2014. – 328 с.

207. Тяпкина О. А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: социально–экономическое исследование / О. А. Тяпкина. – Новосибирск : Сова, 2008. – 304 с.

208. Улько В. От Демидовской площади – до Лиллехаммера / В. Улько. – Барнаул, 1996. – Ч. 1. – 122 с.

209. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б. Ц. Урланис. – М. : Госстатиздат, 1963. – 136 с.

210. Фабрика Ю. А. «Новониколаевск переобременен войсками...» (Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг.) / Ю. А. Фабрика // Сибирь и войны XIX–XX веков. – Новониколаевск, 2014. – С. 103–106.

211. Фабрика Ю. А. Сибирь сражающаяся. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / Ю. А. Фабрика. – Новосибирск : Сиб. кн. изд–во, 2014. – Т. 2. – 307 с.

212. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – М. : Наука, 1991. – 635 с.

213. Федотов Н. П. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири / Н. П. Федотов, Г. И. Мендрин. – Томск, 1975. – 260 с.

214. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России / У. Фуллер. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 376 с.

215. Харусь О. А. Социальные практики конструирования сибирской

идентичности в условиях Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности : сб. тр. конф. – Томск, 2014. – С. 223–225.

216. Чаянов А. В. Нормы потребления сельского населения России // Стат. вестн. – М., 1915. – Кн. 2. – С. 3–6.

217. Чудаков О. В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.) / О. В. Чудаков. – Омск : ОМГУ, 2013. – 422 с.

218. Чудаков О. В. Деятельность Омского городского самоуправления в организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. – Омск, 2000. – С. 183–188.

219. Чудаков О. В. Мобилизационные усилия органов городского самоуправления Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков. – Новосибирск, 2004. – С. 139–141.

220. Чудаков О. В. Социально–культурная деятельность органов городского самоуправления в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 года) // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2005. – № 3. – С. 66–74.

221. Шайдуров В. Н. Первая мировая война и судьба российских немцев // Алтайский сборник. – Барнаул, 2000. – Вып. 20. – С. 48–62.

222. Шахматов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно–демократическими революциями / Ф. Ф. Шахматов. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1966. – 192 с.

223. Шевцов В. В. Инвестиционно–предпринимательская деятельность П.И. Макушина в области культуры и просвещения (по материалам томских архивов и периодической печати) / В. В. Шевцов, Т. П. Карташова // Сибирские исторические

исследования. – 2016. – №2. – С. 96–110.

224. Шевцов В. В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) : монография / В. В. Шевцов. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2016. – 672 с.

225. Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну [Электронный ресурс] / Г. И. Шигалин. – М. : Воениздат, 1956. – 332 с. – Электрон. версия печат. публ. – URL: [http:// http://militera.lib.ru/research/shigalin_gi/index.html](http://militera.lib.ru/research/shigalin_gi/index.html) (дата обращения: 10.07.2017).

226. Шиловский М. В. Адаптация крестьян к городской среде Новониколаевска в начале XX в. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России: материалы Всерос. науч.–практ. конф. Новосибирск, 17–18 ноября 2008 г. – Новосибирск, 2008. – С. 16–18.

227. Шиловский М. В. Жилищные условия интеллигенции Сибири XIX – начала XX вв. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. 4–е научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. – Барнаул, 2003. – Кн. 2. – С. 178–184.

228. Шиловский М. В. Массовые беспорядки среди мобилизованных в Сибири во второй половине июля 1914 г. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 84–88.

229. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / М. В. Шиловский. – Новосибирск : Автограф, 2015. – 330 с.

230. Шиловский М. В. Повседневная среда обитания городской интеллигенции Сибири в XIX - начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX века: сб. науч. ст. – Барнаул, 2004. – С. 88–101.

231. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. – 428 с.

- 232.** Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX вв.) / А. А. Штырбул. – Омск, 2003. – Ч. 1. – 243 с.
- 233.** Шубина М. П. О понятии и природе повседневности // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2006. – № 42. – С. 55–62.
- 234.** Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исследования. – 1993. – № 2. – С. 129–137.
- 235.** Щербинин П. П. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женская повседневность в России XVIII–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. – Тамбов, 2003. – С. 121–133.
- 236.** Щербинин П. П. Повседневная жизнь россиянок в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Женщина и война в поэзии и повседневности Первой мировой войны 1914–1918 гг. – Тамбов, 2001. – С. 18–37.
- 237.** Энгл Б. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. – 2010. – Т. 4, № 1. – С. 148–178.
- 238.** Юдалевич М. И. Барнаул (1730–1917 гг.) / М. И. Юдалевич. – Барнаул : Алтай. кн. изд-во, 1992. – 216 с.
- 239.** Ясный Н. М. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны / Н. М. Ясный. – Пг. : Американская скоропечатня, 1917. – 52 с.
- 240.** Gatrell P. Russia's First World War: A social and economic history / P. Gatrell. – Harlow, 2005. – 340 p.
- 241.** Saunders D. The First World War and the end of Tsarism // Reinterpreting revolutionary Russia: Essays in honor of James D. White / ed. I. Thatcher. – Basingstoke, 2006. – P. 55–71.